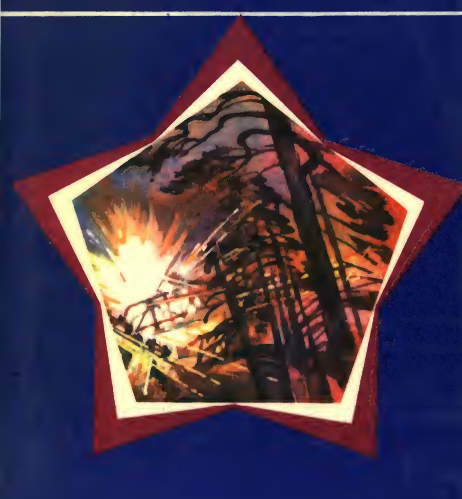
ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ



БОЙЦЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ

ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

БОЙЦЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Н. ПРОНИН

ФРАНЦУЗСКИЕ ТЕТРАДИ ЛЕЙТЕНАНТА РЯБОВА

С. ГЛАДКИЙ,
Д. ФЬЮМАРА

ОПЕРАЦИЯ «БАЛЬДЕНИЧ»

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1984

63.3(2)722.5
Б 77

Политическая консолидация сил Сопротивления во Франции позволила в начале 1944 г. создать внутренние вооруженные силы, наиболее боеспособной и активной частью которых являлись руководимые коммунистами франтиреры и партизаны.

Борцы Сопротивления внесли значительный вклад в победу над фашистскими захватчиками. Они срывали планы нацистского руководства по превращению Западной Европы в надежный и устойчивый тыл. Патриоты наносили ощутимые удары по коммуникациям и гарнизонам противника, дезорганизовывали работу промышленных предприятий, отвлекали на себя часть вооруженных сил гитлеровской коалиции. Они уничтожали десятки тысяч вражеских солдат и офицеров, изгоняли оккупантов и их пособников из населенных пунктов, городов и обширных районов, а в некоторых странах (Югославии, Греции, Албании, Франции) освободили почти всю территорию или значительную ее часть.

Значение движения Сопротивления не исчерпывается лишь его военной стороной. Оно явилось и важным морально-политическим фактором борьбы против фашизма: даже самые скромные по своим масштабам акции были обращены против всей системы «нового порядка», укрепляя моральные силы народов в борьбе против фашизма.

История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 12, с. 85.

Б $\frac{0505030202-232}{078(02)-84}$ 011—84

Н. ПРОНИН

ФРАНЦУЗСКИЕ ТЕТРАДИ ЛЕЙТЕНАНТА РЯБОВА

ПРОЛОГ

Он появляется на стройке регулярно, раз в неделю, обычно во второй половине дня. Совсем седой, с глубокой сеткой морщин на лице, но еще статный, прямой, высокий. Он шагает по площадке, ко всему внимательно приглядываясь, словно проверяя, что сделано за то время, пока он отсутствовал, как продвинулись дела на объектах. Спускается в котлованы, вслушивается в трескотню компрессоров, гул бульдозеров, экскаваторов, многоголосый говор строителей... Подолгу вчитывается в надписи на монтируемом оборудовании всевозможных фирм, покачивает головой, удивленный сложностью машин и механизмов, их размерами. А когда устанет, идет к вагончику, в котором размещаются работающие на стройке французские специалисты, или, как их зовут здесь, — шеф-пурьены, садится на скамейку, умиротворенный, вслушиваясь в доносившуюся до него через открытую дверь французскую речь, чему-то улыбается...

В Оренбурге много других строек. Почему же он выбрал именно эту, возводимую в сорока километрах от города в степи, недалеко от границы Европы и Азии, куда и добираться приходится долго, попутным транспортом? И чему улыбается, слушая непривычную для здешних мест французскую речь?

На стройке его знают. И когда я заговорил о нем с прорабом, тот задумчиво сказал:

— Этот человек частый гость у нас. Хотите знать, кто он? О, это целая история... Познакомить с ним? — И, не дожидаясь ответа, подвел меня к все еще сидящему у вагончика седому мужчине, представил: — Иван Васильевич Рябов...

Стоило только нам начать разговор, как я сразу понял, почему прораб считает, что эта строительная площадка для Ивана Васильевича не рядовой объект — в годы второй мировой войны Рябов сражался во Франции, командовал русскими партизанскими отрядами, узнал и полюбил простой народ этой страны, и мирный объект, возводящийся под Оренбургом с помощью французских специалистов, предстал как символ продолжающейся дружбы двух народов...

В первый вечер мы проговорили допоздна... И если бы не документы, письма товарищей по Сопротивлению, боевые награды Франции и СССР, в то, о чем рассказывал мне Рябов, трудно было поверить. Не единожды говорили мы и потом. Я написал и опубликовал об Иване Васильевиче очерк. Однако оставалось ощущение, что чего-то не доделал, не довел до конца. И я продолжал сбор материалов, еще что-то уточнял, до чего-то старался докопаться. Однажды смущенно и чуточку краснея, словно сообщая о себе нечто предосудительное, Рябов признался:

— Вообще-то во Франции я вел дневник. Может быть, он поможет вам? — И тут же забеспокоился: только вот разберетесь ли в записях? Ведь им тоже досталось немало!

С этими словами он вынул из шкафа сверток, развязал крест-накрест перевязанную бечевкой серую оберточную бумагу и подал мне несколько пухлых тетрадей в коричневых клеенчатых корках. Страницы их были испещрены убористым почерком, от времени пожелтели, пожухли, скрючились, как кожура бобовых стручков. Кое-где бумага оказалась подмоченной, местами склеилась. Читать их было трудно и потому, что то и дело встречались сокращения, вместо имен стояли лишь инициалы, а то и отдельные, на первый взгляд произвольно взятые буквы. Расшифровка всех этих загадок потребовала немало времени... Но в конце концов оказалось, что записи стоили этих больших затрат.

Кроме дневников, в архиве Рябова отыскалось несколько его личных заметок, связанных с пребыванием во Франции, которые Иван Васильевич подготовил по памяти после войны. Много для восстановления давних событий дали мне его нынешние воспоминания, а также работа в архивных учреждениях страны, перепис-

ка и встречи с его товарищами по борьбе в рядах французского Сопротивления.

Повесть «Французские тетради лейтенанта Рябова» документальна. И если ныне действующие лица выступают не всегда под своими, а под вымышленными именами (этого требовали в те времена строжайшие условия конспирации), то, по возможности, в большинстве случаев псевдонимы расшифровываются. Так, сам Иван Васильевич в подполье и в партизанском отряде носил имя Александра Колесника...

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

«3 января 1944 года.

Наконец-то мы вырвались на свободу. Идем на запад, к Атлантическому побережью в район города Дулана. Там намечено создать базу для будущего партизанского отряда. Там собираются русские парни, бежавшие из разных лагерей военнопленных и так называемых «перемещенных» лиц, то есть из лагерей, где размещаются угнанные фашистами из родных мест молодые люди для работы на шахтах, военных предприятиях, строительстве военных сооружений. Нас ведет француженка — Андреа, связная, проводница местного подполья.

Идем медленно, обычно по утрам и вечерам. Мои спутники Николай и Геращенко ворчат: «Плетемся как черепахи». Однако, я думаю, что время для нашего передвижения Андреа выбирает не случайно, именно в эти часы на дорогах особенно многолюдно и мы меньше привлекаем внимания».

(Из дневника Александра Колесникова — Ивана Рябова)

* * *

В конце недели Андреа вдруг изменила своему правилу. Утром едва группа Александра Колесника вышла из села, как повалил мокрый снег, по земле поплыла белесая мгла. В такую погоду порядочный хозяин собаку из дома не выгонит, а они шли и шли... Шли весь день. Под вечер впереди в полумраке стали проступать какие-то пятна. «Боваль!» — почему-то шепотом объ-

явила Андреа. И они затоптались на месте, словно перед препятствием.

Об этом селе онн уже кое-что слышали. Андреа рассказывала, что рядом с селом ведется секретное строительство, в Бовали полно немцев. А дальше мост. Ночью через него не пройти. Поэтому ночевать им придется в селе. И хотя в темноте на улнцах Бовали они не встретили нн одного немца, но, несомненно, ощущали их присутствие... Тревожную ночь провели у фермера, знакомого Андреа. Рано утром, когда они подошли к берегу реки, то от моста уже тянулся длинный шлейф из автомашин и телег. Все ждалн, когда наступит час переправы...

Но вот из будки вышел мордастый фельдфебель, зевнул, лениво махнул рукой солдату. Тут же поднялся шлагбаум, и с обоих берегов реки навстречу друг другу одновременно ринулись машины, повозки н люди. Документы проверяли наспех, и нм удалось проскочить мост без помех. Настроение у Андреа сразу поднялось, напряжение с лица спало. «Теперь все, — сказала она весело, — теперь мы у цели». И впервые за всю дорогу улыбнулась.

На хутор Левиконь беглецы прншли в полдень. Но по земле все еще плыл белый, словно молоко, туман. Наверное, они и так бы проскочили хутор незамеченными, однако Андреа повела их задами, через сады, огороды. На ферму господнна Булена они проникли с тыла. Миновав какие-то постройки, подошли к длинному помещению, напоминающему склад. Как потом выяснилось, это был коровннк. По узкой лестнице поднялись наверх, попали в мансардную комнату, словно ласточкино гнездо прилепившуюся к крыше хлева. Первым, кого они увндели здесь, был Петриченко. Он что-то разыскивал в ворохе сваленной в углу сбруи. На скрип двери круто повернулся, увидев гостей, в первую минуту оторопел, заморгал глазами, вндимо, еще не веря в реальность происходящего. Но тут же его лицо расплылось в улыбке. Со словами: «Кого я вижу! Наконец-то! А то мы уже все жданки поели, елки-моталки», — кинулся к гостям, принялся их обнимать.

Когда очередь дошла до их спутницы, Петрнченко развел руками:

— Ну а вас, дорогая Андреа, не только обнять, расцеловать мало!

— Учтите, что на это рассчитывают и другие, — подал голос Николай. Петрнченко круто повернулся в его сторону, весело мотнул головой.

— Ты смотри, едва выбрался из клеткн, а уже облюбовал девушку, н какую! Ну, орел...

Все заулыбались, у Андреа во все щекн вспыхиул румянец. Петриченко бережно пожал ей руку, помог снять пальто, усаднл поблнже к голландке, ласково сказал: «Отогревайтесь» — н, броснв на товарищей удивленный взгляд, ворчливо обронил:

— А вы чего дожндаетесь? Раздевайтесь, и к столу!

И тут же засуетился: куда-то убегал, возвращался назад, что-то прнноснл, ставил на стол, между делом окндывал гостей изучающим взглядом, иедовольио крутил головой, вндимо, что-то в инх ему ие нравнлось.

В этот момент ему очень хотелось угостнть нх, угостнть, что называется, на славу, но где и что возьмешь в такое голодное время? Впрочем, на столе появился сыр домашнего прнготовлення, крохотный кусочек ветчины, внно, без которого не обходятся французы. Это уже немало! Петрнченко поднял рюмку, снова окинул товарищей радостно-возбуждеиным взглядом н с волнением сказал:

— За встречу, друзья, за свободу!

Онн выпнлн. Вероятно, от непрнвычкн, от слабости у Алексаидра закружнлась голова.

Андреа только чуть-чуть смочнла губы н, смешно сморщив нос, тут же поставнла рюмку иа стол, поднялась со своего места, несмело объявила:

— Ну, мне пора возвращаться, а то дома уже заждалнсь... Сегодня бы до Бовалн добраться, а там будет легче...

Они мысленно представнли только что пройденный путь н согласились: да, это действнтельно, пожалуй, самый опасный участок дорогн... Петричеико иезаметно сунул в карман пальто Андреа какой-то сверток, а Николай неуверенно предложнл:

— Может быть, я вас провожу?

Девушка минуту колебалась, но затем решнтельно отказалась.

— Нет, одна я лучше проскочу хутор незамечеиной.

Онн распрощалнсь с ней, пожелали ей всяческнх благ. Вместе с Андреа выскользнул из комнаты н Нниколай, но тут же, смущенный, вернулся назад. Петрн-

ченко внимательно посмотрел на него, задумчиво обронил:

— Многим я обязан этой девушке. Если бы не Андреа, еще неизвестно, был бы я здесь...

— Разве и тебя она тоже вела сюда? — спросил Геращенко.

— Она!

Что-то вспомнив, Петриченко улыбнулся, добавил:

— Если рассказать, как я добирался до хутора без документов — не поверите. Целая одиссея!

В эту минуту внизу что-то скрипнуло, кажется, ворота ограды, послышалась французская речь. Петриченко выглянул в окно, нахмурился:

— Хозяин прикатил! Вот тебе и поговорили. Ну да ничего, это даже к лучшему: скоро ребята вернутся, тогда разом и потолкуем. Ночь в нашем распоряжении... Вы отдыхайте, а я пойду, у меня еще дела.

— А если хозяин к нам заглянет да поинтересуется, кто мы такие? — спросил Геращенко.

— По документам вы кто? — в свою очередь, спросил Петриченко.

— Поляки-эмигранты!

— Поздравляю, — улыбнулся он, — мы тоже выдаем себя за них. Господин Булен, правда, догадывается, что мы за поляки, но я думаю, что все будет в порядке. Он человек хороший. Так что отдыхайте спокойно!

* * *

Немного повозившись, Николай и Геращенко вскоре утихли, а глаза Александра продолжали изучать мансарду... Вид ее был довольно убогим: наклонный потолок с закопченными балками, из которых торчали какие-то крюки, давно не беленые стены; посреди комнаты — колченогий стол, несколько грубо сколоченных табуреток. Вправо от двери сиротливо прижалась к стене обшарпанная, отслужившая век и потому выброшенная из хозяйской квартиры кушетка. Когда открывалась дверь, было слышно, как внизу вздыхали, жуя жвачку, коровы, где-то кудахтали куры, хрюкали свиньи. В мансарду врывался запах навоза, сена и парного молока. Стояла та удивительная тишина и тот давно забытый сельский покой, которые всегда несли

с собой какую-то блаженную расслабленность и умиротворение. В памяти Колесника тотчас всплыло Оренбуржье, родное Сакмарское, далекое, невозвратное детство. И в нем самом начали происходить какие-то странные, необъяснимые перемены. Вначале он даже не понял, что это за перемены, но ему стало как-то непривычно легко, уютно, радостно. «Так это же свобода! Сво-бо-да!» — повторил он вслух.

Это было как открытие. Только сейчас, спустя неделю после побега из неволи, он ощутил ее — свободу — по-настоящему, с него словно бы свалилась какая-то тяжесть, которая давила давно, долго и мучительно. Он думал, что вслед за этим тут же начнет отодвигаться в прошлое, как бы размываться в зыбком тумане то, что было вчера, позавчера, и в его жизни начнется новая полоса. Но пережитое отступать не спешило, наоборот, оно бесцеремонно и даже нагло тут же начало напоминать о себе. Картины былого четко, в назойливой последовательности — день за днем — начали вырисовываться в голове.

Чтобы отделаться от тягостных дум, Колесник пытался уснуть. Но долго это ему не удавалось. А когда наконец забылся, сразу же увидел до мелочей знакомый сон... Вновь они кидались на врага, но натыкались на сплошной заградительный огонь, в ярости откатывались, залегали, чтобы тут же подняться и снова идти в атаку... Из окружения их полк тогда так и не вырвался...

Сколько времени уже прошло с тех пор, а ярость все еще кипит в нем, преследует и поныне. Лишь только он забывается — все повторяется сначала. Он кричит: «Ура!», бежит, падает, вновь поднимается и бежит, бежит...

Проснулся он весь в холодном поту, пришел в себя не сразу. «Кошмарные сны, наверное, еще долго не оставят нас в покое», — подумал он. Геращенко похрапывал, Николай во сне что-то бормотал. Но вот он перевернулся на другой бок, сладко причмокнул губами и утих... А мысли Колесника вновь вернулись к пережитому...

...Это был его третий побег из неволи. Первый он совершил в начале сорок второго.

В начале сорок третьего он совершил второй побег. Вместе с ним ушли Геращенко и Попов. Цель их

была одиа — отыскать французских подпольщиков и партизан, чтобы взяться за оружие.

Когда они еще находились за колючей проволокой и жадно ловили слухи о диверсиях, проводимых франтирерами, то все представлялось проще простого: стоит только вырваться им из лап врага, а отыскать партизан — дело иемудреное. Но как только они очутились на долгожданной воле, то оказалось все это гораздо сложиее, чем они думали.

Им, плохо зиавшим французский язык, местные жители, видимо, не доверяли, а может быть, и не понимали, что оии хотят...

Как-то им повстречался поляк — Антек. Он работал батраком на ферме у бельгийца, иеплохо знал русский язык. Когда они попросили его связать их с партизанами, просьбе нисколько ие удивился. Однако внимательно выслушав, сказал:

— В буа * фраитиреров и партизан вы не иайдете. Разве вы не видите, какой здесь лес? В нем не скроешься. Поэтому французские партизаны обычио живут на квартирах, порой числятся на работе, а по ночам выходят на операции. Чтобы отыскать их, нужна связь с подпольем, а у меня ее, к сожалению, нет!

Оии удивленно переглянулись — так вот в чем причина их неудач. Настроеиие сразу упало.

— Все, что я смогу сделать, — продолжал Антек, — это устроить вас батраками на фермы. Может быть, даже без документов, но не всех сразу...

Однако в них еще жила надежда на удачу, на иеожиданную, что ли, встречу с партизанами, и беглецы вновь зашагали на восток. А через день — уже иа бельгийской граиице — их схватили жаидармы.

В иное время в другом месте их, возможно, и расстреляли бы, но «блицкриг» дал осечку и иа деле оказался утомительной войной, требующей ие только иовых солдат, но и множества рабочих рук, а их уже не хватало. Вот гитлеровцы и сохранили беглецам жизнь. Их жестоко избили и вновь водворили в лагерь для восточных рабочих.

Тяжело переживали они свою неудачу. Но как только им удалось остаться втроем, Попов, тяжело вздохнув, упрямо сказал:

* В лесу.

— А я все равно сбегу. Вот только немного отдышусь и сразу — под колючую проволоку. — И повернулся в сторону Колесника: ему важно было услышать его мнение. Колесник усмехнулся.

— И опять застрянешь! Нет, брат, теперь уже ясно — лбом стены здесь не прошибешь. И потом, побег для нас может быть и не самое главное...

— А что же тогда самое главное? — встрепенулся Попов.

На этот раз Колесник заговорил не сразу.

— Думаю, что нам важно сейчас найти свое место в общей борьбе, определить, где мы всего нужнее. Ты помнишь, что сказал Антек? «Без подполья контакта с франтирерами не установишь!» А почему? Да потому, что в одиночку, как говорят, не сдвинешь и кочку...

— А если в лагере нет подполья? Тогда как? — озадаченно спросил Попов.

— Нет? Значит, его надо создать! — твердо сказал Колесник. — На первых порах хотя бы группу.

— Ну, это не так просто, — недоверчиво покачал головой Попов.

— Разумеется, — согласился Колесник. И тут же спросил: — Ты в армии кем был?

— Командиром взвода!

— Вот-вот... А ты обратил внимание на то, что у нас в лагере в основном молодежь, угнанная из Польши, Белоруссии, Украины, которая и в армии-то никогда не служила. И если не мы, то кто же еще организует ребят и поведет их за собой?.. А создав группу, мы сможем хоть как-то и здесь, за колючей проволокой, помогать Родине, — продолжал Колесник. — Только с помощью крепкого подполья можно по-настоящему развернуть диверсионную работу в шахтах. Через него у нас будет ближе путь и к франтирерам, потому что тогда легче будет установить нам контакт с французским Сопротивлением.

На первых порах их было трое. Потом стало пятеро. А там каждый из них, в свою очередь, создал свою пятерку. Группа начала расти...

Первая задача, которую они поставили перед собой, была поднять настроение у молодых ребят, угнанных из родных мест, убедить их в том, что поражение фашистской Германии неизбежно, а следовательно, и не-

избежно их возвращение на Родину. Однако они не должны, не имеют права быть здесь пассивными рабами гитлеровцев. И здесь, в лагерях, работая на шахтах, они могут внести свой посильный вклад в общее дело борьбы с врагом, ускорить его гибель. И потому возникала вторая задача — вовлечь молодежь в активную борьбу, чтобы организовать диверсии на шахтах, выводить из строя оборудование, заваливать породой инструменты, резиновые шланги, по которым подается сжатый воздух к пневматическим отбойным молоткам, портить транспортные средства... Короче, делать все, чтобы сократить добычу угля на шахтах... Каждая тонна недоданного угля — это их удар по врагу!

Конечно, все это было делом непростым. Надсмотрщиков в шахтах и лагерях было хоть отбавляй. Но скоро ребята научились «работать» так, что и комар носа не подточит...

Борьба с общим врагом постепенно сблизила их с французами, которые тоже работали в этих же шахтах, была налажена связь с их подпольем. Оно ввело русских в курс политической жизни страны. Через французское подполье стало известно, что центр антигитлеровского движения Сопротивления, возглавляемого генералом де Голлем, находится в Лондоне — руководимый им нелегальный комитет «Сражающаяся Франция» признан Советским правительством. На Восточном фронте плечом к плечу с русскими сражается не один десяток французских летчиков. А здесь, во Франции, еще в сорок втором году с де Голлем французские коммунисты установили соглашение о совместных действиях.

Снабжало подполье русских и нелегальными газетами «Юманите» *, «Франс де'Абор» **. Поэтому они неплохо теперь знали не только о событиях в стране, но и о положении дел на советско-германском фронте.

Как-то при очередной встрече секретарь коммунистической ячейки шахты Антуан сказал Колеснику:

— Последнее время ваши парни здорово активизировались. То, что, например, за минувший месяц угольная компания «Карвен» недополучила почти пять тысяч

---

* Орган Компартии Франции.

** «Франция — прежде всего» — орган франтиреров и партизан.

тонн угля, вы вправе отнести на свой счет. Но ныне одних диверсионных акций уже недостаточно. Наша партия взяла курс на объединение всех антигитлеровских сил, начала подготовку к Национальному вооруженному восстанию. И теперь очень важно иметь как больше... как это по-русски?.. Комбатант... Одним словом, меня попросили узнать, не найдутся ли среди русских парней желающие пойти во франтиреры — в партизаны? Мы поможем им при побеге...

Добровольцы, разумеется, нашлись, и немало. В числе первых по решению подпольного центра бежал Попов. За ним — группа молодых парней... А спустя некоторое время от тех, кто ушел в партизаны, до подполья дошли радостные вести: воюют, и отлично воюют. И это было неудивительно. Ведь среди тех, кто бежал, были и такие, кто прошел суровую школу войны, приобрел богатый опыт на полях сражений.

День, когда удавалось организовать побег очередной партии людей в партизаны, был для подполья праздником. Но это случалось нечасто. Попасть в ряды франтиреров было нелегко. Эти отряды были немногочисленны и действовали небольшими группами. В конце сорок третьего, несмотря на репрессии немцев, ряды Сопротивления начали быстро расти. Создавались новые отряды и партизанские группы. Но все равно принять всех русских, пожелавших участвовать в их борьбе, французы не могли. Вот почему у Колесника и его товарищей по подполью родилась идея создать свой, русский, партизанский отряд.

В те дни, когда их только что привезли во Францию и у них не было ни контактов, ни связей с французским подпольем, а главное, они не знали языка, об этом не могло быть и речи. Однако за полтора года пребывания русских в лагерях Франции в их жизни многое изменилось. И это был прежде всего результат тех перемен, которые произошли на Восточном фронте.

К концу сорок третьего года Красная Армия одержала ряд крупных побед на фронтах, разгромила фашистские полчища под Сталинградом и на Курской дуге, вышла на Днепр, освободила большую часть советской земли. Предприниматели, наживающие капитал на даровых рабочих руках, уже не могли, как прежде, получать военнопленных, когда и сколько хотели. И они принялись лавировать — наряду «с кнутом» стали использовать «пряник». Восточных рабочих по-прежнему

кормили плохо, но уже дифференцированно. Те, что выполняли норму, — «честные рабочие» (терминология шахтовладельцев), могли рассчитывать и на дополнительный паек, а некоторые даже получали право выхода в город.

Еще в те дни, когда русские работали вместе с французами (француз-забойщик, два-три русских помощника), между ними начали устанавливаться контакты. Правда, потом немцы спохватились, отделили «остовцев», заставили их трудиться самостоятельно. Это несколько сократило возможность общения русских и французов. Зато теперь, когда кое-кого из восточных рабочих стали выпускать за колючую проволоку, контакты эти возобновились, начали быстро крепнуть.

К этому времени легче стало совершить и сам побег из неволи. Английская и американская авиация все чаще проводила налеты на Германию, бомбила и французские города. Обычно при налете в лагере объявлялась воздушная тревога. Восточных рабочих выгоняли из бараков, заставляли прятаться в отрытых щелях, укрытиях. Однажды во время такой суматохи несколько смельчаков ушли не в укрытие, а подползли под колючую проволоку, принесли с соседнего поля картофель. У них нашлись последователи.

«Добытчиков» нередко ловили, жестоко избивали. Но опять-таки из-за нехватки рабочих рук им сохранялась жизнь. И вылазки под колючую проволоку продолжались... Вот почему мысль о создании русского партизанского отряда уже не казалась неосуществимой.

Идея эта получила одобрение и у французского подполья, которое подсказало место дислокации будущего отряда — район города Дуллана. Вскоре в его окрестностях начали собираться русские, бежавшие из лагеря. Те из них, кому французское подполье успело изготовить документы, устраивались батраками на фермы. Однако большинство прятались где придется. Этих людей нужно было объединить в отряд, позвать на активную борьбу с фашизмом. Еще осенью с этой целью бежал из лагеря Петриченко. Однако он ушел в спешке, без документов. Уверенности в том, что он добрался до базы, не было. И вот тогда Колесник решил, что надо ему самому уходить из лагеря.

* * *

Неожиданно его размышления были прерваны: скрипнула дверь — это вернулся Петриченко. Некоторое время он что-то разыскивал в темноте, то и дело натыкаясь на какие-то предметы, что-то ронял, чем-то гремел и чертыхался при этом. Наконец ему удалось зажечь керосиновую лампу, которая осветила крохотный уголок мансарды. Заметив, что Колесник лежит с открытыми глазами, спросил:

— Как отдыхалось?

— Спасибо, хорошо!

— Скоро придут ребята, — объявил Петриченко. — Правда, не все. Все соберемся потом, особо. Жаль, конечно, что вы и отдохнуть-то как следует не успели, но очень уж хочется скорее поговорить... Заждались мы вас... С осени ждем. А тут и зима наступила, а вас все нет и нет. Думали, не случилось ли что?

В прошлом Петриченко кадровый командир. Во время военных маневров повредил себе позвоночник и по состоянию здоровья был уволен из армии, работал председателем колхоза на Киевщине, показал себя способным организатором. Перед приходом немцев в его родное село успел сделать все: и скот эвакуировать, и мастерские демонтировать, вот только сам уйти не успел. Он попал в лагерь военнопленных. Однако неволя не сломила этого человека. В подполье Петриченко умело направлял диверсионную работу в шахтах, а когда задумали организовать партизанский отряд, одним из первых добровольцев ушел под колючую проволоку...

— Мы тоже за тебя переживали, — после некоторого молчания заговорил Колесник. — Все беспокоились, добрался ли ты до места или нет? На что Никифоров — человек на редкость уравновешенный, и то последнее время начал проявлять беспокойство.

— Без документов первое время было нелегко, — признался Петриченко. — Но потом я все же приобрел их. Правда, не очень надежные, но достал. Очень уж беспокоила меня партизанская база. Как, думаю, там дела у земляка? Это, видимо, и помогло мне пробраться через все кордоны. А Загороднев оказался молодцом: сам обосновался прочно и многих парней пристроил...

— Где он сейчас?

— На соседнем хуторе, скоро придет...

— Насчет задержкн ты прав, — сказал Колесник. — Бежать я должен был еще в октябре. И французы пообещали мне помочь с документамн... Но нменио в этом месяце иачалась забастовка шахтеров Острнкура. Вскоре ее поддержали углекопы всего севера Фраицни. Началнсь аресты. В числе арестованных оказались и те, кто нзготовлял документы. Французы, правда, предупреднлн нас, что подбнраются новые специалисты, проснли подождать. Но сколько ждать — никто не знал. И это нас угнетало...

Внизу послышался какой-то шум. Петрнченко быстро спустнлся с чердака посмотреть, что там пронзошло. А Александр продолжал вспоминать...

В однн из вечеров Ннкнфоров шепнул ему: «Завтра иду в город. Возможно, удастся выясннть что-ннбудь насчет документов...»

Никифоров работал в ревире* санитаром. Врач-француз О'Петн выхлопотал ему пропуск за колючую проволоку. Утром у Ннкнфорова нашелся предлог пойтн в город по делам ревнра. А это значило, что, возможно, ему удастся побывать иа конспнративиой квартире, выяснить насчет документов...

Весь день Колесннк думал о том, что к нх приходу нз шахты Ннкнфоров, вероятно, уже вернется из города, прннесет свежне новостн, скажет: «Все в порядке. Можете уходнть», или еще проще: «Вам повезло, документы готовы». Но смена тянулась н тянулась, казалось, ей не будет конца, а встреча все откладывалась н откладывалась. А когда рабочий день уже был на нсходе н онн собрались уходнть, в лаве вдруг появился штайгер Мюллер, позыркал вокруг злымн глазамн, поводил носом, словно прннюхнваясь к чему-то подозрнтельному, лицо его иалнлось кровью, он стал крнчать, что оин плохо работали, обозвал их «русскими свнньями», объявнл, что нз шахты они ие выйдут до тех пор, пока не выполнят норму, н нх вновь задержалн в подземелье еще иа несколько часов.

В лагерь их пригиали, уже когда начали спускаться сумеркн. По плацу прогулнвалось несколько «остовцев». Средн них Колесннк увндел и Никифорова. Однако сразу к нему не подошел. Заглянул в барак, потолкался иекоторое время здесь, только тогда незамет-

* Лагерная больница.

но нырнул в дверь, вроде бы случайно оказался рядом с Никифоровым.

Как ни умело маскирует этот человек свои чувства, на этот раз выражение лица и глаз, излучающих свет радости, выдавали его с головой. Колесник сразу подумал о том, что, вероятно, готовы документы, и тоже заволновался. Однако, пройдясь вокруг настороженным взглядом, Никифоров заговорил совсем о другом:

— Для руководства боевыми делами советских людей, оказавшимися вдали от Родины, Компартия Франции создала Центральный Комитет советских военнопленных...

Сказав это, он сделал паузу, вновь бросил настороженный взгляд вокруг. В первую минуту Колесник оторопел, не поверил и охрипшим от волнения голосом переспросил:

— Комитет, говоришь?

— Да, — подтвердил санитар. — Из Парижа приехал один из его членов, чтобы провести совещание представителей подпольных групп лагерей, расположенных в окрестностях Острикура. На совещании должен быть и ты...

— Вот как, — усмехнулся Колесник, — даже должен! Возможно, ты и пригласительный билет мне принес?

— Пока нет, не принес, — ответил Никифоров серьезно, — но что-нибудь придумаем...

Новость Колесника ошеломила. Он знал, что таких лагерей, как их, в которых содержатся «остовцы», на севере Франции десятки. За последние полтора года немцы нагнали в них немало русских людей для работы в шахтах и на военных предприятиях. Но трудиться на врага они не хотят, при первой возможности бегут из лагерей, многие вливаются в ряды Сопротивления. Для руководства ими и создан специальный Комитет. А это значит, что их участию в антифашистской борьбе Компартия Франции придает большое значение. «Следовательно, — размышлял Колесник, — надо как можно скорее выбираться из-за колючей проволоки и браться за оружие». Однако, когда он сказал Никифорову, что хочет, как и Петриченко, уйти без документов, тот нахмурился, недовольно посмотрев на него, буркнул:

— Ты руководитель, ты и решай! Но если хочешь знать мое мнение, то делать это я тебе не советую. Да

и подполье, ты знаешь, будет против! Ты здесь больше нужен.

Некоторое время Никифоров о чем-то сосредоточенно думал.

— А не советую тебе потому, — помолчав, заговорил он, — что нами здесь уже сделано немало по организации будущего партизанского отряда. Сейчас на базе собралось порядочно парней. Но ты сам прекрасно понимаешь: без документов они долго не протянут. И если Петриченко не дошел до места, его схватили, что вполне возможно, то организация отряда, судьба этих парней всецело зависит от тебя и только от тебя... Так что рисковать ты просто не имеешь права... — Сказав это, он вдруг забеспокоился: — Ну, мне пора, а то я торчу здесь порядочно и в ревире меня, наверное, уже хватились.

И тут же исчез.

«А он, конечно, прав», — подумал Колесник. Но едва он вернулся в барак, как в дверях показался встревоженный Голованюк. Озабоченно прошелся мимо, словно бы разыскивая кого-то, повернулся назад, незаметно сделал знак Колеснику и зашагал к двери...

Вообще-то Голованюк не должен был делать этого. С тех пор, как он стал работать в канцелярии, ему категорически запрещалось вот так, почти открыто, встречаться с кем-нибудь из членов подполья. Но, видимо, на этот раз было что-то очень срочное...

В уборной он торопливо зашептал:

— «Фон» что-то уж очень интересуется тобой... Сегодня несколько раз упоминал твою фамилию. Дело, по-моему, очень серьезное, и арест может произойти в любую минуту...

«Фон» — это заместитель коменданта лагеря, полковник царской армии Косарев. Свое прозвище он получил за то, что перед своей фамилией требовал непременно произносить приставку «фон», означающую, что он немецкий дворянин. Подполье знало: кроме своей основной работы, Косарев выполнял еще и обязанности осведомителя гестапо. Не случайно его побаивался даже сам комендант. «Если Голованюк говорит, что интерес Косарева ко мне не случаен, — продолжал размышлять Колесник, — значит, так оно и есть. Ни с того ни с сего этот парень не запаникует». С Голованюком Колесник познакомился еще на Винничине. Голованюк в совершенстве знал немецкий и французский,

и «фон» взял его своим переводчиком, нисколько не подозревая, что Головаиюк — активный подпольщик. Пользуясь своим положением, он нередко предупреждал товарищей об опасности. Однажды сумел даже установить, что гестапо заслало в лагерь провокатора, которого они раскрыли и, конечно, обезвредили. Не сомневался Колесник, что и на этот раз он поднял тревогу не напрасно, немедленно рассказал об этом Никифорову. Тот сразу забеспокоился:

— Раз так, — сказал он глухо, — тебе надо действительно бежать, причем немедленно, этой же ночью. Документы в крайнем случае подождете на конспиративной квартире. Твоих товарищей я предупрежу... Ну а я, как решено, пока останусь здесь для вывода людей в отряд.

Сказав это, Никифоров, зашаркав деревянными сабо, ушел.

Готовясь к побегу, они не теряли даром времени. Как-то во время воздушной тревоги Николаю удалось подползти к забору, наполовину оторвать от него две доски. Кроме того, они прихватили с собой кое-какой инструмент.

Уходили втроем. Вместе с Колесником бежали Николай и Геращенко. Обо всем, что было связано с побегом, договорились заранее. Поэтому сразу после отбоя разбрелись по баракам.

Забравшись на нары и закрыв глаза, Колесник принялся ждать наступления условленного часа. Повезет ли, благополучно ли они выберутся за колючую проволоку? Обстановка этому вроде бы благоприятствовала. Шел последний день декабря. Зная повадки охранников, они были уверены, что о рождестве-то они не забудут, если даже окажутся на дежурстве — все равно пропустят по рюмочке-другой, следовательно, бдительность будет уже не та, а может быть, еще и объявят воздушную тревогу. Тогда было бы вообще здорово.

Лежа на нарах, Колесник ждал: вот-вот послышится гул моторов самолетов, заухают зенитки, в лагере отключат электричество, начнется суматоха. Никаких часов у него, разумеется, не было. И нужно было ориентироваться во времени без них. Как только, по его расчетам, наступила полночь, он накинул на плечи шинель и, будто бы в туалет, шмыгнул за дверь. Первое, на что он обратил внимание — лампочки над террито-

рией лагеря не горели. Значит, власти боятся налета авиации и отключили свет. Было темно.

Его уже ждали Никифоров и Николай.

Некоторое время они вслушивались в тишину, стояли втроем, затаив дыхание. Но, кроме завывания ветра, ничего не могли уловить. Все больше расходился снег с дождем.

— Пожалуй, пора, — сказал Никифоров и посмотрел на Николая.

Тот лег на живот прямо в грязь со снегом и, извиваясь ужом, пополз в сторону забора и колючей проволоки.

Они долго смотрели в сторону, куда исчез Николай, потом перевели взгляд чуть левее, где должна быть вышка с часовым, но ни вышки, ни часового в эту минуту не было видно. Вдруг в одном из бараков скрипнула дверь, послышались торопливые шаги, хлопанье сабо о мерзлую землю. Кто-то вприпрыжку пробежал в туалет.

Все стихло. Но вскоре вновь послышались шаги. На этот раз в их сторону шел кто-то осторожно, почти неслышно... Когда тень приблизилась, они узнали в ней Геращенко.

С того момента, как Николай уполз в сторону забора, прошло не меньше получаса. Наверное, он уже за колючей проволокой. Никифоров подтолкнул Колесника, охрипшим от волнения голосом сказал:

— Ну, ни пуха ни пера!

Теперь пополз Александр...

«Главное, за что-нибудь не задеть, чем-нибудь не брякнуть, — лихорадочно думал он, — и в то же время нельзя терять из виду след-борозду, оставленную Николаем, иначе могу сбиться с пути». След, проложенный Николаем, он еле различал.

Колесник спешил... Под колючую проволоку прополз довольно удачно, но как только полез под забор, одна из досок несильно стукнула, и ему показалось, что на вышке завозился часовой. Он затаил дыхание, вжался в снег — боялся, что вспыхнет прожектор. Так неподвижно пролежал Александр минут пять. Однако вокруг было тихо. Тогда он двинулся дальше — осторожно миновал наружный ряд колючей проволоки и еще энергичней заработал руками и ногами. Быстрее, быстрее!.. И вот тут он и потерял след-борозду, оставленную Николаем. Этот след должен был идти прямо,

однако на его пути вдруг вырос какой-то бугорок, а след пропал. Он тревожно заметался туда-сюда и тут же обнаружил, что Николай обошел бугорок слева, чтобы он оставался между ним и часовым — в случае чего, за него можно было укрыться. «Молодец, — подумал он, — сообразил как надо».

Прополз еще немного и уперся в ограду усадьбы. Рядом проступало темное пятно.

— Это ты, Николай? — спросил он с волнением.

— Я.

Пока дыхание приходило в норму, они лежали рядом, вслушиваясь в обманчивую тишину, ждали Геращенко. А вот и он. Не обменявшись ни единым словом, они поднялись на ноги и бегом кинулись прочь от усадьбы.

Никифоров начертил им схематическую карту городка, они выучили ее наизусть, но все равно в темноте долго плутали по пустынным улицам и переулкам, пока наконец не выскочили на окраину поселка. Тропинка тут петляла вдоль железнодорожного полотна. Слева от нее чернел кустарник — в темноте смутно проступали однообразные домики и приусадебные постройки, тянулись пустыри со складами. Здесь было тихо и пустынно, но этой тишине они не очень-то доверяли.

Вновь долго петляли по темным улочкам и переулкам, пока наконец, еле переводя дыхание, не попали в тот квартал, который был им нужен. Тут был сквер, на углу стоял нужный им дом.

Нажав кнопку звонка, они затаили дыхание. Некоторое время за дверью стояла тишина, потом в коридоре что-то звякнуло, покатилось, дверь немного приоткрылась, в щель высунулось встревоженное лицо. Но хозяин квартиры о их приходе был уже предупрежден, поэтому он тут же открыл дверь пошире и молча пропустил беглецов внутрь. Сам на некоторое время задержался на крыльце, прислушался. Когда дверь осторожно закрылась и звякнул запор, в руках француза вспыхнул слабый пучок света от карманного фонарика, и они гуськом двинулись следом за ним по узкой, крутой лестнице вверх. В крохотной комнате, освещенной тусклым светом зеленого абажура, хозяин квартиры сказал:

— А теперь давайте знакомиться. Люсьен!

И пожал руку каждому из них.

Люсьену было лет тридцать пять. Молча вышел он

в соседнюю комнату, назад вериулся с ворохом одежды.
— Это для вас, — сказал ои, — переодевайтесь.

Пока оии переодевались, Люсьеи, прислонившись к узкому окну, наблюдал в щелку ставии за улицей, которая за желтым зданием складского типа сворачивала вправо, терялась в темноте.

Некоторое время на улице было тихо и пустынно. Но вот, оглашая окрестность пронзительным визгом сирены, по пей проиеслась полицейская автомашина, ие спеша, словно иа прогулку, поскрипывая сапогами, кто-то медлеино прошел под окном. Очеиь возможно, что квартал оцеплен и в любую минуту начнется облава. В таком случае опасность грозит не только им, но и хозяину квартиры, но когда Колесник сказал об этом Люсьеиу, тот лишь хмыкиул:

— Спешить не стаием!

Однако рано утром он увел их иа другую квартиру. Днем в дверь осторожио постучали. В комнату вошел высокий, стройный блоидии, представился:

— Алексей.

Это был тот самый представитель Цеитральиого Комитета советских военнопленных, о котором рассказывал Никифоров. Ои прииес документы, изготовлеииые французским подпольем, рассказал о событиях на Восточном фронте и обстановке во Франции.

А в полночь явилась проводница, прислаииая французским подпольем, и началась их, полная тревог и опасностей, дорога в партизанский лагерь.

* * *

Колесник вспоминал, а Петриченко гремел посудой и все посматривал иа дверь, ждал прихода товарищей. Накоиец иа лестиице послышались шаги.

— Идут, — обрадовался он.

Порог маисарды переступили трое. В одном Колесник узнал Загороднева, двух других в полумраке трудно было различить. Кто-то из иих задел пустое ведро. Оио покатилось по полу, гремя и подпрыгивая.

— Т-с-с! — зашикал Петричеико, предостерегающе поглядывая иа спящего Николая. Но тот продолжал храпеть как ни в чем не бывало.

— Во дает, — улыбнулся Загороднев.

Колесник смотрел на него и радовался перемеиам: ои поправился, на щеках появился румянец. В те дни,

когда решено было создать свой партизанский отряд, встал вопрос: кого послать на место, чтобы он, как говорят, пустил корни, а уже потом вокруг него стали бы собираться остальные...

— Загороднева, — не задумываясь, предложил Петриченко, — в прошлом сельский учитель, ему знаком крестьянский труд, хорошо знает французский. Словом, его и только его.

И Петриченко в выборе не ошибся: с поручением Загороднев справился успешно.

* * *

Разговор начинался постепенно, исподволь. «Старожилы» расспрашивали гостей об их общих знакомых, которые остались в лагере, те, в свою очередь, интересовались их житьем-бытьем.

— Живем помаленьку, — рассказывал Загороднев, — таких, как мы, в окрестностных хуторах набралось десятка два с половиной. Часть людей из нашего лагеря, часть прибилась из других... К сожалению, почти все без документов, сейчас прячутся где придется. Оружия у нас нет, да и действовать тут непросто: лесов маловато. Установили контакт с местным отрядом франтиреров, изучаем окрестности...

— А как у них с оружием? — поинтересовался Колесник.

— Неважно! Командир отряда Луи шутит: «Наше оружие пока у бошей!»

— Что же, он прав, — задумчиво заметил Колесник. — А кто он, этот Луи?

— Сын зажиточного фермера. Отец совсем старик, на ферме хозяйничает сестра, держит батраков, а он воюет. Ребята его любят: веселый, общительный. В отряде у него коммунисты и католики, социалисты и беспартийные. Впрочем, — добавил Петриченко, — о нем лучше расскажет Жира́.

— А это еще кто? — спросил Александр.

— Наш. Русский. Военнопленный. Он замещает в отряде начальника штаба.

— Даже так? — удивился Колесник. — Интересно!..

Вспомнив свою встречу с Алексеем, в свою очередь, принялся делиться принесенными новостями.

— Недавно по инициативе Компартии Франции со-

здан Центральный Комитет советских военнопленных. Задача его состоит в том, чтобы объединить и оперативно направлять действия советских людей, оказавшихся во Франции, на борьбу с гитлеровскими оккупантами совместно с французским народом. Сейчас ставится вопрос об обеспечении нас оружием, продовольствием, деньгами.

Глаза у слушателей заблестели, все задвигались, заулыбались.

— Вот это новости, так новости, — заерзал на своем стуле Загороднев и принялся тереть ладонь о ладонь—признак того, что он в сильном возбуждении...— Даже оружием? — переспросил он. — Ну, положим, проблема эта не из легких, оружия и у самих французов маловато. Но все равно: Комитет — это здорово!

— Если союзники захотят, — подал голос Николай, — будет и оружие...

Геращенко повернулся в его сторону, иронически хмыкнул:

— Словом, дело за немногим...

Все заулыбались.

Колесник, что-то вспомнив, вынул из кармана вчетверо сложенный небольшой печатный листок, сказал:

— «Советский патриот» — орган Комитета.

Газета пошла по рукам.

Это был декабрьский номер, содержащий новогоднее приветствие, заканчивающееся словами: «Вместе с французскими патриотами будем бить врага, чтобы 1944 год принес нам полную победу...» «Советский патриот» информировал читателей о Тегеранской конференции, публиковал сводки Совинформбюро, хронику борьбы франтиреров и партизан, выдержки из статьи «Французский рабочий класс и Национальное восстание».

Но вот лейтенант заговорил о Тегеранской конференции, которая уточнила и подтвердила открытие второго фронта, и настроение слушателей сразу круто изменилось. Загороднев нахмурился.

— Бедный второй фронт! Его уже открывали, открывали, а воюет с фашистами по-прежнему лишь один Советский Союз.

— И сейчас неизвестно, сколько еще протянет Черчилль с высадкой во Франции, — вставил Петриченко.

— Что верно, то верно, — поддержали его остальные.

Кто из советских людей не знал Черчилля — этого закоренелого врага Отябрьской революции? Еще тогда, в первые дни существованця Советской власти, он немало сделал для того, чтобы, как он выражался, «задушить коммунизм в зародыше». С тысяча девятьсот двадцатого года самым важным в политике Черчнлль считал превратнть Германию в своеобразную плотнну против «красного варварства», обещая ей в этом искреннее сотрудничество Англии. Позже Черчилль немало потрудился для того, чтобы направнть Гитлера на восток, подтолкнуть его к войне с Советским Союзом. И лишь угроза независимости Англии заставила английского премьера пойти на союз с СССР в борьбе с гитлеровской Германией. Но и после этого он не спешил выполнять союзнические обязательства. Подтверждением этому служнли многие факты. Вот почему надежд на скорое воплощение в жнзнь решений конференции нн у кого из них не было.

Они не заметили, как за окном забрезжил рассвет. Первым поднялся со своего места Загороднев.

— Ну, пора и расходнться, — сказал он, — а то скоро на работу.

— Пора! — согласился Колесник. — Когда сможем теперь снова собрать людей?

— Да через денек-другой и сможем, — подумав, ответил Петриченко н вопросительно посмотрел на Загороднева.

— Вполне, — подтверднл тот н, повернувшись в сторону Нниколая, добавил: — Пойдешь со мной, а то для одного чердака тут, пожалуй, многовато народу набралось.

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

«10 января.

Хозяйство у господина Болена солидное. Десятки гектаров пахотной земли. Крупный рогатый скот, свиньи, сыроваренный заводик. Поэтому дел у его батраков хватает. Петриченко обычно покидает мансарду чуть свет. Вот и сегодня он ушел на зорьке. Мы остались вдвоем с Геращенко. Вчера у нас была вылазка в окрестности хутора. Ходили на рекогносцинировку местности. Перелезая через ограду, Геращенко порвал брюки. Проснувшись сегодня утром, он прежде всего принялся за их

починку. А я занялся изучением крупномасштабной карты департамента Сомма, выпущенной в качестве приложения к настенному календарю. Ее мне принес Загороднев.

Волнуют меня все одни и те же вопросы: как собирать отряд, где взять оружие? Наконец, как сложатся наши взаимоотношения с французами? Сейчас, когда ребята работают батраками и выдают себя за поляков, — отношение к ним фермеров неплохое. А каким оно будет, когда те узнают, что их батраки — русские партизаны?

На некоторые из этих вопросов вразумительные ответы, наверное, мог бы дать Виктор Жирá. Фамилия у него как у истого француза. Но это, понятно, лишь псевдоним, а парень он русский. Как заместитель начальника штаба отряда франтиреров, несомненно, многое знает из того, что меня сейчас тревожит. Нужна, очень нужна встреча с ним».

(Из дневника)

* * *

Геращенко все еще возился со своими брюками и громко сетовал: «Испортить такую вещь!» В прошлом он колхозный механизатор, по-крестьянски чуточку прижимист. Но дело тут не в скупости. Костюм ему и в самом деле достался приличный. И его, конечно, жаль. А спасибо за него надо сказать Наталье Васильевне Модрах.

...Как-то у них в лагере объявилась богато одетая дама с тюком вещей. Вскоре она уже раздавала одежду «остовцам». Позже приезжала еще не раз. Подполью стало известно, что Наталья Васильевна — русская эмигрантка, живет в Париже с 1920 года. Супруги Модрах имеют там небольшую мастерскую по изготовлению светильников. Ее приезды в Острикур — якобы желание смягчить участь соотечественников — вызвали у многих только улыбку. И подполье решило, что эта богато одетая дама просто-напросто от нечего делать занялась благотворительностью, потому и потеряло к ней всякий интерес. Но вскоре произошел несчастный случай: одному из молодых подпольщиков — Алеше Зозуле во время аварии на шахте оторвало ногу. Ему грозила отправка в лагерь смертников. По поручению группы Никифоров переговорил с Натальей Васильевной. Неожиданно в судьбе семнадцатилетнего паренька она при-

няла самое горячее участие. Долгое время обивала пороги у немецкого начальства в Париже, позже побывала в управлении лагерей в Лилле. А когда наконец ей разрешили взять Алешу Зозулю «на время», увезла его к себе домой и... усыновила.

Ее поездки в Остринкур продолжались и после этого. И тогда Никифоров вновь встретился с ней. После этой встречи одежду и обувь, привозимую ею для «остовцев», Наталья Васильевна начала оставлять в городе по адресу, которое ей дало подполье. То и другое нужно было прежде всего тем, кто бежал из лагеря. Пригодилась эта одежда Колеснику и его товарищам...

— Ну, кажется, все, — объявил Геращенко. — Теперь мои брюки вновь хоть куда...

Он хотел сказать что-то еще, но в этот момент скрипнула дверь. Появился Петриченко:

— Проснулись, — заговорил он весело. — Пора, пора! А то у меня уже полные карманы новостей... Сегодня на хуторе объявился Сергей!

— Сергей? — обрадовался Колесник. — Где же он?

— Отдыхает! А еще, — продолжал Петриченко, — пока вы спали, я побывал у Жирá. Вечером он будет у нас.

Услышав это, Геращенко провел рукой по небритым щекам и как бы между прочим обронил:

— К приходу гостя неплохо бы поскоблиться...

— Бритва есть, — отозвался Петриченко, — но тебе и подстричься надо бы. А где? Хотя постой, постой... Мы можем пойти к Телье.

Колесник бросил на него вопросительный взгляд.

— Француз тоже батрак и франтирер к тому же, — успокоил тот.

Когда они спустились с чердака во двор, в нем было тихо и пустынно, как в школьной ограде во время уроков.

Миновав двор, попали в сад...

Тропинка, петлявшая между яблонями, привела их к одинокому домику, наполовину каркасному, с выпиравшими с боков балконами и намалеванными на стенах картинками. Одну из комнат в домике занимал Рейман Телье — разбитной веселый малый, чуть прихрамывающий на правую ногу, мастер на все руки: и резчик по дереву, и парикмахер, и радиолюбитель...

— О, дорогие гости, — радушно приветствовал он их на пороге своей комнаты, — прошу, прошу!

Рейману под тридцать, но он еще холост. Обветренное лицо, слегка потрескавшиеся губы, как вороньe крыло волосы, яркая клетчатая рубашка, на шее пестрый платок — словом, весьма колоритная фигура.

На столе тут же появилось вино. Рейман, разумеется, догадывался, что за гости пожаловали к нему, и лишних вопросов не задавал. Угощал вином, старался занять их разговорами.

После первых рюмок он стал еще более оживленным: заразительно смеялся, рассказывал анекдоты, в которых то и дело фигурировали «боши». Но как только разговор зашел о втором фронте, Рейман тут же стал серьезным.

— Я, разумеется, не верю в то, что решение конференции будет выполнено вот-вот, немедленно — заметил он. — Союзники с этим еще потянут. Однако теперь, когда Красная Армия перешла Днепр, открытие второго фронта — не за горами. Иначе англичане и американцы смогут, что называется, опоздать на парад победителей... Поэтому опоздавших не будет...

Минуту помолчав, он так же неторопливо продолжал:

— Да и немцы понимают: дело идет к развязке. Не случайно они ускорили строительные работы на «Атлантическом вале». Так что мы живем в канун больших событий... Больших! — повторил он убежденно.

«А ты, парень, оказывается, можешь не только шутить», — подумал Колесник. Ход мыслей и логика рассуждений француза его удивили.

Как старший по возрасту, первым сел подстригаться Геращенко.

— Се расер? * — спросил его Рейман по-французски.

Геращенко беспомощно посмотрел на товарищей: язык он все еще знал плохо.

— Вуй **, —подсказал ему Петриченко.

— Вуй, — робко повторил незнакомое слово Геращенко.

— А подстригаться тоже станем? — с улыбкой про-

* Побреемся?
** Да!

должает допрашивать француз. В глазах его вновь бегали чертики.

— Вуй! — кивнул головой клиент.

— И голову отрежем? — задал коварный вопрос Рейман. И вновь послышалось заученное «вуй».

Вслед за этим в комнате раздался такой взрыв хохота, что Геращенко от неожиданности подпрыгнул на своем стуле...

— Вот так клиент, — трясся от смеха Рейман, — на все согласен.

Вместе с другими улыбался и Колесник, хотя ему было не очень весело: без знания французского им будет нелегко... Он все посматривал на Реймана, неожиданно спросил:

— Где вы учились русскому?

— О, эта длинная история, — заметил тот, все еще посмеиваясь. — За оружие я взялся сразу, как только немцы окупировали Францию. Одно время был в «Тайной армии» *. Но ожидание «великого дня» **, ничегонеделанье мне надоело, и я ушел к франтирерам. Как-то в наш отряд влилось несколько русских парней, вырвавшихся из фашистской неволи. Это были замечательные солдаты: инициативные, находчивые, смелые. Особенно выделялся среди них Михаил, уже немолодой офицер. Он и научил нас русскому языку.

— А где эти парни теперь? — спросил Колесник.

— Однажды наш отряд оказался в окружении. Оружия у нас не хватало, с боеприпасами тоже было плохо. Поэтому из кольца вырвались немногие. Мне, например, повезло только потому, что уже раненым я успел заползти в трубу под мостом... Правая нога стала короче, но сам я, как видите, жив. А ребята погибли...

— Вот и нам без оружия придется туго, — вздохнул Петриченко.

— Э, нет, теперь не то, что было, — горячо возразил Рейман, — кое-какое оружие у нас в отряде имеется. Оно хранится у командиров групп и выдается нам лишь в тот момент, когда мы идем на задание. Но ведь это бывает не каждую ночь. Следовательно, нашим оружием можете воспользоваться и вы.

Колесник бросил быстрый взгляд на Петриченко,

---

* Армия, созданная генералом де Голлем.

** День высадки союзников.

как бы говоря: «А что, ведь это же идея — воспользоваться оружием, так сказать, напрокат», — и улыбнулся.

* * *

Уже в сумерках пришел Сергей — однофамилец и односельчанин Петриченко, один из активиых участников подполья лагеря Либеркур. Он вслед за Колесником бежал из лагеря и вот теперь делился новостями.

Бегство группы Колесника не прошло незамеченным. «Фон» Косарев поднял тревогу, и немцы как с цепи сорвались — пять раз выстраивали на плацу «остовцев», допрашивали, избивали, грозили расстрелом... Усилили охрану лагеря. В город пригнали целую бригаду шпиков. Но Сергею повезло. Незаметно уйти из лагеря ему помогли французы. На первых порах укрыли его на конспиративной квартире, потом повели на базу кружным путем...

Сергей не успел еще закончить своего повествования, как открылась дверь и в комнату вошел Петриченко в сопровождении незнакомца. Высокий рост, интеллигентное лицо, живые голубые глаза. Колесник сразу подумал, что это, видимо, и есть Жира́.

— Виктор — представил его Петриченко.

Стоило только разговориться, как выяснилось, что Виктор тоже из Оренбуржья и родом-то из соседнего района, у них нашлись даже общие знакомые, да и в судьбах их было много общего. Жира́, настоящее его имя Дмитрий Федорович Гирин, тоже лейтенант, после ранения в обе ноги под Демьянском побывал в нескольких лагерях Германии, а в побег ушел осенью сорок третьего. Вдвоем с товарищем они набрели на хутор Левиконь, встретили Загороднева. Тот помог им обзавестись документами, устроиться в качестве брийо — батраком на ферму, а спустя некоторое время, неплохо зная французский язык, Виктор одним из первых установил связь с франтирерами и ушел к ним в отряд.

Встретить на чужбине земляка порой куда приятней, нежели в своем родном селе увидеть далекого родственника. Они говорили и говорили без умолку, и иронические улыбки, появившиеся на лицах товарищей в начале встречи, постепенно сменились неподдельным интересом к Оренбуржью. Здесь, на краю Европы, рассказы о далеком степном крае напоминали о Родине.

Постепеино разговор стал общим, переключился иа события дня.

— Позиакомь меия с районом, в котором нам придется действовать, — попросил Колесиик Виктора.

Жира пододвииул к себе карту и принялся рассказывать. Оии иаходятся в северо-восточной части департамента Сомма. Ближайшая железиая дорога в двадцати километрах... Немцы считают Пикардию местом иаиболее вероятиой высадки англичаи и американцев. Поэтому воинских частей тут хватает... Особеиио много их иа побережье Атлаитического океана. Крупные гарнизоны стоят в Амьеие и в Аррасе. В этих же городах, а также во Фреваие есть военные заводы. А вот лесов в районе маловато. Из-за этого действовать иепросто. Но Сопротивлеиие растет. Особеино активизировалось оно после Сталинграда — иаселеиие всячески поддерживает фраитиреров и партизаи.

Под коиец оии обговорили вопрос об оружии. Идея Телье показалась Жира вполне осуществимой, ио окончательио этот вопрос может решить только комаидир отряда — Луи, которого иа хуторе пока иет.

У Колесника было большое желаиие расспросить Виктора об отряде франтиреров, о том, чем ои занимается. Но чувствовалось, что Жира этих проблем старался ие касаться. Видимо, у иего для этого были свои какие-то веские основаиия. Поэтому задавать лишних вопросов лейтенаит не стал.

* * *

Первый сбор своих земляков оии наметили провести иа гумие господина Булеиа, отделенного от хутора лесочком и окружеиного со всех сторон чериыми кустами тамариска.

С утра Петриченко, Загородиев и еще иесколько других батраков подчищали здесь посевиое зерио, а под вечер в помещеиии иачали собираться ребята, работавшие на других фермах. Оии подходили по одиому-два, входили виутрь, рассаживались на мешки с очищеииым зерном и терпеливо поджидали остальиых.

К приходу Колесника и Николая на гумие собралось уже человек двадцать пять. Они разбились иа две группы. Члеиы одиой, главиым образом те, что были постарше, окружили Геращеико, вели с ним о чем-то степениый разговор, вторая группа, где было больше

молодежи, сгруппировалась возле Антона Шпаковича — балагура и шутника. Оттуда доносился смех.

Как только Колесник вошел в помещение, все потянулись к нему.

Александр присел на перевернутый короб рядом с Загородневым, внимательно всматриваясь в лица собравшихся. Здесь были и безусые парни, угнанные с родных мест на работу во Францию, и солдаты, и командиры, попавшие в плен. Большинство одето прилично. Многих Колесник знает по Острикуру, по совместной работе в подполье. Но есть и такие, кого он видит впервые. Вот тот рыжий паренек в коричневом берете, что рядом с Овчинниковым. Кто он? Взгляд настороженный, жесткий, на левой щеке шрам, вероятно, царапнула пуля, но лицо мальчишечье. Чуть подальше от него сидит пожилой мужчина, в прошлом, возможно, колхозник. Он сосредоточенно слушает, о чем говорят товарищи, но сам участия в разговоре не принимает. У стены пристроился еще один незнакомец. Этот совсем юн — глаза быстрые, веселые. Но в эту минуту он, кажется, ничего не видит, весь ушел в себя, чему-то улыбается. Возможно, вспомнил что-то хорошее из своей жизни. Сколько лиц — столько характеров...

Вернулся Петриченко, проверявший посты, окинул быстрым взглядом сидящих в помещении парней, весело проговорил:

— Ну что, товарищи, начнем?

Разговор сразу стих...

— К нам пришел Александр Колесник. Тем, кто из лагеря Либеркур, представлять его не надо: руководитель подполья, лейтенант Красной Армии.

— Знаем, — послышались голоса с мест.

— А собрались мы сегодня для того, — продолжал Петриченко, — чтобы обсудить, как будем жить дальше... Перед тем как прийти сюда, Александр Колесник встречался с руководителями русского и французского подполья Острикура. Может быть, попросим его рассказать об этих встречах, об обстановке на фронтах, а заодно и о наших задачах...

Колесник поднялся со своего места, обвел пристальным взглядом собравшихся и не спеша начал свой рассказ.

Народы Европы дело освобождения своих стран берут в свои руки. Борьбу эту возглавляют коммунисты. Компартия Франции, например, с первых дней оккупа-

ции страны призвала народ к сопротивлению. По ее инициативе создан Национальный Комитет освобождения страны, внутренние силы.

Во второй мировой войне наступил коренной перелом. Фашистские войска потерпели сокрушительное поражение на Восточном фронте — сначала под Сталинградом зимой, а потом летом — под Курском и Белгородом... Красная Армия перехватила инициативу и сейчас гонит гитлеровцев на запад, освобождает советскую землю от оккупантов. Она уже приближается к государственной границе, и скоро начнется освобождение стран Восточной Европы.

Союзники — англичане и американцы — высадились на юге Италии и вывели ее из войны. По решению Тегеранской конференции, в которой участвовали Сталин, Рузвельт и Черчилль, союзники должны были открыть широкий фронт наступления в Европе, а значит — высадиться и на территории Франции. И хотя этого пока не произошло и союзники наши, как всегда, все еще раздумывают, тем не менее крах фашистской Германии близок.

После войны Родина спросит нас — а что вы делали, оказавшись в тылу врага, какой вклад в дело победы над фашизмом внесли вы? Чем помогли Красной Армии в борьбе с врагом?

Организован Центральный Комитет советских военнопленных. И он уже действует. На днях Комитет призвал всех советских граждан, оказавшихся вдали от Родины, считать себя мобилизованными вплоть до полной победы над врагом. Сейчас на территории Франции с немцами уже сражаются несколько советских партизанских отрядов и групп. Сегодня вопрос об участии в вооруженной борьбе с врагом должны решить и мы...

— А как с оружием? Будет оружие? —спросил паренек в коричневом берете.

Колесник строго посмотрел на него, усмехнулся:

— На блюдечке оружия нам никто не принесет. Тем более что у французского Сопротивления его тоже не хватает. Единственное, в чем обещают помочь наши соседи-франтиреры, — это выдать оружие нам на тот период времени, пока мы не добудем своего. И переговоры по этому вопросу уже начаты...

— Правильно говорит товарищ лейтенант, — под-

хватил Загороднев. — У немцев оружия много. Значит, будет оно и у нас.

Он поднялся со своего места и заговорил еще более волнуясь:

— Когда мы были за колючей проволокой, то мечтали об одном: как можно скорее вырваться на волю, сражаться с врагом с оружием в руках... Время это пришло!

— Конкретно, что ты предлагаешь? — послышались голоса с мест.

— А разговор у нас и так совершенно конкретный, — невозмутимо продолжил Загороднев. — Создать партизанский отряд, командиром его избрать лейтенанта Колесника. И начинать действовать!..

— Согласны!..

Заместителем командира был избран Петриченко, а комиссаром — Загороднев.

Приступили к формированию отряда. Все были разбиты на группы, по три человека со старшим во главе. Каждая тройка — боевая единица. Она будет выполнять задание командования отряда. Организация троек преследовала еще и другую цель: в каждую из них непременно включался один из тех, кто работал батраком—на первых порах он будет помогать товарищам с питанием. Две тройки — отделение. Три отделения — взвод. Во главе взвода — командир и комиссар. Всего двадцать пять человек...

Когда с организационными вопросами было покончено, Колесник сказал:

— Есть еще одна неотложная проблема — документы. — Он пристально посмотрел на партизан, спросил: — У кого есть нужные бумаги?

Руки подняли всего семь человек.

— Не густо, — заметил лейтенант.

На следующее утро тут же, на гумне, Рейман Телье сфотографировал тех, у кого не было документов, и Сергей выехал в Остринкур. Его подполье обещало русским партизанам помочь в обеспечении документами.

25 января.

Отряд создан. Но теперь нужно организовать его действия. Для начала нужна помощь франтиреров. Я с нетерпением жду встречи с их командиром — Луи. Как-то сложатся наши отношения...»

(Из дневника)

* * *

Наконец поздно вечером пришел связной франтирёров и собщил, что вернулся Луи. Несмотря на поздний час, Колесник тут же отправился к нему. Они долго шагали по темному хутору. Под ногами чавкала грязь, тут и там сонно ворчали собаки. Связной всю дорогу молчал, и Колесник уже мысленно окрестил его молчуном.

Когда они, обогнув пруд, подошли к домику, одиноко стоявшему под кронами деревьев, спутник Колесника осторожно постучал в окно. Дверь тут же открылась.

В комнате сидели двое: Виктор Жира́ и широкоплечий, плотный мужчина. «Видимо, это и есть командир франтиреров», — решил Колесник.

— «Капитан»! — представился незнакомец и крепко пожал руку гостю. Рядом с ним лежала карта СССР с пометками, сделанными красным карандашом. Колесник понял, что Луи и Жира́ беседовали о событиях на Восточном фронте.

В этот вечер прежде всего был решен вопрос об оружии. «Ведь мы делаем общее дело! Не правда ли, лейтенант?» — то и дело повторял Луи. Он пообещал познакомить Колесника с руководителями Сопротивления района и департамента. О делах своего отряда особенно не распространялся. И вообще, на слова казался скуповат, зато мастер был задавать вопросы. Его особенно интересовали побеги Колесника из неволи. Слушая его повествование, Луи то и дело восклицал: «О, камарад Колесник, ты родился под счастливой звездой!» И удивленно крутил головой.

* * *

А через несколько дней после этой встречи, получив несколько немецких автоматов у франтиреров, русские партизаны вышли на свою первую операцию. Главная задача — раздобыть оружие. Раньше других это сделала группа Петриченко. В сумерках он поднялся в мансарду, глуховато доложил:

— Ну, мы пошли, товарищ лейтенант, попытаем счастья...

Петриченко начал подготовку к операции заранее. Уходил с вечера, возвращался под утро: все присматривал, наблюдал и кое-что высмотрел...

— Теперь порядок, теперь выгорит...

Лишь только он спустился с крыльца — задвигались тени у амбара и тут же растворились в густой туманной мгле. Ушло сразу два отделения.

В полночь Петриченко и его группа добрались до дороги Амьен — Абвиль, залегли в сосняке. В темноте перед ними смутно проступало полотно дороги, к нему стеною подступал густой лес. Ночь была темной, без единой звездочки.

— Интересно, который час? — тихо спросил Загородиев.

Петриченко протянул левую руку к глазам, но циферблат — белое пятно, ни цифр, ни стрелок... Тогда бесшумно сполз в овраг, в кустах на минуту вспыхнула зажигалка и тут же погасла. Вернувшись назад, сказал:

— Пошел четвертый.

На шоссе по-прежнему не было ни души. Днем шел бесконечный поток машин, а теперь словно все вымерло. Хотя Петриченко твердо знал — и ночью здесь снуют немецкие машины... Эта тишина начала уже беспокоить. В чем дело? Он посматривал на дорогу, настороженно вслушивался. «Еще немного, — подумал он, — и начнется рассвет. Тогда считай, все пропало, наша ловушка будет как на ладони».

Петриченко по-прежнему не отрывал глаз от дороги. Там все четче проступала стальная струна натянутого наискосок через дорогу троса... Этот трос словно заколдованный: как только натянули его — сразу же, словно по мановению волшебной палочки, прекратилось движение по дороге...

Наконец откуда-то издали накатилось глухое гудение мотора. Петриченко приложил ухо к земле: сомнения не было, где-то далеко шла автомашина, по-видимому, легковая...

Он повернулся к Загородневу. Тот молча кивнул головой, подтвердил: «Идет!» Теперь трос был виден почти четко. «Заметит его шофер или нет?» — лихорадочно думал Петриченко...

Возможно, в последнюю минуту шофер и заметил на дороге что-то неладное, но «оппель» шел с такой скоростью, что изменить что-либо было уже невозможно. Ударившись о трос, «оппель» перевернулся и, подминая под себя кусты, свалился в овраг.

Все это произошло стремительно.

Николай и Андрей быстро скатились в овраг и тут

же растворились в тумаие. Остальные продолжали лежать. Пока партизаны возились внизу у машины, с лица Петричеико не сходило иапряжеииое ожидание. Но вот, тяжело дыша, из-за тумана почти одновремеиио выиыриули оба бойца. Аидрей иес большой желтый портфель с бумагами, Николай в одной руке держал автомат, в другой — пистолет...

— Их было двое, товарищ командир, — доложил Николай. — Шофер и офицер, вероятио, связиой.

Напряжеиие с лица Петричеико сразу сошло. Ои потянулся к Николаю, взял автомат в руки и, подияв его иад головой, радостио потряс в воздухе:

— Ну вот и иаше первое оружие...

* * *

На месте содержание портфеля партизаиы просмотрели поверхиостио. Зато иа хуторе бумаги были изучены досконально — оказалось, что из Пикардии перебрасывалось иа Восточиый фронт крупиое воииское подразделение.

Утром Колесиик отправил бумаги в штаб. А уже под вечер в сопровождении Реймаиа Телье в маисарде появился элегантио одетый мужчина средних лет с тросточкой в руках. Окииув сидевших в комиате партизан внимательиым взглядом, представился:

— Пьер — связиой штаба ФФИ.

Накаиуие капитан Луи рассказывал, что по иинциативе компартии страиы созданы фраицузские виутреиние силы (ФФИ). Кроме фраитиреров и партизаи, в иих влилась «Тайиая армия», создаииая де Голлем, и ряд других групп. Силы Сопротивлеиия от этого, разумеется, еще более выросли, к сожалению, иекоторые представители этих групп все еще придерживались тактики выжидаиия. «Возможио, — неприязиеино подумал Колесник, — и этот элегаитио одетый господии, слегка прихрамывающий, одии из них». В первую миииуту приход Пьера его ие обрадовал.

Между тем Пьер продолжал зиакомиться, пожимал каждому руку. Когда очередь дошла до Колесника, связиой, окииув его виимательным взглядом, спросил:

— Так вы и есть командир?

— Да!

— Это ваши люди сегодня иочью спустили немецкую автомашину в овраг? — виовь задал он вопрос.

И, не дождавшись ответа, покачал головой. — Ох, и отчаянные же вы, русские... Пойти на такое дело!

И не поймешь, чего больше в его голосе: упрека или восхищения?

«Начинается, — как при зубной боли сморщился Колесник, — сейчас скажет: не надо спешить, ждите прихода союзников... Известно, что может заявить аттантист» *. И у него непроизвольно вырвалось: — А вы пришли сказать, что мы напрасно это сделали?

И тут же ему стало неловко за свою горячность, он подумал, что после этих слов Пьер, пожалуй, обидится. Однако тот, незаметно подмигнув Телье, громко рассмеялся:

— Никаких компромиссов. Вот такой же был и Шарль...

Заметив недоумение на лице Колесника, Рейман пояснил:

— В свое время Пьер находился в группе Шарля Дебаржа.

— Дебаржа! — удивился Колесник... И тут же вспомнил лето сорок второго... Их только что привезли во Францию. Как-то рексисты ** гнали их колонну по улицам Острикура. Неожиданно он обратил внимание на большой серый лист бумаги, висевший на заборе, отпечатанный крупным типографским шрифтом. В нем фигурировала фамилия Дебаржа, за голову которого немецкий штаб в Лилле обещал выплатить сто тысяч франков...

Вооруженную борьбу с немцами Дебарж начал в Карвине. Именно здесь находились шахты, в которых они работали. Уже в то время Шарль и его товарищи наводили страх на фашистов и были символом борьбы французских шахтеров с оккупантами... Тут его знали многие и говорили о Дебарже с восхищением. Вот почему, как только была упомянута эта фамилия, недоверие к Пьеру сразу прошло.

— Так, выходит, мы земляки, — сказал лейтенант, улыбаясь. Пьер, в свою очередь, недоуменно захлопал глазами...

— Я и мои товарищи работали в шахтах компании «Карвен», — пояснил Колесник.

---

* Человек, проповедующий выжидание.
** Бельгийские фашисты.

— Ах вот оно что! — теперь уже обрадовался француз. — И в самом деле земляки, — воскликнул он.

И тут же спросил:

— Как у вас с питанием? Впрочем, вопрос этот излишний. И так ясно. Я принес вам деньги, хлебные и продовольственные карточки. Они действуют повсеместно.

— Спасибо, — поблагодарил Колесник. — Еще бы нам оружие...

— Оружия, к сожалению, нет, — огорчился Пьер. — Ни американцы, ни англичане давать его нам не собираются.

Пьер засиделся с партизанами допоздна. Уходя, еще раз напомнил:

— А насчет осторожности не забывайте. — И, показав на свою изуродованную ногу, добавил: — Я выполнял задание Дебаржа, сделал необдуманный шаг — и вот отметка на всю жизнь... Впрочем, могло кончиться и хуже...

Против осторожности они, разумеется, ничего не имели. С первых дней в отряде было установлено непреложное правило: операции проводить как можно дальше от хуторов, в которых они жили, ни в коей мере не оставлять после себя, что называется, следов. К сожалению, это удавалось не всегда...

Вчера на разведку отправились Загороднев и Сергей. Побывали в Дуллане. Уже в сумерках возвращались на хутор... Неожиданно на окраине города они увидели двух солдат немецкой полевой жандармерии, конвоирующих арестованного. Встреча была столь неожиданна, что в первую минуту партизаны растерялись. Однако вскоре это прошло. Они переглянулись, Сергей притворился пьяным, его тут же замотало по улице из стороны в сторону. Загороднев последовал его примеру и даже замурлыкал французскую песенку, хотя знал всего один куплет.

Тот из конвоиров, что шагал впереди — молоденький жандарм, нес в руках сверток. Карабин у него болтался за спиной. За ним понуро шел арестованный. Шествие замыкал пожилой солдат, державший карабин в руках.

— Я беру на себя пожилого, — шепнул Сергей и чуть-чуть опередил Загороднева.

Особого беспокойства гуляки у жандармов не вызвали, тем более что они были так пьяны, особенно тот,

что шагал впереди: бедняга прилагал столько усилий, чтобы держаться прямо, но это никак ему не удавалось, его мотало из стороны в сторону, словно шлюпку в штормовом море.

Все произошло в тот момент, когда конвой уже миновал парней. Один из них неожиданно кинулся на заднего конвоира, рванул карабин на себя. Жандарм скорее от неожиданности успел нажать на спусковой крючок, выстрелил в воздух. Но тут же, получив удар ботинком в пах, отлетел в сторону. В этот момент Загороднев успел разоружить молоденького жандарма.

Вдруг из-за кустов раздался выстрел, пуля просвистела над головой Сергея. Неподалеку, за углом дома, оказывается, стояла не замеченная ранее жандармская машина, и стрелял в них шофер.

— Уходите, — кивнул Сергей, — а я вас нагоню. — И, упав в кювет, принялся стрелять.

Загороднев понял, что Сергей имел в виду его и освобожденного француза. Но когда он оглянулся, то арестованного уже не было. Исчез и пожилой жандарм. Лишь молоденький солдат, видимо, все еще не пришел в себя после всего, что произошло, и стоял с нелепо поднятыми над головой руками. Загороднев повалился на землю рядом с Сергеем и принялся ловить шофера на мушку. В это время, пятясь назад, машина выкатилась из-за кустов и, подмигивая подфарниками, разворачивалась, готовая ринуться в город. От очередного выстрела Сергея над капотом вдруг появился крохотный язычок пламени, и вскоре огонь уже охватил всю машину.

— Бежим, — крикнул Сергей и первым кинулся в темный переулок.

Утром, когда партизаны стали анализировать эту стычку с жандармами, то нашли в ней немало погрешностей против той осторожности, о которой говорил Пьер. Но, видимо, без погрешностей не обойтись.

Днем из-под Абвиля вернулся Николай с товарищами. Они принесли пистолет и пару карабинов.

— Мы обнаружили склад с горючим, — доложил Николай, — Объект довольно интересный. Как только добудем оружие, с него и можно начинать!

— А что! — воскликнул Колесник. — Я думаю, что ждать этого дня осталось недолго. Давайте прикинем. Сейчас у нас семь единиц оружия. Это, конечно, не-

густо. Пока мало боеприпасов. Но если и дальше мы станем добывать оружие столь успешно, то скоро составим серьезную боевую силу.

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ

«10 февраля.

Нам стало известно, что в нашем районе появился подозрительный тип. Его зовут Карье. По-видимому, это шпик и разыскивает партизан.

Обосновался Карье в кафе мадам Креман, это на развилке дорог у Розели».

(*Из дневника*)

Решили, что Карье займутся Петриченко и Николай.

Через некоторое время разведчикам удалось собрать о Карье некоторые данные.

До войны он служил в почтово-телеграфном ведомстве. По делам службы иногда приезжал в Розель, заходил в кафе мадам Креман — жизнерадостной женщины, быстрой в работе, острой на язык. В первые дни оккупации Карье где-то запропастился, на хуторе не показывался, а когда появился вновь, сразу можно было понять, что он стал шишкой, ведающим продовольственными заготовками: держался с большим достоинством, на боку носил офицерскую сумку.

То, что старый посетитель вновь вернулся в кафе, никого не удивило. Крестьяне любили мадам Креман и охотно посещали ее заведение. Даже в голодный сорок четвертый год здесь всегда можно было выпить чашечку кофе, а приветливые слова и щедро расточаемые улыбки хозяйки заставляли забывать, что кофе сварено из желудей. Поэтому на первых порах визиты Карье никого не удивили. Подвело его не в меру проявляемое любопытство.

— Мадам Креман, — как-то вкрадчивым голосом заговорил он, — что это за странные посетители иногда заходят к вам? Вот за этот стол люди садятся вроде бы разные, а газеты держат одинаковые?

— Неужели, мсье Карье! — воскликнула она. — Я просто поражена вашей наблюдательностью, а сама, признаться, этого не замечала, все дела, все, знаете, некогда...

По селам и хуторам Карье ездил не один, а с пятью вооруженными солдатами. Они скупали у крестьян продукты за бесценок. Ведь немцы не разрешали возить продукты в город на рынок... Странно было только то, что нередко вслед за отъездом «заготовителей» начинались аресты. Один случай, второй... Особенно забеспокоились партизаны после того, как был схвачен паренек, только что бежавший из лагеря и прибившийся к ним. Правда, в отряд взять его еще не успели, но уже присматривались к нему. Жил он на хуторе Розель. После того как там побывали «заготовители», его схватили.

Эти аресты встревожили и франтиреров.

— Церемониться с ним нечего, — сказал капитан Луи, когда Колесник рассказал ему о наблюдениях своих разведчиков. — Все ясно — это платный шпик!

— Да, но он француз, — замялся Колесник.

Капитан посмотрел на него недоуменно:

— Француз? Ах, вы вон о чем. Дипломатия... Хорошо. Тогда вместе с вами пойдут и мои парни. Карье они возьмут на себя. Согласны?

— И еще вопрос, — продолжал Колесник, — в случае, если мы отнимем у «заготовителей» продукты и скот, куда все это девать?

— Ну, эту проблему решить нетрудно, — улыбнулся Капитан, — отдадим семьям расстрелянных патриотов.

* * *

Накануне стало известно, что Карье и сопровождающие его солдаты вечером должны возвращаться из-под Дуллана в Амьен — центр департамента. В лесу, на развилке дорог, была устроена засада. Уже в сумерках Николай подал сигнал:

— Едут!

Вначале послышалось цоканье подков о щебеночное шоссе, затем игра на губной гармонике... Вот из-за кустов вынырнула первая фурманка, за ней вторая.

Сытые, лощеные битюги, несмотря на груз, шли крупным шагом. Для них этот груз — не груз. Солдаты, развалившись на мешках и свертках, дремали, а тот, что устроился на первой фурманке, играл на губной гармонике. Сам Карье полулежал на последней подводе. За ней шел привязанный скот.

Особое внимание партизаны обратили на солдата, сидевшего впереди. И не только потому, что он ехал первым и играл на губной гармонике — больно уж комично он выглядел: крохотная головка, большие, словно лопухи, уши. В первый момент «гармонист» показался им рохлей, этаким недотепой. Но этот недотепа чуть не наделал беды...

Как только первая подвода поравнялась с тем местом, где партизаны спрятались в кустах, Колесник подал сигнал. Бойцы выскочили из укрытия с такой быстротой и внезапностью, что Карье и его солдаты не успели даже взяться за оружие. Зато тот, что сидел впереди, проявил удивительную прыть. Он раньше всех заметил партизан, тут же сиганул в кусты и запетлял между ними словно заяц.

Карабин немец прихватить не успел. Поэтому все надежды у него были на ноги, а ног он не жалел. За ним кинулся Жан — неплохой спортсмен. Однако расстояние между ним и беглецом начало быстро увеличиваться. Франтиреры и партизаны намеревались провести операцию тихо, без единого выстрела. К сожалению, Жан вынужден был выхватить из-за пояса пистолет. Только он прицелился — беглец сиганул в кусты и был таков, словно провалился сквозь землю. «Куда же он девался?» — недоумевал француз. В тот момент, когда Жан пробегал мимо куста, за который нырнул немец, он чуть не кувыркнулся через кучу барахтающихся тел. Оказывается, солдат наскочил на секретный пост, выставленный Колесником. Услышав хруст веток, а затем и увидев самого беглеца, партизаны затаились, подпустили его ближе, сбили с ног и скрутили руки.

Подводы тут же были отправлены в укромное место под разгрузку. С ними ушел и скот, а Карье и солдат увезли с собой франтиреры.

В этой операции было захвачено пять карабинов и один пистолет. Два карабина оказались в руках франтиреров. Но старший группы Телье подошел к Колеснику и сказал:

— Возьмите и их, эти карабины по праву принадлежат вашим парням.

— Спасибо, — поблагодарил лейтенант, — но ведь вам тоже не хватает оружия...

— О, я имею неплохой автомат! — возразил Телье.

Сунув руку за пазуху, он вытащил пятнадцатизарядный пистолет, подбросил его на ладони и весело рассмеялся.

Оружие, переданное французами, было для русских партизан самым дорогим подарком.

* * *

Утром дождь, ливший всю ночь, наконец прекратился, выглянуло солнце. Над полями закурились легкие облачка испарений.

Едва батраки ушли в поле и усадьба опустела, в мансарде появился Андрей, самый молодой боец отряда, и с тревогой в голосе доложил:

— Товарищ лейтенант, возле партизанского дома я только что видел Лефевра...

— Какого еще Лефевра? — не понял Колесник.

— Ну, жандарма, который иногда наведывается на наш хутор...

Усадьба, где находился домик, облюбованный партизанами для своих встреч, расположилась неподалеку от кладбища. Состоятельный хозяин покинул свою усадьбу еще в сороковом году, в дни отступления французской армии. Покинул и не вернулся...

С приходом немцев в ней некоторое время жили зенитчики. Они сожгли мебель, повыворачивали полы и двери. Потом дом опустел, дорога, ведущая к нему, заросла побегами плюща и омелы. В доме скрипели сорванные с петель двери, хлопали оторванные ставни, мяукали одичавшие кошки. Эту усадьбу и облюбовали русские партизаны. В ней они собирались в канун проведения операций, здесь была запрятана часть их оружия.

Утром у Андрея начались рези в желудке, ему сказали, что в таких случаях помогают ягоды остролиста. Его немало растет вокруг заброшенного дома. Разыскивая старые, засохшие ягоды, он вдруг увидел притаившегося в кустах одетого в коричневую форму жандарма. Стараясь быть незамеченным, тот внимательно наблюдал за усадьбой, прислушивался, нет ли кого в доме. Возможно, жандарм стал догадываться, что батраки, которых в последнее время становится все больше в округе, — довольно странные батраки. Вот он и решил познакомиться с ними поближе...

— Возвращайся назад и не спускай с него глаз, — приказал Колесник.

Днем Лефевра видели возле домика вновь. Значит, его приход не случаен.

* * *

В сумерках, когда жандарм катил на велосипеде в город, возможно, для того, чтобы доложить начальству о своих первых наблюдениях, ему перегородил дорогу невысокого роста вертлявый, слегка прихрамывающий на правую ногу человек.

— Мсье, прошу!

Лефевр резко притормозил велосипед.

— Что еще за мода останавливать людей на дороге? — недовольно проворчал он.

Но не успел еще жандарм сообразить в чем дело, как другой, тот, что шагал по обочине шоссе, предостерегающе положил ему руку на плечо и, ловко выхватив из кобуры пистолет, спокойно сунул его в свой карман.

— Что это значит? — побледнел ошарашенный жандарм.

— Ничего особенного — заговорил вертлявый. Увидев легковую автомашину, идущую им навстречу, весело воскликнул: — Что же мы стоим, идемте же...

Они шагали по дороге и беседовали, как хорошие друзья.

— Мы партизаны, господин Лефевр, те самые партизаны, которых вы разыскиваете. Я француз, а вот он — парень из России...

— Русь? — Жандарм недоверчиво посмотрел на парня, вытащившего у него пистолет.

— Невероятно, не правда ли? — продолжал хромой (это был Телье). — Но это так, за войну этот парень и его товарищи много повидали и пережили, их трудно чем-либо удивить. И все же ваше поведение им кажется странным. Эти русские помогают Франции, а вы? Правда, вам еще не поздно сотрудничать с нами.

Говоривший пристально посмотрел в лицо Лефевра.

— Я вас понял, — глухо проговорил жандарм. — Что от меня требуется?

— Пока ничего... Но если ваши коллеги всерьез заинтересуются нами — поставить нас вовремя в известность. Только не извольте шутить, господин жандарм. Таких шуток мы не примем!

Лефевр кивнул головой.

— Да, в отношении вашего оружия! А что, если мы оставим его себе? Вы сможете обойтись без пистолета?

— Вполне.

— Вот и прекрасно!

Договорившись о месте и времени встречи, партизаны исчезли так же быстро и неожиданно, как и появились. А жандарм, вынув из кармана платок, еще долго стоял на шоссе, утирая вспотевшее лицо и обдумывая происшедшее.

Было о чем подумать и партизанам. Сдержит ли свое слово Лефевр? На всякий случай решили принять меры предосторожности. Те из партизан, кто не был зарегистрирован в качестве батраков в полиции, стали постоянно менять место ночевок. Колесник поселился теперь на гумне. Утром сюда пришел Петриченко и сообщил, что из Остриккура вернулся Сергей, привез десять «аусвайсов». Это, конечно, ни в коей мере их не удовлетворяло, но обстановка с документами в отряде несколько разрядилась. Сергей повидал Жана — одного из руководителей городского подполья Остриккура. Тот рассказывал, что недавно на шахтах опять прошли аресты.

Вместе с Сергеем пришло пополнение: трое парней. К сожалению, они были так истощены, что об их участии в боевых операциях в ближайшее время нечего и думать... Прежде всего ребят надо было откормить, а для этого их следует пристроить на фермы батраками. Но куда?

— Я думаю, что за этим дело не станет, — сказал Загороднев.

Однако его оптимизм не оправдался. На следущий день выяснилось, что постоянных рабочих в ближайших хуторах фермеры набрали достаточно, а сезонных пока не требовалось: до начала уборки было еще далеко, а с севом обходились своими силами. На помощь пришел Телье:

— Есть у меня знакомый фермер, — сказал он, — человек, правда, небогатый и батраки ему вряд ли нужны, но все же я поговорю с ним.

Вернулся он поздно вечером с набитым чем-то под завязку мешком на плечах. Весело объявил:

— Все в порядке. Вопрос решен положительно! Констан сказал: «Раз русские — приводи хоть троих!» А это вам от него гостинец...

— Русскне? — иасторожился Колесиик. — А откуда ои зиает об этом?

Телье улыбиулся.

— Я, коиечио, про поляков начал толковать. Мол, парни иам очеиь иужиы, иадо их куда-то прнстроить... А он засмеялся: «Эх, Реймаи, Рейман, ты н врать-то как следует не умеешь. Зиаю, что это за полякн...» Сгреб пустой мешок, пошел в кладовку, иабил его продуктами, сказал: «Вот, возьми и передай от меия гостииец русскнм. Это нм за «заготовителя», а нх комаидиру скажи: возьмут в свой отряд — пойду с удовольствием. Ведь Карье н его подручиые ие только грабят крестьяи, у меия, напрнмер, оии зарезали две свиньи, ио и шпиоият... Вот за то, что русские рассчитались с этими подоиками, передай им большое спасибо!»

— Кто этот Коистаи? — спросил Колесинк, удивленный и в то же время заинтересоваииый рассказом Телье.

— Мы с иим старые друзья, — улыбиулся тот. — Перед приходом иемцев во Францию вместе служилн на бельгийской граиице, были в одиой роте. Несколько месяцев резались в карты, пнсали письма домой, а потом вместе отступалн... Я родом из Ардеии, ио Коистан уговорнл меия пойти в его деревию, помог устроиться батраком. Когда я пошел в партизаны — приглашал его, ио Коистаи отказался. Трагедия, пережитая иа бельгийской граиице, убила в нем всякне надежды иа то, что Фраиция вновь станет свободиой. Ои старался ии о чем ие думать, занимался лишь своимн крестьяискими деламн. Но когда ваша страна вступила в войиу с Германией, а тут еще ои услышал, что на фраицузской земле с немцамн сражаются русские — Коистаиа будто бы подмеиили, так ои воспряиул духом. Перед уходом он еще раз иапомиил: «Если возьмут меия в свой отряд русские — все брошу, пойду к ним».

«Выходит, иаше пребываиие на хуторе нѐ тайиа, — с тревогой подумал Колесиик. — Следовательно, надо быть готовыми ко всяким иеожндаииостям. И как нн трудно, прежде всего следует установить на хуторе скрытое круглосуточиое дежурство».

«7 марта.

После обезвреживания Карье настроение у бойцов приподнятое. Хорошо бы эту бодрость духа сохранить и впредь. Важно подобрать такую операцию, которая

бы увлекла, захватила бойцов, прошла успешно. Я все думаю про склад с горючим. У нас было уже немало планов по его уничтожению. Но все их мы сами же и отвергали. Вчера возле склада вновь побывали разведчики. Не скажу, чтобы это посещение внесло полную ясность. Склад этот сильно охраняется. Подступиться к нему непросто. Поэтому над тем, как перехитрить врага, надо еще много думать...

(Из дневника)

* * *

По вечеру вместе с разведчиками в район склада отправился и Колесник. На хутор партизаны вернулись уже за полночь. В мансарде лейтенанта поджидал Телье.

— Наконец-то, — обрадовался он, — вас ждет Капитан!

— Капитан? — удивился Колесник. — Зачем я понадобился ему в столь поздний час?

В ответ Телье лишь пожал плечами. За спиной у него был рюкзак. «Собрались на операцию», — решил Александр.

Окна комнаты Телье были плотно закрыты ставнями, однако в щель одной из них прорезался тонкий пучок света, падал на куст сирени. Пропустив вперед Колесника, Рейман остался на крыльце. В углу на диване дремал Капитан. Когда лейтенант скрипнул дверью, он встрепенулся, поднялся со своего места, подал руку.

После обезвреживания Карье эта была их первая встреча. Луи поздравил Колесника с успешно проведенной операцией, поблагодарил за продукты, спросил:

— Среди трофеев, кажется, есть оружие?

— Да, пять карабинов и пистолет...

— Вот видишь, — улыбнулся он, — я же говорил, что «прокат» вам понадобится ненадолго. Молодцы, ребята! — И, подумав, добавил: — Правда, с таким оружием в открытую на врага не пойдешь, но я надеюсь, что вы и не собираетесь этого делать.

— Да, конечно, — согласился лейтенант, еще не понимая, куда он клонит.

— Какие у вас планы на ближайшее будущее? — поинтересовался Капитан.

Колесник сказал, что они готовятся поджечь склад с горючим по дороге Дуллан — Амьен.

— Зиаю этот склад, — нахмурнлся Лун. — Объект довольно крупный, но н охраиа там солндиая и подступиться к нему иепросто.

Капнтаи потер виски, видимо, его беспоконла головная боль, и заговорил виовь:

— Мы уходим иа задаине, — он запиулся, словио ему было трудио подобрать иужиое слово и, подумав, продолжал: — связанное с иемецкнм секретным оружнем... Уходнм сегодия и вериемся ие скоро. Между тем есть дело, которое ие терпит отлагательств. И оио, пожалуй, поважнее склада.

С этими словамн ои вынул нз сумки карту-двухкилометровку Пикардин, расстелнл ее на столе н провел по ней пальцем с севера иа юг.

— Внднте вот эту автомагистраль? Вдоль нее уложен телефоииый кабель Парнж — Дюнкерк. Сейчас, когда иемцы ожидают в этом районе высадку англичаи и амерncанцев, распростраияться о значенни этой лиини связи, думаю, иет иеобходнмости. Так вот, ие возьметесь ли вы за поиски кабеля?.. Это приказ Цеитра.

Колесннк мыслеиио сопоставил склад и кабель. Нарушить связь на таком участке фроита — дело, коиечно, более важное. И тут же согласнлся.

— Ну вот и прекрасио, — улыбиулся Луи. — Тогда я пошел, а то меия уже заждалнсь. Успехов вам, лейтеиаит...

— И вам успехов, Капитан!

* * *

Понскн кабеля оии иачалн чуть севериее Дуллаиа, вдоль национальиой дороги Дуллан — Дюнкерк. Уже на следующую ночь туда отправилось иесколько партизаиских троек.

...Свет от фоиарей «летучая мышь» падает узкой полоской, освещая лншь траншею в пятьдесят-семьдесят сантнметров. Работать в ней тесио и неудобио, а главное — трудио: под тоикнм покровом дерна виачале идет слой булыжника, потом подстнлочный щебеиь и кремеиь. Приходится действовать больше кайлом, иежели лопатой. Недаром здешние крестьяие половиину своей жнзии убнвают иа очистку полей от миожества камней, складывая нх иа меже рыжнмн коиусообразиымн кучками.

— Ну и землица же, чтоб черт ее побрал, — ворчит

Николай н прннимается орудовать кайлом еще яростней. Кайло нет-нет да и угоднт в камень, и тогда вокруг сыплются нскры. Нколаю помогает Аидрей. А в это время вторая пара — Жуков и Воробьев, отдыхают и одиовремеино ведут иаблюдеиие за дорогой. Спустя некоторое время их роли меияются: за работу прииимаются отдыхающие, а те, кто трудился, встают иа пост.

Группа уже вырыла траишею, ндущую в стороиу от дороги метра три длиною, ио кабеля не обнаружила.

— Может быть, мы неглубоко берем? — замечает Андрей.

Снялн еще слой земли, но результаты те же.

— Смотрн-ка ты, — удивляется Николай, — этот кабель словно завороженный: сколько уже перебросалн землн, а толку ни на грош...

За поворотом роют еще две пары: Загородиев и Сергей, Петричеико и Геращеико. И тоже безрезультатио. В чем дело?

Последнее время идут дождн, н вот уже несколько иочей подряд партнзаны возвращаются на хутор мокрые, усталые, ио все без толку. Понскн кабеля оказалнсь делом куда более сложным, чем оии предполагали виачале. У них одии ориеитир — автомагистраль. Рядом с ней оии и роют землю. Но со временем полотио дорогн, вндно, ие раз спрямлялось, и вполне возможио, что кабель оказался в стороне. Однако где-то полотно не передвнгалось? О своих неудачах Колесник рассказал Телье, едииственному из фраитиреров, кто в этн днн оставался на хуторе.

— Надо поговорнть с хозяниом кафе хутора Розель мсье Креман, — посоветовал тот. — Он нз местиых жителей самый старый, авось что-нибудь да посоветует...

— Креман? — удивнлся Колесник. — Но ведь он совсем дряхлый.

Однако нменио беседа с Кремаиом позволила партизаиам ухватиться за ту ниточку, которая была так нужна: камеиный мост через реку! Построен ои давно. Зиачнт, нменио близ иего и иадо искать кабель.

На следующую ночь партизаны напалн иа то, что искали. Кабель оказался чуть толще рукн, многожнльный, сверху покрыт защитной облаткой, под которой имелся слой свинца, затем шла корда с резиной. Оголив кабель, оии вырезали солидиый кусок. Траншею зарылн, а сверху аккуратно прикрыли дерном.

* * *

На хутор партизаны вернулись уже на рассвете. Колесник с Николаем тут же отправились спать.

Пока разыскивали кабель, спать приходилось мало. Поэтому лишь только добрались до места, тут же заснули. Петриченко разбудил их уже в середине дня. Он был чем-то встревожен.

— Только что приходил Пьер. Говорит, немцы готовят облаву на хутора, но когда именно, пока неизвестно.

Поздно вечером пришел Лефевр и сообщил то же самое. К сожалению, и он о сроках проведения облавы ничего не знал.

— Что будем делать? — встревоженно спросил Николай и посмотрел на Колесника. Но тот о чем-то думал и ничего не ответил.

В сумерках в заброшенную усадьбу собрались партизаны. На совещании решено было запастись продуктами и по одному всем покинуть хутора.

Каратели выехали из Амьена — центра департамента на следующий день рано утром на семи грузовиках. Проехав километров двадцать по Национальному шоссе, грузовики разделились. Два повернули на северо-запад, пять покатили строго на север, в сторону Дуллана. Но вскоре и эта колонна разделилась. Три машины продолжали катить на север, а две круто повернули на восток. Не доезжая километров пять до Розели, они въехали в рощу... Здесь, неподалеку от шоссе, за высокой стеной стройных лип и дубов, укрылась усадьба господина Дюбуа.

Возле ворот машины остановились, из них повыскакивали солдаты. Часть из них по всем правилам военной науки начали окружать усадьбу, другие кинулись в ворота.

Ничего не подозревающий хозяин фермы в этот момент шагал вслед за подводой, запряженной быками. Он только что вывез в поле навоз и возвращался домой. Увидев немцев, фермер растерянно остановился — что делать? Но к нему уже спешили двое солдат во главе с офицером Солдаты окружили фермера и повели его во двор.

Каратели уже успели здесь все перевернуть вверх дном: с кудахтаньем носились по двору куры, из окон дома летел пух, выпущенный из перин, возле собачьей конуры лежал пристреленный рыжий пес. Рядом с ним плакала девочка лет пяти.

Хозяйка металась по двору как безумная. Увидев офицера, с криком кинулась к нему, хотела что-то сказать, но тот сделал знак солдатам, и те оттащили ее прочь.

Каратели продолжали обыск. Но пока он ничего не давал. Немцы уже начали терять к нему интерес, как вдруг из погреба вылез солдат. В руках у него была плетенка с тестом. Он доложил, что таких плетенок в погребе более двух десятков.

— А! Наконец-то! — злорадно заговорил офицер. И, повернувшись к фермеру, наотмашь ударил его по лицу, сделал знак солдату. Тот подскочил к фермеру, ткнул пистолетом в грудь и, подведя к курятнику, поставил лицом к стене. Увидев это, женщина заголосила еще больше, вырвалась из рук державшего ее солдата и вновь кинулась к офицеру.

— Господин офицер, сегодня наша очередь топить печь, и из ближайших ферм нам принесли тесто, — попыталась объяснить она.

Не обращая внимания на ее слова, офицер приказал:

— Сжечь постройки! Меньше будет жратвы партизанам.

Женщина, моля о пощаде, упала на колени.

— Не надо, Роз, — крикнул муж. — Лучше позаботься о детях.

Короткая автоматная очередь... И фермер рухнул на землю. Женщина, громко рыдая, бросилась к телу мужа.

Горел дом и амбар. Каратели сели в грузовики и покинули усадьбу. Розель они проскочили не останавливаясь. Стало ясно, что каратели расправились с фермером по доносу предателя...

Вечером партизаны долго обсуждали события дня.

— Мсье Дюбуа, кажется, был участником Сопротивления? — спросил Николай.

— Да, — подтвердил Телье.

— В таком случае напрасно мы прятались, как зайцы...

— Карателей было больше нас в несколько раз, — возразил Телье. — Кроме того, в любую минуту им могла прийти подмога. Но так мы это не оставим... Предателя найдем во что бы то ни стало... Да и бошам отомстим!

«20 марта.

Из головы у меня не выходит последний разговор с Капитаном. Мы уже немало наслышались о странных сооружениях, возводимых немцами в прибрежной полосе. О них говорят разное. Одни их называют стартовыми площадками. Другие бетонированными полосами. Но те и другие сходятся в мнении о том, что эти сооружения имеют непосредственное отношение к «фау» — новому секретному оружию немцев.

Вскоре после того, как был создан отряд, нам удалось отыскать ту стройку, о которой в свое время рассказывала Андреа. Вероятно, это была одна из стартовых площадок. Объект сильно охраняется. Подступиться к нему разведчики не смогли. А на днях Николай со своими товарищами напал еще на две площадки. Одна из них разрушена авиацией союзников. Бойцы произвели ее измерение. Длина триста пятьдесят метров. Ширина — двести. На этой территории несколько строений и бетонированных полос. Предназначение их мы пока не знаем. Еще одна площадка только строится. Я давно хочу побывать возле нее».

(Из дневника)

* * *

Было раииее утро. По земле плыла такая густая пелена тумаиа, что казалось, солнечные лучн сквозь нее никогда не пробьются и утро ие наступит. Последиее время часто выпадали дождн, земля набухла, грязи то и дело набивалось столько, что колеса велосипеда переставали вертеться. Колесник и Николай останавливались, очищали грязь н продвигалнсь вперед еле-еле. Зато на проселочной дороге немцы почти не встречались. Как только партнзаны выбралнсь на асфальт, ехать стало легче, но двнженне тут было довольно оживленным. То и дело катнлн грузовые н легковые автомашины, мотоциклы н повозкн. Вначале, услышав гул моторов, оин сворачнвалн к посадке, нырялн в кусты. Потом поехали ие таясь. Благо, что одеты были как все французы.

Блнже к полудию оин добралнсь до развилки дорог.

Одна из них вела в деревню Ивраиш, близ которой накануне разведчики иаткиулись иа стартовую площадку, разрушенную авиацией союзннков. Вторая дорога сворачивала влево, в лес — там должна быть стройка. Туда Колесиик и Николай сейчас и катили. Проехав

еще немного, они спрятали на опушке свои велосипеды и дальше пошли пешком.

В лесу было сумрачно и тихо. Однако они продвигались осторожно: возле такого объекта вполне возможны секретные посты.

Когда взобрались на вершину горы, туман уже почти рассеялся, и они увидели, что противоположный склон круто спускался в долину, к которой с северо-востока подходила, извиваясь, дорога. Виднелись отроги невысоких гор. Вместе они образовывали нечто похожее на гигантскую чашу, на дне которой виднелась стройка...

Колесник потянулся к биноклю, навел его на строительную площадку, долго рассматривал ее. Наконец он неопределенно протянул: «М-да-а-а!»

Стройка походила на встревоженный муравейник. Внизу всюду копошились крохотные фигурки — одни рыли траншеи, другие суетились на лесах, возводили стены каких-то сооружений. Словно из кратера до них доносился гул бульдозеров, бетономешалок, пневматических молотков. Среди работающих — а это несомненно были военнопленные — прохаживались немцы в военной форме: вероятно, инженеры, руководившие работами. По краям площадки стояли часовые... Как только Колесник перестал рассматривать стройку, биноклем тут же завладел Николай.

— Разрушенная площадка, которую мы видели близ деревни Ивранш,—сказал он,—очень похожа на эту...

Но вот его взгляд словно бы споткнулся обо что-то. Он тут же вернул бинокль лейтенанту, волнуясь, сказал:

— Обрати внимание вот на ту бетонированную полосу. Это, видимо, и есть главный объект стройки. В Ивранше она поднимается под углом сорок пять градусов и направлена в сторону Англии.

Колесник принялся внимательно всматриваться в том направлении, куда указывал Николай. Он различил рельсы узкоколейной дороги. Достаточно было бросить взгляд на компас, чтобы понять, что и здесь ось полосы направлена на Англию.

— Многовато же здесь немцев, — заметил он, поеживаясь от пронизывающего ветра, а еще больше от волнения.

— В том-то и дело, что многовато, — согласился Николай.

Задержнваться вблнзи такого объекта было опасно. «Неужели нельзя помешать вестн этн работы?» — подумал Колесннк.

Неожиданно его вниманне прнвлекли свежевыструганные, еще не успевшне почернеть сосновые столбы, которые шлн от видневшнхся чуть подальше металлическнх опор — линии электропередачи к площадке. Сразу их Колесиик не заметнл. «Постой-постой, да ведь этн же столбы для подачи электроэнергии, — подумал он. — Если убрать хоть некоторые, а заодно н металлическне опоры, то...» Вндимо, об этом же подумал и Нинолай.

— Эх, была бы взрывчатка!

— Взрывчатка будет, — заметил Колесинк.

Взрывчатку обещал им дать Капнтан. Правда, неизвестно, много ли ее у франтиреров.

— Если есть взрывчатка, — обрадовался Николай, — тогда все, тогда порядок... Видишь шоссе? Петляя, оно идет к северу. В случае чего, немцы кинутся в погоню за намн по нему, а мы ринемся прямо.

— Но ведь там болото, — удивился лейтенант. — Болото и речка.

— Болото и старица рекн, — поправнл Николай. — По болоту мы уже проходили, а старнцу переплывали на плоту. — И уже возбужденно-радостно повторил: — Немцы кинутся за намн по шоссе, это уж точно! А мы за болото!

— Интересное предложение, — задумчиво заметнл Колесиик, — но его еще надо обмозговать.

— Разумеется, — согласился Николай.

«А молодец парень, — подумал о Николае Колесник. — Прежде чем что-либо предложить, все обдумает, все взвесит. Жаль, что скрытен. Уже сколько мы вместе, а что я знаю о нем? Горьковчанин. Войну встретил курсантом пехотного учнлища, которое закончить не успел — надо было воевать. И это, пожалуй, все. С другой стороны, это н хорошо, что он умеет держать язык за зубамн. Не такое сейчас время, чтобы болтать лишнее».

* * *

Идея Николая была весьма заманчива, но на всякнй случай по дороге, которую он предлагал для отхода партизан после проведения операции, еще раз прошли

разведчики, подготовили лодки для переправы через старицу. Взрывчатки у франтиреров оказалось немного, но кое-что ею можно было сделать. Кроме того, партизаны прихватили с собой поперечные пилы, ими рассчитывали спилить часть деревянных столбов, которые подводили электроэнергию к самой строительной площадке.

В район стройки бойцы пришли уже в полночь. Вышли на просеку. Вдоль нее, взбираясь на высотку, в одну линейку тянулись металлические опоры, между которыми длинными дугами тяжело провисали провода. К одной из таких опор и подошли партизаны. У нее имелось четыре «лапы», установленные на бетонные основания. К каждой из них они прикрепили по нескольку двухсотграммовых толовых шашек, присоединили к ним бикфордов шнур, зажгли его и отбежали в безопасное место. С минуту стояла тишина. Но вот взметнулось пламя, мощный взрыв потряс лес... Стальная конструкция дрогнула, закачалась, потеряла равновесие и тяжело рухнула на землю.

К этому времени другими группами было спилено около десятка деревянных столбов.

Партизаны, разумеется, понимали, что разрушенные опоры и сваленные столбы приостановят стройку ненадолго, но все равно радовались тому, что хоть на несколько дней, а работы встанут. А там можно придумать что-нибудь еще.

* * *

Сергей вновь побывал в Острикуре и, как обычно, привез новости. Главная из них — из лагеря бежал Никифоров. За ним приезжал специальный человек из Парижа. «Видимо, понадобился Комитету, — подумал Колесник. — Ну что ж, такой человек не подведет, справится с любым поручением».

Связной мялся, казалось, что-то недоговаривал. Наконец он выдавил:

— Схвачен Порик!

...Порик! Он же Базиль, «лейтенант Громовой», «русский из Дрокура», просто — Василь. Это имя французы шахтерского севера произносили с большим уважением. Отряд, созданный им, начал действовать еще в сорок третьем, совершил немало дерзких операций. Немцы охотились за Базилем с большим остервенением. Если

за выдачу рядового русского партизана они предлагали пять, то за голову Порика — все сто тысяч франков. Неужели он погиб?

* * *

В сумерках партизаны засобирались в разведку. Вместе с ними решил пойти и Колесник. Неожиданно пришел связной франтиреров, все тот же немногословный парень, которого в прошлый раз лейтенант окрестил молчуном, сообщил, что вернулся Капитан. Александру очень хотелось посоветоваться с Лун насчет стартовой площадки, и он тут же отправился к нему.

Выйдя из усадьбы Булена, связной повел Колесника в направлении, противоположном тому, где тот виделся с Капитаном в прошлый раз. Это Александра нисколько не удивило. Проявляя осторожность, Капитан часто менял места своих ночевок. На противоположном берегу пруда, под плакучей ивою, стоял небольшой домик. К нему они и подошли. На стук дверь тут же открылась. Связной о чем-то пошептался с человеком, который вышел ему навстречу, и, вернувшись назад, виновато доложил:

— Просят подождать!

Они отошли в глубь сада. Некоторое время они стояли, вслушиваясь в темноту ночи. Вдруг дверь скрипнула, из дома поспешно вышли четверо, спустились с крыльца и растворились в темноте...

Когда Колесник вошел в накуренную комнату, в ней был лишь один Капитан.

— Ты извини, друг, что заставил тебя ждать, — сказал он, — но неожиданно ко мне явились гости. Прошлой ночью в Нувьене прошла облава. Немцы вылавливали людей для отправки на работу в Германию. Этим парням повезло: они ускользнули и вот просятся в отряд. — Бросив озабоченный взгляд на часы, он продолжал: — А вообще-то ты пришел вовремя. С минуты на минуту я жду связного департаментского военного комитета. Он хочет видеть тебя.

На этот раз, как показалось Колеснику, Капитан выглядел усталым и чем-то расстроенным. Некоторое время он прохаживался по комнате молча, потом заговорил вновь:

— Вылавливают! Странно звучит это слово, не правда ли, лейтенант? Словно речь идет об охоте на зверей. Помню, когда Петен пришел к власти, то торжественно

заявнл: «Я отдаю всего себя Франции». Газеты писали о нем, как «о надежде и спасении родины, мудром и честном маршале», а этот «мудрый» и «честный» оказался всего лишь пакостным старикашкой, старым ослом, марионеткой н предателем. Дорого обошлось Францни его предательство, но это еще не все...

Неожиданно он оборвал себя на полуслове, повернулся к Колеснику, смущенно проговорил:

— Я, кажется, заболтался, Александр! Что нового у вас?

Как только Колесннк заговорил о стартовых площадках, Капитан насторожнлся, поспешно переспроснл:

— Так, говоришь, одну из них вы нашли неподалеку от Абвиля? Странно!

Он прошелся по комнате, о чем-то размышляя, остановился перед лейтенантом, повторил:

— Очень странно!

Оказывается, этот район некоторое время назад уже прочесывали его люди. Но тогда там стройки еще не было. Она появилась недавно, и работы на ней ведутся форсированными темпами.

В этот момент в дверь постучали. В комнату вошел мужчнна средннх лет в темном коричневом плаще. Поздоровавшись с Капитаном, пристально посмотрел в лицо Колеснику.

— Александр! — представил его Луи.

— Роллан,—в свою очередь, назвал гость свое имя, продолжая внимательно изучать русского, — связной департаментского военного комитета.

Роллан походил на преуспевающего коммерсанта. У него густые черные волосы, смазанные бриолином, такие же черные, кустистые бровн, большие голубые глаза, горбинка на носу.

— Я уже немало наслышался о вас и ваших людях, Александр, и рад с вами познакомиться, — сказал он. — Жаль, что я заглянул к вам ненадолго, очень спешу... А дело, которое привело меня сюда, состоит в следующем: завтра намечено провести совещание представителей организаций Сопротивления, а также командиров отрядов и групп департамента. На этом совещании должны быть и вы оба...

Назвав место и время совещания, условные паролн, Роллан стал прощаться. Когда они вновь остались вдвоем, Капитан некоторое время молчал, прохаживаясь по комнате, о чем-то думая, наконец сказал:

— Уж коли так получилось, Александр, что и вы тоже стали заниматься стартовыми площадками, я хочу, чтобы вы узнали о них побольше.

В тот вечер Колесник услышал от Капитана о новом немецком оружии немало интересного.

* * *

Как только Франция была оккупирована, Луи стал членом одной из организаций Сопротивления. Однажды до ее руководства дошли слухи о том, что на побережье Ла-Манша немцы возводят какие-то объекты, которые якобы имеют отношение к их новому оружию. Капитану и его группе было поручено заняться их поисками.

Дела шли довольно успешно. Вскоре им удалось напасть на след нескольких площадок. Данные были отосланы в Лондон. К тому времени английская разведка через участников Сопротивления разных стран Европы уже немало знала о секретном оружии немцев. Поэтому здесь с вниманием отнеслись к сигналу французских патриотов. Авиация союзников тут же вылетела на бомбежку объектов.

К весне сорок четвертого года большинство площадок, расположенных вдоль северного побережья Франции, были уничтожены. Однако немцы с упрямой фанатичностью принялись строить новые, которые были меньше прежних по размерам, но лучше замаскированы.

Последнее время группа Капитана вела уже поиски штаба артиллерийского полка, производящего запуск нового оружия. До руководства Сопротивления дошли слухи, что этот штаб находится где-то близ Амьена *, франтиреры обшарили этот район, как им кажется, довольно тщательно, но пока безрезультатно.

«Так вот, оказывается, с каким человеком свела меня судьба», — подумал Колесник с уважением о Капитане. А вслух спросил: — Допустим, вы отыскали площадку, а дальше что?

— Тебя интересует, так сказать, чисто практическая сторона дела? — улыбнулся Капитан. — В общем, Александр, давайте координаты площадок, а об остальном позаботятся сами англичане... Ведь фау угрожают в первую очередь им.

* Лишь после войны стало известно, что штаб размещался близ деревни Сале, в нескольких километрах от Амьена, на глубине двадцати четырех метров, в шахте.

* * *

На следующий день что-то произошло, и совещание было отложено. Капитан тут же покинул хутор.

А в полдень пошел дождь и вот уже неделю льет не переставая. День и ночь потоки воды барабанят по черепичной крыше мансарды, звенят в водосточных трубах. Земля раскисла — не пройдешь, не проедешь.

Дожди уже начали наводить на Колесника тоску и уныние. Просыпаясь по ночам, он слушал монотонное журчание воды, однообразное поскрипывание оторвавшегося где-то на крыше листа кровельного железа, подолгу ворочался, не спал. В такие минуты передумаешь о многом. Склад с горючим они так и не подожгли: неожиданно возле разместилась немецкая воинская часть. Из-за этого операцию пришлось отложить. Лейтенант очень жалел об этом, но когда он рассказал о неудаче Капитану, тот лишь усмехнулся:

— Не горюй, камрад, стартовые площадки поважнее!

Вслушиваясь в завывание ветра, Колесник старался уловить в нем посторонние звуки, осторожные шаги или приглушенное урчание полицейских машин. Гитлеровцы больше уже не прикрывались фиговыми листками, как это делали они в первые дни оккупации Франции. В то время существовал даже секретный приказ: «С населением обращаться хорошо, быть вежливыми, показывать, что мы, немцы, их верные друзья». Ныне поведение оккупантов стало иным. Вначале они наловчились на ловле коммунистов, потом пришел приказ командования насчет «коллективных мер» против жителей целых селений. И теперь при малейшем поводе гитлеровцы сжигают целые селения, вешают и расстреливают.

«22 мая.

Накануне до нас дошли тревожные слухи. В ночь с первого на второе апреля в деревне Аск эсэсовцы расстреляли свыше сотни детей и стариков. Деревня находится близ железной дороги, на которой произошло крушение воинского эшелона. И этого оказалось вполне достаточно для истребления людей...

Участились случаи облав. Поэтому приходится быть начеку. Я теперь нередко меняю места ночевок. Часто остаюсь один. Ночи длинные, передумаешь о многом... Последнее время все наше внимание сосредоточено на поисках стартовых площадок. Правда, не скажу, что мы

в этом преуспели. Вот уже две недели назад, как ушли на разведку Николай и Геращенко. Уж не случилось ли что?»

(Из дневника)

* * *

Глубокой ночью Колесникова разбудил Петриченко, сообщил, что вернулись те, кого уже перестали ждать,— Николай и Геращенко. Первое время дела у них шли успешно. Им удалось обнаружить ряд важных объектов. И они уже возвращались на хутор, как вдруг ночью под Амьеном случайно набрели на аэродром и были схвачены. Хорошо, что на следующую ночь на аэродром напали франтиреры, началась суматоха. Воспользовавшись этим, разведчики бежали. Но теперь они без оружия, а Геращенко к тому же и ранен.

Раненого положили в мансарду. Когда Колесник и Петриченко поднялись сюда, под потолком тускло коптила керосиновая лампа, больной метался в бреду.

— Где возьмем врача? — спросил Колесник озабоченно.

— В округе найти врача, наверное, можно, — ответил Петриченко, — но неизвестно, на кого нарвешься.

И тут выяснилось, что у Андрея есть знакомая девушка, которая работает в госпитале. Она может сделать перевязку. Вот он и ушел за ней.

— Андрей? — удивился Колесник. — Когда он успел познакомиться?

— Успел, — усмехнулся Петриченко, — да еще как успел: отец у его девушки, говорят, врач. Правда, мы не знаем, как он отнесется к нашей просьбе, а вот за девушку Андрей ручается.

— Скажи на милость, уже ручается, — продолжал недоумевать Колесник. Эта история ему явно не понравилась. — А почему бы не поговорить с Телье? — спросил он. — Кто-кто, а этот парень непременно что-нибудь посоветовал бы...

— Его нет на хуторе, — ответил Петриченко.

Ничего не оставалось, как ждать возвращения Андрея. Незаметно для себя Колесник задремал. Проснулся мгновенно, как только послышались осторожные шаги на лестнице. В дверях показалась голова Андрея. Окинув сидящих в полуосвещенной комнате внимательно-

ным взглядом, он осторожно пропустил вперед себя спутницу, а затем вошел в комнату сам.

— Жанет, — представил он девушку и тут же покраснел.

Бедный Андрей, он всегда краснеет, когда смущается... Жанет была высокая, стройная, с голубыми глазами. Робко произнеся привычное: «С ва мсье»,—она поперхнулась, закашлялась. Только тут Колесник обратил внимание на то, что в комнате так накурено, что нечем дышать. Приоткрыв дверь, он подал Жанет тазик с чистой водой для мытья рук.

Она неплохо знала свое дело, и минут через тридцать перевязка была закончена. Вынув из сумочки какие-то таблетки, девушка принялась объяснять Андрею, как их давать раненому, но он лишь виновато хлопал глазами: по-французски Андрей знал всего лишь несколько слов. Парня надо было выручать, и Колесник сказал:

— Спасибо, Жанет, мы вас поняли!

— О, вы француз? — обрадовалась девушка.

— Нет, тоже русский.

— Рюсс, Россия, — заулыбалась девушка, — но вы так хорошо говорите по-французски, — и ласково посмотрела на смущенного Андрея.

Заметив этот взгляд, Александр обронил:

— Ничего, с вашей помощью скоро заговорит по-французски и он.

— Или в крайнем случае на время ваших свиданий мы станем присылать переводчика, — вставил Николай.

Все заулыбались.

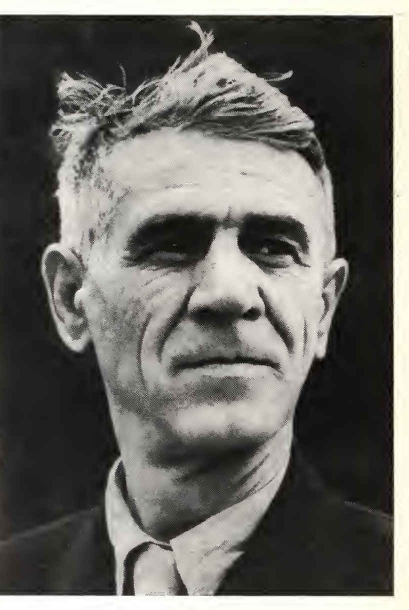
— Что он сказал? — забеспокоилась смущенная Жанет.

— Он шутит, — успокоил ее Колесник и, повернувшись к Андрею, добавил: — Проводи девушку, а то уже скоро рассвет...

— Да-да, — заторопился он, — пора!

* * *

Докладывая лейтенанту о результатах разведки, Николай упомянул про какие-то столбы, которые немцы врывают в ровном поле, в шахматном порядке, на значительном расстоянии друг от друга. Причем разведчики их видели в нескольких местах, но каково их предназначение, они так и не поняли.



Иван Васильевич Рябов.

REPRÉSENTATION PLÉNIPOTENTIAIRE
du Gouvernement de l'U.R.S.S.
pour les affaires de rapatriement
des citoyens soviétiques dans l'Ouest
de l'Europe.

4, rue du Général Appert, Paris XVI
Téléphone [illegible]

22.6.45 г.

№ 2215

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяется, что предъявитель сего, ст. лейтенант тов. РЯБОВ Иван [illegible], действительно является [illegible] ником сборного пункта [illegible] военнослужащих и советских граждан в г. АРДУАЗ, департамент ГАР[illegible]

Весь личный состав лагеря должен подчиняться приказаниям тов. РЯБОВА и содействовать ему в создании организованности и дисциплины в лагере.

ЗАМ. ПРЕДСТАВИТЕЛЯ УПОЛНОМОЧЕННОГО СНК СССР
ПО РЕПАТРИАЦИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН НА ТЕРРИТОРИИ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР [illegible] ДАРЕВ

C E R T I F I C A T

Il est certifié que le porteur de la présente le Lt.-Chef de l'Armée Rouge RIABOV I.V. est affecté aux services de la Représentation Plénipotentiaire du Gouvernement de l'U.R.S.S. pour les affaires de rapatriement des citoyens soviétiques dans l'Ouest de l'Europe.

Représentant Plénipotentiaire du Gouvernement de l'U.R.S.S. pour les affaires de rapatriement prie les autorités civiles et militaires [illegible] alliées de laisser circuler librement le Lt.-Chef [illegible] lui prêter aide et assistance s'il y a lieu.

[illegible]-MAJOR [illegible]
Représentant Plénipotentiaire de l'U.R.S.S. pour les affaires de citoyens soviétiques dans l'Ouest

1я рота отдельного батальона Советских партизан во Франции 22-IX-1944

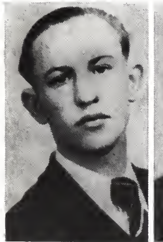
Н. Петриченко.

П. Голованюк (Михаил Баранович).

В. Загороднев.

Н. В. Модрах.

Алексей Зозуля.



П. Охотин.

С. Никифоров.

В. Коваленко.

В. Порик.

Д. Костогрыз.

Ольга Барбук
(А. Соколова).

М. Хаблюк.

А. Бандалетов.

И. Вишняк.

И. Калиниченко.

Французский орден — Военный Крест
с серебряной звездочкой—награда И. В. Рябова.

Иван Васильевич Рябов с участниками экспедиции «Летопись Великой Отечественной».

1936 год.

Фотографии Ивана Кузнецова. 1937 год.

1940 год.

Единственная фотография, сделанная в Италии. 1944 год.

Обелиск на могиле И. Кузнецова в селении Чезиомаджоре.

Возложение венков на могилу И. Кузнецова.

Партизаны в горах Италии (снимок из журнала).

План тюрьмы «Бальденич», нарисованный Карло на пачке папирос.

Иван Бортников.

Тимофей Доценко и
Василий Трофимов.

Встреча итальянских партизан с представителями командования войск союзников.

Партизанский парад в честь Победы.

Карло и Мило.

Делегация бывших итальянских партизан в Москве.

Группа бывших партизан у могилы Ивана Кузнецова.

И в самом деле, каково? Может быть, этим столбам отводится какая-то особая роль в укреплении «Атлантического вала»? Впрочем, если он только существует, этот «вал». На днях до партизан дошли странные слухи: якобы специальные службы англичан вели наблюдения в эфире. Опознав голоса радистов, они стремились определить, как перемещаются воинские части в районе «Атлантического вала». И вот тогда выяснилось, что один и тот же диктор ведет передачу за радистов нескольких подразделений. На основе этого был сделан вывод: «Неприступный «Атлантический вал» — очередной блеф немцев...» Неужели и в самом деле это так? И потом как-то не верится, что можно опознать голоса в эфире. Но говорят, можно. А если «Атлантический вал» — выдумка Геббельса, то тем больше шансов на успех союзников и им нечего тянуть с высадкой...

Такие вот мысли все утро не давали покоя Колеснику. А Петриченко в это время успел побывать на соседнем хуторе. Вернулся он с запиской от Капитана: «В семнадцать часов жду у заброшенной усадьбы». Поймав недоуменный взгляд Колесника, Петриченко пояснил:

— Едете на совещание! Я уже и велосипед приготовил...

— Интересно, чему оно будет посвящено? — задумчиво сказал Колесник.

— Возможно, объявят, когда наконец намерены высадиться союзники во Франции, — шутливо заметил Петриченко, — или скажут: «Камрады партизаны, примите новейшее оружие...»

— Ну да, держи карман шире, — улыбнулся Колесник.

И все же, собираясь в путь, в душе он на что-то надеялся.

Асфальтированное шоссе, оказавшееся в стороне от магистральных направлений продвижения немецких войск, сохранилось довольно в приличном состоянии, было ровным и гладким.

К сожалению, они проехали по нему совсем немного и лишь только обогнули зеленую рощицу, как впереди, прямо в поле, увидели взвода два солдат и несколько грузовиков с лесом-кругляком. Солдаты сгружали лес, резали его на короткие столбы и врывали их в поле в шахматном порядке на значительном расстоянии друг от друга.

Капнтан тут же круто свернул с дорогн вправо, его широкая спина еще раз мелькнула за кустарником и скрылась. Колесник кинулся вслед за ним. Солдаты, занятые своим делом, не обратили на велоснпедистов никакого внимания.

Проехав еще немного, Капитаи остановился, подождал Колесника и поннтересовался, что он думает по поводу увидениого в поле.

— Скорее всего эти столбы установлены для того, чтобы невозможно было нспользовать поле под аэродром, — ответил тот.

— И я так думаю, — заметил Капнтан, — Пикардня все же самое вероятное место высадкн союзников.

Уже который раз говорил он об этом. Возможио, у Луи есть на этот счет какие-то данные? Илн же, размышлял Колесник, он приходит к такой мысли по логике вещей — ведь уже полгода прошло со дня окончания Тегеранской конференции, н пора бы англичанам и американцам выполнить ее решение.

Недавно Телье отремонтировал трофейный радиоприемник, н теперь партизаны регулярно слушали Москву и Лондон. Освобождены Одесса и Севастополь!.. Но как бы ускорилось освобождение Европы от фашизма, если бы союзники наконец началн воевать по-настоящему, высадились во Франции...

До охотничьего павильона какого-то крупного помещика, хорошо укрытого зарослями орешника н бузины, они добрались уже в сумерках. Павильон довольно бдительно охранялся франтнрерами, и прежде чем Капитан и Колесник попали в него, у них несколько раз спросилн пароль.

В помещении, куда нх ввели, было сумрачно и тихо. Однако свет почему-то не зажигали. Возможно, это делалось с целью конспирации. Правда, Капитаи узиавал своих знакомых и в полумраке. Узнавали и его. Первым, с кем поздоровался он, был высокий брюнет, которого Колесник однажды видел у Капитана в гостях. На совещании он представлял «Организасьон сивиль э милитэр» *. Вслед за ним Луи подал руку пожилому мужчине по имени Мартинсон. Это был посланец «Либерасьои Нор» **. И вдруг — ба! — удивился Колесник, увидев лисью мордочку Арну — хозяина магазина иа

* Гражданская и военная оргаиизация.
** «Освобождение северной зоны».

хуторе Розель. Интересно, кого представляет здесь он?

Открыл совещание член департаментского военного комитета широкоплечий кряжистый человек лет тридцати пяти с густой рыжей шевелюрой и трубкой во рту по прозвищу Принели *.

— Скоро можно ждать высадки союзников во Франции, — заговорил он негромко, и сразу в зале стих разговор, наступила тишина. — Выработать программу действий, наладить связь между группами Сопротивления, активизировать действия франтиреров и партизан — вот те основные проблемы, которые нам нужно сегодня обсудить. Приглашаю высказаться!

В состав участников Сопротивления входили представители различных слоев населения. Что же, независимо от классовых принадлежностей и политических убеждений, объединяло их? Прежде всего, конечно, ненависть к гитлеровским оккупантам и их пособникам, стремление изгнать захватчиков из своей страны. Но вот что касается определения методов борьбы против оккупантов, а также общественного устройства страны после ее освобождения, то интересы этих групп были разные. Если компартия страны призывала к немедленной вооруженной борьбе с оккупантами, то социалисты, например, считали, что освобождение Франции дело неизбежное, и само собой разумеется, что оно придет со стороны, из-за границы. Боясь вооружения народа, их охотно поддерживали в этом лидеры других буржуазных партий. И даже теперь, когда высадка союзников, как сказал председательствующий, «не за горами», — политика аттантизма—выжидания—все еще не изжила себя. Пусть и без прежней уверенности, но многие выступающие, как и раньше, призывали ждать, готовиться к тому дню, когда союзники начнут высадку, а пока участники Сопротивления должны собирать главным образом разведывательные данные о расположении врага, проводить саботаж. В день высадки одна из главных задач — дезорганизация транспорта. И лишь когда начнется вторжение союзных войск во Францию, наступит период партизанской войны.

В конце совещания разговор зашел об оружии. Этот вопрос нельзя было обойти молчанием. Оружие имелось в достаточном количестве лишь в одном из отрядов, действующих в западной части Пикардии. Партизанам уда-

* Зрачок.

лось напасть на склад с оружием, сброшенным английскими летчиками для «Тайной армии». Во всех остальных отрядах оружия еще мало. До последнего времени франтиреры и партизаны надеялись на то, что оружием их снабдят англичане и американцы. Но ни те, ни другие этого делать не собирались. Однако Военная комиссия Центрального Совета Сопротивления во главе с коммунистом Вийоном призвала участников Сопротивления к беспощадной борьбе с захватчиками. К сожалению, оружия не хватало. Неудивительно, что на просьбу одного из командиров помочь оружием Принели дал универсальный ответ: «Рассчитывайте на свои силы. Это будет вернее!»

Вот почему на хутор Колесник возвращался хмурый. Не лучше был настроен и Капитан. Уже подъезжая к Розели, он неожиданно спросил:

— Ну и какие выводы, лейтенант, ты сделал из сегодняшнего совещания?

— Драться!

Впервые за весь день Луи рассмеялся.

— Вы, русские, это хорошо уяснили с первого дня войны. А вот у нас некоторые все еще считают, что с Гитлером можно договориться. Эти люди не только сами ничего не делают для освобождения родины, но и как слепые котята путаются под ногами у других...

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«6 июня.

На хутор мы вернулись перед утром. Едва я добрался до гумна, зарылся в соломе, как тут же заснул. Но вскоре мне показалось, что поблизости кто-то ходит. Открыв глаза, я насторожился. «Поднимайся, — гудел в темноте возбужденный голос Николая. — Союзники начали высадку в Нормандии. Пойдем послушаем радио».

У меня гулко забилось сердце. Наконец-то! И мы кинулись к Рейману Телье...»

(Из дневника)

* * *

Когда Колесник и Николай вбежали в комнату Телье, здесь уже были Загороднев, Петриченко и Сер-

гей. На столе лежала карта. Нормандия на ней была обведена красным карандашом. Перебивая друг друга, партизаны рассказывали подробности высадки союзников, называли число действующих в операции кораблей, говорили о районах, захваченных дивизиями союзников.

Интенсивной бомбардировке подверглись Шербур, Булонь, Гавр, Па-де-Кале. Радио предупреждало: все, кто живет в тридцатикилометровой зоне, должны ждать бомбардировок.

— Наконец-то осмелились, — радостно воскликнул Петриченко, — сколько мы ждали этого дня!

Партизаны возбуждены, говорят, перебивая друг друга. В углу стоит радиоприемник. Хозяин вертит тумблеры, настраивается на нужную волну...

Пощелкивают контакты, но Лондон молчит. Телье хмурится. Вдруг почти громко: «...повернуть это оружие!» Совсем четко было, но тут же исчезло. Это англичане. Больше ничего не слышно.

— А может быть, это лишь проба сил? — говорит Загороднев. — Ведь немцы готовились к встрече союзников между Дьепом и Дюнкерком?

— Вряд ли! — возразил Николай. — Силы высадились большие. Немецкие же дивизии здесь немногочисленны, так что через недельку-другую жди союзников и в Пикардии.

— Ну, это ты хватил чересчур, — улыбнулся Телье, — хотя, конечно, — раз англичане зашевелились — значит, конец войны недалек. Эти рисковать даром не станут...

Телье скажет так скажет: «Эти рисковать даром не станут». Настолько коротко и точно характеризуют эти слова сущность английской политики.

— Эх, скорее бы уж все это разворачивалось, — мечтательно произнес Петриченко.

В двенадцатом часу к французскому народу обратился по радио главнокомандующий союзными войсками генерал Эйзенхауэр.

— Нам предстоит жестокая битва, но затем придет победа: 1944 год — год полной победы! Желаю вам успехов!

Главнокомандующий призывал французов к выжидательной тактике.

В полдень партизаны подобрали в поле листовку, сброшенную союзниками. В ней, как и в выступлении генерала, подчеркивалось: «...преждевременное восста-

ние французов могло бы помешать вам быть полезными вашей стране в критнческий момент. Будьте терпелнвы, готовьтесь. Все должны выполнять свои обязанностн» *. А вечером нз радиоприемника вновь послышался треск. На этот раз торжественно-велнчавый голос заявил нечто противоположное тому, о чем говорил главнокомандующий.

— Началась решительная битва... Битва во Франции, конечно, будет битвой за Францию! Простой и священный долг — разить врага всемн средствамн.

— Это де Голль! — воскликнул Телье.

Все понимающе переглянулись. Эйзенхауэр прнзывал французов подчиняться только союзному командованию, де Голль — французскому правительству.

Неожиданно в комнату тревожно постучали, партизаны переглянулнсь.

— Немцы! — послышался испуганный голос дежурившего возле усадьбы Андрея.

В предрассветных сумерках послышалось натужное урчание грузовых автомашин. Они шли по улнцам хутора, подсвечивая дорогу замаскированными фарами. Но тревога оказалась напрасной. Немцы на хуторе даже не остановились. Просто к побережью подтягнвались новые снлы.

* * *

Наконец-то Геращенко пошел на поправку. Днем он впервые встал с постели, прошелся по комнате.

Своим выздоровлением разведчик обязан Жанет. Спасибо ей! Ее папашу партизаны не видели в глаза, но, кажется, лечение раненого не обошлось без его заочного участия.

Вслед за успешно проведенной операцией по выброске десанта и техники все ждалн от союзников решительных действий, но пока что событня развиваются как-то вяло.

— Ничего, — бодро говорит Петриченко, — вот сосредоточат союзники свон силы да как жахнут, только пух полетит от немцев...

Возможно, так и будет. Настроение у партизан приподнятое, они полны радужных надежд на скорое осво-

---

* Колосков М. А., Цирульников Н. Г. Народ Фраиции в борьбе против фашизма. М., Политиздат, 1960, с. 279.

божденне страны от оккупантов. Беспокоят их лишь стартовые площадки, которые они отыскали под Абвилем и около села Боваль. Координаты уже давно былн переданы Капитану, но пока что площадки стоят целыми и невредимыми, и немцы, кажется, вот-вот начнут использовать их по назначению. Вчера разведчнкн видели на станции Абвиль поезд, состоящий из четырех платформ, на которых лежали гигантские сигарообразные бомбы. Сразу же подумалось о том, что это, по-видимому, и есть новое оружие немцев. Тревога партизан возросла еще больше.

А в полночь нз района села Боваль, как бы в подтверждении всех этнх опасенний, с диким ревом поднялся в воздух зелено-серый самолет. От него, как от кометы, потянулся хвост из дыма и искр. По мере удаления самолета-снаряда облачный ствол вулкана вытягивался. Вскоре он уже не смог стоять отвесно, начал наклоняться, прогибаться н в конце концов разделил небо на две половины. На какую-то долю минуты партизаны оцепенели, а когда в небе все рассеялось, то с тревогой подумали о том, как скажется применение немцами «чудо-оружия» на союзные войска, а значит, и на ход войны.

Чтобы поднять моральный дух заметно приунывших солдат немецкой армии после высадки союзников в Нормандии, в гитлеровских газетах были опубликованы фотографии фау. Снимки были неясными. Самолет-снаряд походил больше на бомбу с трубой поверху. И в то же время то, что проглядывалось на снимке, имело сходство с той гигантской сигарой, которую русские разведчики видели на станции Абвиль. «Значит, это и есть «Фау-I», — решилн партизаны, — то самое «чудо-оружие», с помощью которого Гитлер обещает возродить прежние успехи на фронтах, сломить сопротивление Англии».

Вечером бойцы принесли с поля листовку, написанную в канцелярии Геббельса, такого содержания:

«Солдаты союзных войск!

Вы угодили в западню! Если б это не было так, судите сами, зачем бы мы после вашей высадки стали ждать десять дней, прежде чем применить наше секретное оружие? Теперь вы сражаетесь на узкой полосе суши, площадь которой заранее была определена нами. Тем временем наши самолеты-роботы, летающие на небольшой высоте, сеют смерть и опустошение в городах

и гаванях, из которых вы получаете боеприпасы, продовольствие и снаряжение. Ваши коммуникации перерезаны. В результате разрушений и паники, царящей на ваших базах, ваши суда, в том числе и санитарные, не могут выйти в море, а это значит, что вскоре у вас не будет ни оружия, ни боеприпасов. От вас самих зависит найти пути и способы выйти из этой западни. Поразмыслите об этом».

«Неужели англичане забыли про площадки, координаты которых мы им передали?» — думал Колесник. Он еще раз напомнил про них Капитану, но тот лишь улыбнулся:

— Не тревожьтесь, лейтенант, ваши сигналы не останутся без внимания!

И действительно, через несколько дней после этого разговора, уже в сумерках, возвращаясь на хутор, партизаны стали очевидцами того, как над соседним лесочком, мимо которого они шли, вначале забегали лучи прожекторов, а вслед за этим послышались гул моторов самолетов и отдаленные взрывы.

— Вы слышите? — воскликнул Загороднев. — А ведь это, кажется, в районе стартовой площадки?

Партизаны радостно переглянулись.

Утром разведчики побывали возле обеих площадок. Вернулись сияющие: от площадок остались лишь груды развалин. Значит, их усилия не пропали даром!

Это было самое большое событие в жизни отряда. Решено было отметить его по-настоящему. Ночью в заброшенную усадьбу собрались все бойцы отряда. Зачитали приказ, в котором за успехи в поиске площадок командир отряда объявил благодарность Николаю и Геращенко. Надо было видеть лица партизан в эту минуту. Они были по-настоящему счастливы!

«12 июня.

Накануне диктор радио станции «Свободная Франция» из Лондона несколько раз предупредил: в вечернем выпуске будет передано важное сообщение. Интересно, о чем? Надо непременно послушать. Жаль, что сделать это теперь непросто. В тот день, когда союзники высадились в Нормандии и мы коллективно слушали радио, батрак Перш, живущий через стенку от Телье, сказал: «Что-то вчера уж больно долго засиделись у тебя гости».

Своего соседа, угрюмого и нелюдимого малого, Телье

побаивается. Радиоприемник был срочно перенесен в заброшенный сарай. В темноте да еще при такой погоде, как сегодня, когда весь день шел дождь и на дорогах образовалась непролазная хлябь, идти туда мало приятного. Но ничего не поделаешь. Уж очень хочется узнать о событиях на фронтах».

(Из дневника)

* * *

В тот момент, когда они добрались до сарая, в темноте у приемника уже возился Рейман. Под ннм шебуршала солома, попискивали мыши, громче обычного пощелкивали контакты. Рейман ворчал:

— Боши, боши!

Тихо. И вновь его недовольный голос:

— Вот черт, кругом боши!

Дует в щели, сыро и прохладно. Наконец Телье радостно объявил: «Лондон!»

В сарай неожнданно ворвалась музыка. Но постепенно она гасла, вяла. И вскоре вновь ннчего не стало слышно. При свете зажигалкн Телье что-то подлнвает в элементы, ворчит.

— Еслн бы нашатырь, а то возись с этой гадостью.

Снова явственно доносится музыка, но вот заговорил днктор. О боях в Нормандии было сказано всего несколько слов. Основное внимание было обращено на события во французской деревне Орадур-Сюр-Глан. Слушая диктора, Телье бормотал:

— Невероятно... Что же это такое!

Он не находил слов. И в самом деле, то, что произошло в этой деревне два дня тому назад, не укладывалось в голове... Она была сметена с лнца земли только потому, что оказалась на путн движення в Нормандию эсэсовской дивизии «Дас рейх». Ворвавшись в деревню, эсэсовцы вначале повыгоняли из домов всех ее жителей, после чего мужчин тут же расстреляли, а женщин и детей загнали в церковь н подожглн ее. Погибло шестьсот сорок человек. Из ннх двестн десять детей.

— Шестьсот сорок, — шепчет обескровленными губами Телье, — какой ужас! Нет, фашисты не люди, а звери, — охрипшим от волнения голосом добавляет он, — хуже зверей...

Загороднев крутит головой, собирается что-то сказать, но не успевает. В сарай поспешно входнт Андрей...

— Товарнщ лейтенант, к вам связной...
— Откуда?
— Говорнт, нз Комнтета.
Когда, чуточку запыхавшись, Колесиик прншел на ферму, переступнл порог маисарды, в ней было тихо и темно. В одно-единственное окошко, глубиною в метр, точно в амбразуру дзота, заглядывала луна. Постепеино его глаза освонлнсь с темиотой, н он увндел дремавшего на кушетке мужчину. На вешалке висел его плащ, под которым натекла лужнца воды. «Попал под дождь», — решил лейтеиаит. Под его ногамн заскрнпели половые доски, и гость просиулся.
— Александр.
Незнакомец поднялся со своего места, пожал руку, представился:
— Алексей.
Только тут Колесник узиал в ием того самого человека, с которым ои встречался в Острикуре.
— Признаться, я утомился с дороги, — продолжал гость, словио бы оправдываясь, — промок, а тут, как только прнгрелся, сразу задремал.
— И правильно сделали, — заметнл Колесиик.
Чтобы быстрее подсохла одежда гостя, ои суиул несколько веток можжевельиика в печку, поджег старую газету — огоиь вспыхнул, ветки затрещали, осветнли лнцо собеседиика. Оио было усталым.
— Комнтет хочет получить точную ииформацию о делах вашего отряда, — объясияя цель своего визита, заговорил связной.
Пока Колесиик рассказывал об отряде, Алексей виимательио слушал, иногда переспрашивал, стараясь все хорошо уяснить и запомнить. Ветки можжевельнника совсем прогорелн. Колесник прииес еще. Некоторое время оии мнгали, потрескивали. Неожиданио из печи вырвалось пламя, осветило часть комиаты, лнцо собеседиика.
— Вы сейчас из Парижа? — поинтересовался Колесинк.
— Нет, из Бнли-Моитииьн.
— Вот как! В таком случае вы, возможио, что-нибудь слышали о Порике?
— Не только слышал, но достоверио зиаю, — улыбнулся Алексей. — Он бежал нз крепостн.
— Из крепости, да еще раиеиый? — оторопел Колесиик. — Но это же невероятио!

— И тем не менее это так. Это большой силы человек! Большой! — повторил связной убежденно.

— А где он сейчас?

— У верных людей. Ему сделали операцию, точнее, несколько операций. Ведь у него было четыре ранения... А сейчас он выздоравливает.

Все это казалось настолько удивительным, что в первую минуту Колесник не поверил, но Алексей не шутил.

— И таких, как Василий Порик, — продолжал он, помолчав, — среди русских людей немало. Вот почему столь велики симпатии к вам со стороны французов. Руководство Сопротивления сейчас прилагает все усилия к тому, чтобы как можно больше советских людей взялось за оружие. Для этого совместно с Комитетом советских военнопленных решено объединить все русские партизанские отряды под одним командованием. В первую очередь это будет сделано на севере Франции. С этой целью в Били-Монтиньи намечено провести совещание командиров советских партизанских отрядов и групп, действующих в Пикардии, а также представителей французского Сопротивления. На нем должны быть и вы.

Вот уже второй раз Колесник встречается с Алексеем, но до сих пор так и не понял, кто он. Говорит: «Вам, советским парням». А кто же он сам?

— Тоже русский, но эмигрант, — неохотно пояснил Алексей, — вернее, мой отец, который приехал во Францию еще в начале века. Здесь я родился и вырос. Но я русский, родина моих предков — Россия. Значит, это и моя родина!

Алексей потянулся к огню, взял головешку, прикурил сигарету Вспыхнуло пламя, на минуту осветило его русые волосы, крупный нос, задумчивые прищуренные глаза.

— А человек без родины, что соловей без песни. Ох, Александр, как это нелегко. Мне вспоминается Мадрид в начале тридцать шестого года. Вместе с другими там было немало русских эмигрантов, проживающих во Франции. Я внимательно присматривался к ним. Как и остальные бойцы интербригады, они честно хотели помочь испанскому народу в освобождении его родины от фашизма... Но иногда мне казалось, что мы находились на каком-то особом положении. Французы, поляки, чехи и те русские, что приехали из России, с полным правом

могли сказать, что, защищая Испанию от фашистов, они защищают родину. А мы? Конечно, каждый из нас, русских эмигрантов, с полным правом мог сказать, что мы защищаем человечество от фашизма. И все же... Человек без родины — это какое-то неполноценное существо. Эмиграция, Александр, это все равно, что суховей в пустыне. Она иссушает, изматывает силы, а родной, привычной почвы нет, живительных соков брать неоткуда. Вот почему на чужбине хиреет даже большой настоящий талант. Возьмите, к примеру, Бунина. Здесь, во Франции, он получил Нобелевскую премию... Признание, слава — все есть. А сколько тоски и безысходности в его творчестве этого периода. Вспомните хотя бы вот это:

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости — родному дому!
У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьется сердце горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой наемный дом
С своею, уже ветхою, котомкой!

Алексей читал эти стихи удивительно выразительно, четко передавая смысл каждого слова. Кончив чтение, он некоторое время молчал, закрыв глаза, видимо, все еще находясь во власти стихов.

— А Куприн? Что создал он на чужбине? Ничего великого.

Воспоминания... В памяти Колесника вдруг всплыла осень тридцать седьмого года, когда обласканный почитателями своего таланта Куприн, только что вернувшийся из Франции в Ленинград, писал: «Даже цветы на Родине пахнут по-иному! Их аромат более пряный, чем аромат цветов за границей».

В то время он, признаться, не уловил всей глубины этих слов. Ему было непонятно, почему на чужбине цветы пахнут по-иному. А вот теперь эти строки он почувствовал всем своим сердцем.

— На что Шаляпин, — вновь заговорил Алексей, — он попал в эмиграцию уже прославленным артистом, и то мечтал вернуться домой. На чужбине талант вянет, оскудевает, а человек опускается. Тем более если он потерял такую родину, как Россия!

Слушая Алексея, Колесник видел, что тот говорит не ради красного словца. Нет, это был крик души, боль

исстрадавшегося сердца. А ои говорнл, говорил, слов-ио спешнл выложить все, что у него накопнлось иа душе. Колесннк слушал его н только при одной мысли — а вдруг обстоятельства сложатся так, что им помешают вернуться домой и они всю жнзнь будут скнтаться по чужбнне как непрнкаянные? — от одиой только этой мыслн ему стало не по себе. И хотя оии уже все обговорнли, время было за полночь, его собеседннк давио уже похрапывал, ои все еще вертелся в своей, показавшейся ему вдруг неуютной н жесткой постели, и никак не мог сомкиуть глаз...

Утром Алексею иужио было побывать еще в одном нз отрядов. Поэтому в Бнли-Монтиньи Колесник отправнлся один.

* * *

Маленькнй обшарпаииый автобус, переполиенный до отказа, сильно запаздывал. Чтобы наверстать упущенное, шофер очеиь спешил, жал, что иазывается, на всю железку.

Вначале дорога петляла между темноватыми ивамн н орешииком. То н дело мелькалн деревушки и хутора. На остановках одни пассажиры выходилн, другие садилнсь. А нные просто вручалн шоферу посылкн. Автобус забит имн до отказа. В проходе нагромождены горы узлов, чемодаиов, баулов, сумочек. Оии мешают тем, кто стонт. Хорошо, что миогие едут недалеко.

Место Колесннка в центре автобуса. Впереди него шесть рядов обнтых плюшем кресел, над которымн маячат головы н плечи пассажиров. Сбоку сндит старуха с тремя корзннамн, поставлениымн одна иа другую. Ннжияя закрыта тряпками, средняя забита какнми-то свертками, нз верхней торчат головы двух живых, красных, обезумевших от страха нндюков. Александр то н дело подхватывает корзнну с нидюкамн, которая валится иа иего, н ставнт на место. Индюкн шипят, старуха охает, пассажиры хохочут.

А впереди в своем кресле восседает веселый, подвижный как ртуть шофер. Он успевает одновремеиио делать все: н следить за порядком, разбитой дорогой, и получать плату за проезд, и перекидываться остротами с пассажирами. На остановках он срывается со своего места, взбнрается на крышу автобуса, снимает оттуда велосипеды и колясочки, желает пассажирам доброго

здоровья, щедро одаряет всех улыбкой и вновь лихо крутит свою баранку.

На очередной остановке вышла старуха с индюками. Ее место занял мужчина с рыжей бородкой. Когда автобус тронулся, он облегченно вздохнул: «Ах, мой бог!» И не поймешь, спешнт он или не уверен в документах.

И вновь их трясет на ухабах. Шофер по-прежнему выжимает из старенького, видавшего виды автобуса все, что он может дать.

До Били-Монтиньи оставалось всего ничего, и многие пассажнры уже думалн, что все обойдется благополучно, как вдруг, на перекрестке дорог, где меньше всего можно было ожидать опасность, ему преградили дорогу немецкий офицер и два автоматчика. Сосед Колесника, владелец рыжей бородки, побледнел, беспокойно заерзал на своем месте. Привстав, он попятился в конец автобуса. Его место тут же заняла девушка, с которой он вошел в автобус. Раскрыв сумочку, она как нн в чем не бывало принялась подкрашнвать губы. В этот момент, рывком открыв дверь, в автобус вошел молоденький лейтенант в новеньком, только что сшнтом обмундированин, и начал проверку документов.

Первым подал свою кенкарту дед с кошелкой в руках. Окинув его документы равнодушным взглядом, лейтенант вернул их старику. Без особого интереса просмотрел он и удостоверенне лнчности пожилой женщины.

Документы у Колесника вроде бы надежные, однако чем ближе подходил офицер, тем он больше волновался, а вдруг заподозрит что-то неладное... В этот момент послышался стон, который исходил из задннх рядов. Стонал владелец рыжей бородкн. Лейтенант вскинул брови, неодобрительно посмотрел вокруг, нетерпелнво спросил:

— Что случилось?

Соседка Колесника словно бы только и ждала этого вопроса.

— О, господнн офицер, — быстро затараторила она, — это тяжело больной, есть подозрение на тиф...

В тот момент, когда началась проверка документов, в автобусе было шумно: солдат орал на мужчину, который пытался выйти из автобуса, возбужденно переговаривались между собой испуганные пассажиры, плакал грудной ребенок. А тут, услышав слово «тиф», все

ошарашенно притихли, насторожились, перестал плакать даже малыш.

— Что? — удивленно протянул лейтенант. Его белесые глаза испуганно забегали. — Собственно, кто вы такая?

— Сестра милосердия, господин офицер. — Девушка поспешно поднялась со своего места, услужливо протянула ему свою кенкарту. Но офицер к документу даже не притронулся. Он посмотрел на него издали, словно девушка держала в руках не бумажку, а гремучую змею.

— Ты что, идиотка или просто притворяешься? — зло закричал он. — Как ты посмела посадить тифозного больного в автобус?

— Но ведь это всего лишь подозрение! И потом — в госпитале нет транспорта!

Еще продолжался этот диалог между девушкой и офицером, а уже забеспокоились пассажиры... Мадам, к которой подсел обладатель рыжей бородки, поспешно соскочила со своего места, придирчиво осмотрела свою одежду, смахнула с нее что-то невидимое и, испуганно оглядываясь, направилась к выходу. За ней двинулись еще несколько человек. Но на их пути стоял офицер. Вначале робко, а потом все настойчивей пассажиры начали теснить его к выходу. Лейтенант этому нисколько не сопротивлялся, наоборот, он даже был рад тому, что его оградили от возможной опасности. Вместе с другими офицер стал отступать к двери. Но чтобы это не походило на бегство, он задержал свой взгляд на кошелке, лежавшей в багажной сетке, строго спросил: «Чьи это вещи?»

— Мои, сударь, — послышался обеспокоенный голос старухи.

— Возьмите и вынесите вон! Нет, не вы, мадам, а вот вы, сударь.

Уже немолодой француз с большой багровой шишкой на правой щеке вынес кошелку из автобуса, подал ее солдату. Тот порылся в ней, но, не найдя ничего подозрительного, вернул назад. Офицер приказал положить кошелку на место, буркнул шоферу:

— Можешь ехать!

Автобус тут же с грохотом тронулся, все облегченно вздохнули. Как только немного отъехали от патруля, шофер круто повернулся на своем сиденье, хитро подмигнул соседке Колесника и улыбнулся во весь рот.

Он, кажется, одним из первых понял, что за «тифозный» сидел в его автобусе...

Через полчаса автобус был в Били-Монтиньи — цель поездки Колесника. На остановке Александр быстро вышел из автобуса и зашагал по улице.

«25 июня.

Отыскать нужный дом среди десятков похожих один на другой не так просто. Но мне повезло. Я напал на то, что искал, без расспросов. В этом доме жила семья шахтера Хаблюк, приехавшая во Францию с Западной Украины еще в двадцатых годах. Их квартира служила местом встречи подпольщиков и партизан. В ней укрывался военнопленный Гращенко. Дочь Антонина была связной в отряде Порика. Супруга Хаблюка, Мария Феликсовна, собирала среди шахтеров деньги в пользу русских военнопленных. От Антонины я узнал, что совещание назначено на следующий день».*

(Из дневника)

* * *

Утром, когда Колесник пришел на конспиративную квартиру, навстречу ему поднялся высокий худощавый мужчина. Ему было за тридцать. Ввалившиеся щеки, широкий, с залысиной лоб, карие открытые глаза.

— Павел, — коротко бросил он. Это был руководитель Центрального Комитета советских военнопленных.

Пока Павел расспрашивал Колесника о делах и нуждах отряда, по одному, по два стали подходить участники совещания.

Одним из первых здесь появился Юзеф **. До войны он был председателем колхоза на Украине. В лагере Тьерс стал вожаком подполья. Бежал на волю. Вместе с товарищами создал партизанский отряд имени Щорса — самый крупный из тех русских партизанских отрядов, которые действовали на севере Франции.

У Юзефа большое обветренное лицо: мясистый нос, открытые серые глаза, сократовский лоб. Темно-коричневый костюм чуточку тесноват в плечах, рукава короткие. Он больше молчит, внимательно прислушивается к тому, что говорят соседи.

* Подпольная кличка Крылова, бойца из отряда В. Порика.

** Иосиф Калиниченко.

Потом порог квартиры почти разом переступили представитель департаментского военного комитета майор Даниэль * и Алексей — вот неутомимый человек, успел уже побывать во всех отрядах, оповестить тех, кого было нужно.

Уже перед самым началом совещания в комнату неожиданно вошел, прихрамывая, среднего роста круглолицый парень с тросточкой в руке. Из-под рыжих вихров смело смотрели улыбающиеся глаза.

— Порик! — удивился Колесник. А его сосед растерянно пробормотал:

— Это просто невероятно!

И действительно, в появление Порика на совещании нелегко было поверить—ведь тогда, в Докуре, он получил разом четыре ранения. С тех пор прошло около двух месяцев. Он еще прихрамывал, но уже улыбался и, судя по-всему, чувствовал себя бодро. Молодость сильнее всех лекарств, а ему всего двадцать четыре.

Не так давно, за месяц до этого совещания, по предложению руководителей Национального фронта Франции Порик был кооптирован в члены Центрального Комитета советских военнопленных. Когда Колесника познакомили с Пориком, тот внимательно посмотрел ему в глаза, сказал:

— Вижу впервые, но слышать — слышал, ведь ты из лагеря Либеркур?

— Да, — подтвердил Колесник и тут же добавил: — А я тебя видел, когда ты приходил в наш лагерь.

— Было такое... А вы тогда нам здорово помогли. Спасибо!

В то время партизаны Порика еще находились в лагере, а по ночам выбирались за колючую проволоку и проводили дерзкие операции: спускали под откос воинские эшелоны, жгли составы с углем, нападали на мелкие гарнизоны немцев. То, что они были под охраной рекситов **, имело определенное преимущество: не всякий догадается искать партизан за колючей проволокой. Но это до поры до времени. Как-то при возвращении с задания был задержан один из участников ночной вы-

* Настоящая фамилия его Лоэз Жармен, коммунист.

** Бельгийских фашистов.

лазки. Потом еще. Уже эти случаи могли послужить эсэсовцам хорошим поводом для размышлений. Да и выбраться из-за «колючки» можно было не всегда. Вот почему осенью сорок третьего года Порик решил вывести людей из лагеря. Для этого требовались документы и конспиративные квартиры.

Помог случай. В ревире лагеря Либеркур работал фельдшером Петр Охотин. Врач выхлопотал ему по служебным делам пропуск за колючую проволоку. Одновременно он стал надежным связным между подпольем и французским Сопротивлением. И вдруг в одну из ночей из стационара бежал за колючую проволоку больной. Фельдшера немедленно арестовали, и он оказался в лагере Бомон. И здесь Охотин вскоре включился в подпольную работу, помог Порику наладить контакт с французскими коммунистами.

В момент проведения совещания лишь на севере Франции действовало уже около десятка русских партизанских отрядов и групп. Для руководства ими на совещании был создан специальный штаб, одна из основных задач которого — активизация русских партизан.

Время для этого было самое благоприятное. После высадки союзников во Франции немцы начали спешно эвакуировать военнопленных в Германию. Побеги из лагерей стали более массовыми. Многие из бежавших, как доложил на совещании Алексей, прячутся где придется, живут без документов. Перед командирами отрядов и групп Комитетом была поставлена задача: отыскивать этих людей и вовлекать в ряды бойцов Сопротивления.

В заключении выступил майор Даниэль.

— Незадолго перед этим Центральный Комитет советских военнопленных обратился в Национальный Совет Сопротивления Франции с официальной просьбой оказания помощи русским партизанам, — сказал он. — Несмотря на огромные трудности, Совет все-таки изыскал возможности для того, чтобы обеспечить их продовольственными карточками и деньгами. К сожалению, оружия не хватает и у французского подполья.

Он рассказал также о политической обстановке во Франции, о росте рядов Сопротивления.

А когда совещание закончилось и его участники по одному начали расходиться, Колесника задержал Павел.

— Слышал рассказ Алексея? — спросил он. — Так вот, во Фревани, это в двадцати километрах к северу от Дуллана, прячется несколько групп советских военнопленных. К сожалению, они не организованы, действуют разобщенно. Надо срочно выехать туда, сформировать из них отряд. Кстати, в Дуллане у тебя есть заместитель?

— Да, лейтенант Петриченко.

— Вот и прекрасно. Завтра-послезавтра Алексей доставит вам тексты присяги, утвержденной Центральным Комитетом. Как только примут ее дулланские партизаны, передавай отряд и отправляйся во Фреван.

* * *

На хуторе Колесника ждали две новости: во-первых, в его отсутствие партизаны успешно провели нападение на небольшую немецкую автоколонну и захватили несколько карабинов и автоматов, около трехсот гранат, во-вторых, разведчики встретили двух русских, видимо, летчиков, бежавших из крепости Дуллан.

Оружие было весьма кстати—особенно оно пригодится фреванским партизанам. Туда же Колесник решил увести и летчиков.

— А у тебя какие новости? — в свою очередь, поинтересовался Петриченко.

Колесник рассказал ему о совещании в Били-Монтиньи, о создании штаба по руководству партизанскими отрядами, о решении Национального Совета Сопротивления Франции оказать русским партизанам помощь деньгами и продовольствием.

Петриченко слушал его внимательно. Когда Колесник заговорил о том, что Комитет приказал ему сформировать новый партизанский отряд во Фреване, он удивленно заморгал глазами:

— А как же мы, елки-моталки?

— Будете действовать, как действовали, — ответил Колесник. — За командира останешься ты.

— И все же я не понимаю целесообразности этого шага, — признался Петриченко.

— С одной стороны — вовлечь в ряды участников Сопротивления новых бойцов, с другой — воспрепятствовать угону советских людей в Германию... тем более что речь идет не об отдельных лицах, а о сотнях граждан...

— Когда уходишь? — спросил тот глухо.
— Как только примем присягу...
— Присягу? — нахмурился Петриченко. — Это еще зачем? Ведь некоторые ее уже принимали...
— Вот именно — некоторые. И потом это приказ Комитета!

Петриченко вскоре ушел. Колесник остался один. Выиув из потайного места тетрадь, принялся за записи. Но ему помешали: на ферму неожиданно прикатили на велосипедах Алексей и незнакомая девушка.

— Вы просили связную, — сказал Алексей. — Вот, пожалуйста, Ольга.

Ольга — худенькая, чуть ниже среднего роста, с большими голубыми глазами, выглядела усталой.

— Вот уже много часов мы не слезали с велосипедов, — пояснил Алексей, — и, признаться, очень утомились.

Ольга не заставила себя упрашивать, она тут же забралась на чердак, закопалась в душистое сено и вскоре уснула. А Алексей задумчиво сказал:

— Странно бывает в жизни... Я русский, но день ото дня все больше убеждаюсь в том, что своих соотечественников не знаю. В самом деле, вот, например, Ольга, кто она? Можно сказать, девчонка, однако сегодня она преподнесла мне такой урок мужества, что я до сих пор не могу прийти в себя...

«Уж не влюбился ли ты, друг Алеша?» — подумал Колесник и улыбнулся. Алексей, видимо, истолковал эту улыбку как недоверие к его словам и загорячился:

— Да-да, я это нисколько не преувеличиваю! В общем, дело было так... В деревне Боваль нас предупредили: на мосту охрана, будьте осторожны... Но это только легко сказать: «Будьте осторожны!» Мы везли с собой для вас деньги, продовольственные карточки, тексты присяги, а что, если охрана станет обыскивать?

Еще не доезжая моста, мы увидели на нем немецкого солдата и французского жандарма. Я шепнул Ольге: «Ты глухонемая, на мосту не задерживайся!» Она так и сделала. Но только она прокатила мимо солдата, тот заорал, как боров под ножом: «Хальт!» Я показываю ему на уши, мол, женщина ничего не слышит. Но где там. Немец схватил автомат и начал строчить над головой моей спутницы. Ну, думаю, если Ольга оглянется — конец! Однако она сыграла свою роль до конца. Миновав мост, покатила дальше. Немец на мото-

цикл — и вдогонку. Прижал ее велосипед к обочине дороги, столкнул в кювет. Поцарапал ногу. «Хальт!» — орет он над ее ухом. Ольга спокойно потерла ушибленную иогу, показала на уши: «Мол, ничего не слышу!» Только тут солдат наконец-то поверил в ее глухоту.

Алексей замолчал...

Перед тем как стать связной, Ольга прошла суровую школу. Война застала ее в Минске, где она незадолго перед тем вышла замуж. Когда немцы подходили к городу, супруги Борбук выехали в Руденский район и стали связными партизанского отряда.

Однажды им было поручено достать кожу для пошива обуви партизанам. Супруги отправились в Минск. Первая поездка прошла благополучно, но вскоре они иапоролись иа предателя, оказались в лапах гестапо. Виачале палачи пытали их, затем на глазах стали мучить их грудиую дочь. Но они ии словом не обмолвились о товарищах. Все это коичилось тем, что Дмитрий был расстрелян, как потом было записаио в протоколе, «при попытке к бегству», а Ольга оказалась во Франции, в лагере для восточиых рабочих. Бежав из него, она виовь стала партизанской связиой.

* * *

На рассвете Алексей укатил. Вслед за ним засобирался и Андрей. На вечер намечено прииятие присяги, и ему поручеио было оповестить об этом партизан.

Это был странный деиь. С утра палило солице и стояла иевыносимая жара, а в полдеиь пошел дождь. Он то переставал, то иачииался вновь, надоедливый, мелкий, и сыпал, сыпал, словио из сита. Уже в сумерках дождь прекратился, но лишь только Колесник и Петриченко отправились на место сбора партизан, как ои пошел вновь. Колесник подумал, что время для приятия присяги оии выбрали, пожалуй, неудачно, ио отменять приказ было уже поздно. К тому же он спешил во Фреван.

Когда оии пришли в лес на место сбора, то на полянке уже собрались десятка два парней. Навстречу им из-за согнутой постоянными ветрами сосны вышел Загороднев.

— Пока еще собрались не все, — доложил он. — Не пришел со своими людьми Виктор...

— Подождем, — сказал Колесиик и присел на пе-

нек. В лесу было сумрачно и тихо. Дождь прекратился. По соседству слышался голос Сергея. Он рассказывал что-то смешиое, н до Колесиика доиоснлся прнглушеиный смех партизан.

Но вот иакоиец явнлся Виктор, а с ним еще несколько парией. Колесиик принялся раздавать текст присяги, отпечатанный типографским способом. Незадолго перед этим оиа была едииогласио утверждеиа члеиами ЦК советских военноплеииых.

Первым перед строем встал Петрнченко. В тншине леса слова присяги звучали четко и торжествеино.

— Я, патриот Советского Союза, вступая в ряды партизаи, беру на себя высокое, ответствеиное н почетиое зваиие бойца партизаиского фроита...

На мииуту иад поляиой вспыла луиа н стало светло, как днем. Но тут же оиа виовь скрылась за тучей, и опять лиц партизаи не стало видио.

Коичив чтеиие, Петричеико при свете фоиарика аккуратно вывел под текстом свою подпись и встал в строй.

И вот уже слышится новый голос:

— Я совершеиио ясио представляю себе трудиостн н лишеиия, которые ожидают меня в тылу врага. Но этих трудиостей н лишений я ие боюсь... Даже смерть ие может остановить меия в борьбе со злейшим врагом человечества — гермаиским фашизмом.

Теперь текст присяги читал Загородиев. Ои это делал четко, выразительио, не спеша, как учил своих питомцев в школе.

— Выполияя свой долг перед Советской Родииой, я одиовремеиио обязуюсь честио и самоотвержеиио служить нитересам фраицузского иарода. Всеми силами я буду поддерживать моих братьев французов в их борьбе против общего врага — фашистских оккупаитов и этим самым с честью выполнять свой интериациоиальный долг...

ТЕТРАДЬ ПЯТАЯ

«2 июля.

Вот, кажется, и все. Присягу приняли. Простился с товарищами. Утром уходим во Фреван. Давно ли начал действовать отряд, были налажены контакты с местным подпольем? И вот, пожалуйста, приходится уходить на новое место, начинать сначала... Грустно, конечно.

Но ничего не поделаешь. Так надо! «У каждого свои обязанности и по отношению к себе», — сказал Стендаль... Жаль, что не простился с Капитаном. Встретимся ли еще?»

(Из дневника)

* * *

Еще слышно раннее пение петухов, но все глуше и глуше. Звуки хутора постепенно отдалялись и отдалялись. Одинокая фигура Петриченко, провожавшего их, в тумане тускнела, таяла и наконец исчезла совсем...

На них одежда батраков-поденщиков, в руках мотыги. У Николая и Андрея еще и по свертку с костюмами для летчиков.

Николай шагает первым.

— Смотрю я на поля, — говорит он грустно, — и как-то чудно становится: не поля, а лоскутные одеяла, в глазах рябит...

Андрей всю дорогу молчит. Когда решался вопрос о том, кто пойдет во Фреван, Колесник прежде всего подумал о Геращенко. Нравился ему этот уже немолодой, но рассудительный человек. К сожалению, он еще болен. Лейтенант остановил свой выбор на Николае. Узнав об этом, Петриченко усмехнулся: «А как же Жанет?»

— При чем тут Жанет? — не сразу понял Колесник.

— Раз берешь Николая, пойдет и Андрей, ведь они неразлучные друзья.

И в самом деле, как только Николай узнал, что командир хочет взять его с собой, обрадовался, но тут же спросил:

— А Андрей?

— Я не против, но...

— Непременно пойдет, товарищ лейтенант, — поняв его намек, улыбнулся Николай, — любовь подождет.

И действительно, победила мужская дружба, но Андрей грустен.

К ферме, на которой, по их данным, прячутся бежавшие из крепости летчики, они подошли уже когда совсем рассвело, залегли в кустах, стали наблюдать за усадьбой. Их отделяло от усадьбы лишь шоссе. По нему изредка проходили пешеходы, проезжали телеги, иногда проносились автомашины. За оградой была видна женщина, кормящая птицу, в саду копался мужчина — видно, хозяин фермы. Посторонних, кажется, нет.

Николай и Андрей остались лежать в кустах, а Колесник направился к домику фермера.

— Бонжур, мадам!

От неожиданности крестьянка вздрогнула. В эту миииуту он увидел под навесом парня, которого не заметил раньше. У иего забинтована нога, еще не зарубцевавшийся шрам иа носу. Парень был в одних трусах — делал гимнастику. Видимо, это один из тех, кто им иужен.

Увидев Колесника, незнакомец в первую минуту растерялся, ио когда тот сказал: «Привет от Мефодия!»,— успокоился, несмело протянул руку, представился:

— Анатолий!

— Нам сказали, что тут вас двое, — сказал Колесиик, — а где же второй?

Анатолий улыбнулся, хотел что-то ответить, ио не успел. В этот момент под навес вошел мужчина, которого Колесник только что видел в саду. Это был типичный крестьяиин средних лет: невысокий, но коренастый, с настороженным взглядом, большими жилистыми руками.

— Мсье Анедуш, — представил его Анатолий.

Фермер сразу понял, что гость тоже русский,. тревожно посмотрел на дорогу. Поймав его взгляд, забеспокоился и Аиатолий.

— В эти часы мимо усадьбы обычно проезжает полицейский, — поясиил он, — так что нам лучше сменить дислокацию...

За лужком, в километре от усадьбы, находилось гумно. Собрались там. Крыша и стены помещения выложены из соломы. От времени она просела, уплотнилась, приобрела землистый цвет. Внутри сумрачно и прохладно. Посредине стояла веялка. Рядом лежал неубранный ворох ухвостьев. У дальней стены виднелись немудреные крестьянские орудия производства: вилы, грабли, мотыги.

Следом за ними сюда пришел хозяин фермы, принес хлеб, сыр и иьом — самогон из виноградного жмыха. Узнав, что русские еще недавно слушали Лондои, угощая, расспрашивал о событиях на фронтах. Его интересовало все: и как продвигаются по Франции союзники, и где находится в данный момент Красная Армия, и даже когда, по мнению русских, кончится война.

Аиатолий сидел рядом с Колесником, вслушивался в разговор, но сам участия в нем не принимал. С его лица по-прежнему не сходили настороженность и ожи-

дание. Как только фермер ушел, он облегченно вздохнул.

— Тут ваши товарищи в прошлый раз про русский партизанский отряд рассказывали...

— А ты не веришь, — усмехнулся Колесник.

— Трудно поверить, — признался Аиатолий, — за тридевять земель — и вдруг русский партизаиский...

— И не одии, — подтвердил Колесиик. — Только на севере Франции действует уже одиннадцать русских партизанских отрядов и групп. Есть такие же отряды и группы и в других местах страны. Для руководства ими создан Центральный Комитет советских военнопленных.

Аиатолий слушал, от удивления крутил головой.

Фамилия его Бандалетов. Он летчик, по званию — старший лейтенант. Воевал на Юго-Западном фронте. Был сбит и попал в плен. В начале сорок второго совершил побег, сумел добраться до города Запорожье, уже оккупированного немцами, связался с подпольщиками. Но вскоре последовал иовый арест, и Аиатолия отправили в Бухенвальд, затем на север Франции, под Кале, где заставили строить обекты, предназначение которых долгое время никто из них не знал. Лишь когда работы иа стройке закончились, прошел слух, что они сооружали стартовую площадку для запуска нового секретного оружия.

То, что Бандалетов рассказывал о себе, было им, в общем-то, знакомо. Может быть, поэтому Андрей тихо посапывал, Николай ворочался, шебурша соломой. Но как только он заговорил о стартовых площадках, Колесиик насторожился, притих и Николай.

— Из-под Кале, — продолжал рассказчик, — нас перевели под Дуллан — заставили строить точно такой же объект, но чуточку меньших размеров. Немцы учли опыт прежиих, уже разрушениых площадок и старались все сделать для того, чтобы новые были менее заметны с воздуха. Отсюда мы решили бежать.

— Из крепости или со стройки? — уточнил Николай.

— Из крепости, — после некоторой паузы сказал Аиатолий. — Нас было трое, врач Петшик — чех, фельдшер Саша Тарасов и я. Они оба работали в ревире, а я был электриком. Втроем мы и сговорились о побеге. Мне удалось достать электрокабель. Врач, как больного, положил меия в стационар. В одиу из ночей мы вы-

бралнсь нз ревнра незамеченнымн, добрались до крепостной стены, прнвязалн к дереву кабель н сталн спускаться со стены.

Спуск прошел почтн благополучно. Правда, я упал н вывнхнул ногу, а потому передвигался еле-еле. Но Саша на произвол судьбы меня не броснл. Кое-как добралнсь до усадьбы фермера. Как позже мы узнали, фамнлия его — Вайян. Фермер, разумеется, прекрасно знал, что ждет его за укрывательство военнопленных, однако впустнл нас в дом, накормил. А на зорьке он запряг лошадь — мы леглн в телегу, сверху он забросал нас свежескошенной травой н отвез к своему знакомому Эрнесту Анедуш. Через него Саша связался с франтирерамн н ушел к ним в отряд. Я же ходнть не мог и пробыл у лесника больше месяца, стараясь быть ему полезным. Почннил электромотор, нсправнл кое-какне сельскохозяйственные ннструменты.

— А теперь сможешь ндтн? — спроснл Колесннк.

— Трудновато будет, — вздохнул Анатолий, — но очень уж хочется скорее к своим...

— Тогда спать, а ночью в путь.

«10 июля.

На рассвете мы подходили к Фревану. Чем больше сокращалось расстояние между нами и городом, тем явственней слышался гул моторов, отдаленные глухие взрывы. «Похоже, что бомбят город», — высказал предположение Николай. Однако вскоре все стихло... Видимо, отбомбившись, самолеты союзников улетели. На небе еще долго клубились черные, густые тучи. Противно пахло тротилом.

Впереди была река. Она отделяла нас от города. Когда мы подошли к ней ближе, то увидели толпу, которая выбиралась из бомбоубежища, сделанного в скалистом берегу, и, тревожно поглядывая на небо, двигалась к мосту. Мы влились в нее. Перешли мост. Оказались в парке. Еще вчера нас должен был встретить здесь Алексей. Но мы запоздали почти на сутки. Как теперь разыскать его?

В одной из аллей мои спутники присели на скамейку. А я, обдумывая выход из создавшегося положения, принялся прохаживаться взад и вперед. В этот момент мимо меня с независимым видом прошел курчавый паренек в желтой майке, черном берете. Прошел. Повернулся назад... Не будет Алексея — нас должен встре-

тить его посланец. По всем данным парень, который крутился возле нас, и есть тот человек, которого мы ждем. В таком случае я должен закурить. Заметив у меня в руках сигарету, парень подошел ко мне. Наклонился прикурить, тихо спросил: «Александр?» и тут же представился: «Дмитрий! Я от Алексея». Окинув моих товарищей внимательным взглядом, деловито добавил: «Идти придется порядочно. Поэтому лучше разбиться на пары. Каждая пойдет самостоятельно!»

(Из дневника)

* * *

Город был снльно разбит. Кругом внднелнсь груды камней, кускн деревьев, искореженное железо. В первом переулке онн встретнлн немецкого часового, который прохажнвался вдоль высокого глухого забора. Едва партнзаны мнновалн его, как мимо них проскочил «каднллак» с сндевшнм в нем немецким офицером. Остро запахло бензином, полученным нз угля. Мнновав центр, партнзаны вскоре вновь вышлн на окраину города... Здесь тянулись небольшне домнкн. Многне из ннх были разрушены. На террнтории одной усадьбы чудом остался целым н невреднмым сарай, со всех сторон заросший высоким бурьяном. Дмитрнй подвел нх к нему н весело объявнл:

— Вот вам н гостннница!

У одной стены сарая лежал аккуратно уложенный в пучки, коротко нарубленный хворост, стоялн какието ящнки. На протнвоположной стене внсела пара старых велоснпедов со спущеннымн камерамн. В углу для гостей была прнпасена солома н даже пара матрасов.

Вечером к ним прншел Алексей, сообщнл, что он уже повндал командиров обенх групп русских партнзан, договорился с ннмн о встрече, которая состонтся завтра утром в этом же сарае.

Последнне кнлометры путн Анатолня прншлось тащнть на себе. Поэтому, как только Алексей ушел, тут же улеглнсь спать.

* * *

В полночь нх разбуднло натужное гуденне моторов и лязганье гусенпц. Оказывается, на задах усадьбы проходнло шоссе, по нему шлн танкн. Бои в Нормандни

становились все ожесточеннее, и немцы подтягивали новые силы.

Лязганье и скрежет железа продолжалось до рассвета. Затем все стихло. Утром возле усадьбы появился молодой паренек: плотный блондин с голубыми глазами и льняной шевелюрой, придававшей ему сходство с нормандцем. Прошелся вдоль ограды, кинул вокруг настороженный взгляд и направился к сараю. Это был командир букмензонской группы Владимир Коваленко.

Незадолго до войны он окончил школу ФЗО в Киеве, начал работать рулевым на пароходе «Республика». Когда немцы пришли на Украину, их команда потопила пароход, пыталась скрыться. Но не удалось. Так Коваленко оказался на севере Франции. Бежав из лагеря осенью сорок третьего, он создал партизанскую группу. Ее бойцы работали батраками у фермеров в местечке Букмензон, а ночью выполняли боевые задания. К сожалению, они были плохо вооружены, из-за этого вынуждены были специализироваться на разрушении линий связи. Им даже удалось нарушить связь между селом Цвик и стартовой площадкой. Как только Коваленко упомянул о площадке, Колесник поспешно спросил:

— А сейчас она действует?

Владимир недоуменно посмотрел на лейтенанта, пожал плечами:

— Не знаю! Охрана у площадки большая, подступиться к ней близко мы не смогли.

«В ближайшие дни надо непременно установить координаты площадок», — подумал Колесник. В этот момент в дверях показался Андрей, а с ним высокий, широкоплечий богатырь.

— Алеша Попович, — представился атлет.

Это был командир фреванской группы. Сразу можно было сказать, что он обладает недюжинной физической силой, а его былинное имя — легенда.

Попович по возрасту был старше Коваленко, он имел звание сержанта. Группа его была более многочисленной, лучше вооружена, некоторые операции они проводили вместе с франтирерами. В числе их — нападение на рабочий лагерь близ города Сен-Поль, из которого удалось освободить группу русских женщин.

Многие бойцы Поповича с поддельными документами трудились на строительстве «Атлантического вала»,

а точнее — вели там диверсионную работу: выводили из строя машины и механизмы.

О цели встречи Коваленко и Попович уже знали. Поэтому Алексей сразу приступил к делу.

— Задача состоит в том, чтобы объединить группы, — заговорил он, — создать отряд. Что для этого нужно? Важно сконцентрировать силы партизан, активизировать их действия, во главе отряда поставить человека, уже имеющего опыт руководства партизанскими отрядами в местных условиях, командира Красной Армии.

— Лично я эту идею только приветствую, — подал голос Коваленко.

— И я за, — ответил Попович, — но от одного лишь объединения групп силы партизан не вырастут. Главное: у нас нет оружия. Сейчас в моей группе всего несколько карабинов и пистолетов, а у остальных ножи. А с таким оружием много не навоюешь.

— Да, оружия не хватает, — согласился Алексей. — К сожалению, помощи в этом нам ждать неоткуда.

— Несколько автоматов и карабинов мы сможем взять в дулланском отряде, — заметил Колесник, — а там добудем свои.

— Даже автоматов! — сразу повеселел Попович, — Это уже другой коленкор.

Они проговорили до утра. Как и в прошлую ночь, лил дождь, и к побережью океана шли танки — ревели моторы, лязгали гусеницы. В одном месте черепичная крыша сарая протекла. Капли звонко и ритмично ударяли в одно и то же место и мелкими брызгами разлетались по сторонам. Вскоре в центре сарая образовалась лужа, которая постепенно расплывалась все шире и шире.

Утром первым покинул сарай Попович. Вслед за ним засобирался Алексей. Ему нужно было побывать в Сен-Поле. По имеющимся у Комитета данным, там тоже прячется немало русских военнопленных, бежавших из лагерей.

* * *

Через три дня на берегу реки Канш, в лесу, они провели сбор, и партизаны приняли присягу. Пока все оставалось так, как было: те, которые числились строителями, жили в бараках Тодта, батраками — у фермеров

местечка Букмензон, остальные, не имея документов, прятались где прндется: в разрушенных зданиях города, в землянках, в лесу. Нелегко было собрать людей в случае необходнмости. Но иного выхода не было.

На следующнй день в лесу начали рыть новые землянкн: часть людей должна была перебраться туда. Разведчикн прннялнсь изучать окрестности. Еще когда лейтенант был на хуторе Левнконь, Алексей говорил, что во Фреване есть отряд франтирееров. Установить связь с ним нужно прежде всего. Только вот как это сделать? Попович подтверднл: контакт с городским подпольем у него есть. Когда Колесник попросил его организовать встречу с командиром местного отряда франтиреров, тот, подумав, сказал:

— Попробуем.

Днем в городе побывалн Поповнч и Дмнтрий, договорнлись о встрече. А в сумерках Дмитрнй повел с собою Колесника. Без особых прнключений онн добрались до одной нз окраннных улочек города. Здесь связной показал лейтенанту на домик под платанами, предупредил: «В калнтке вас встретят!»

Дальше Колесник пошел один. У калнткн его поджндала девушка лет семнадцати с пышной копной рыжнх волос. Кнвнув головой в знак приветствня, она молча повела его к небольшому флигельку в центре двора.

В комнате сндели двое. Один нз ннх, высокого роста, был одет в белую рубаху-косоворотку, заправленную в брюкн, подпоясанные шнрокнм модным ремнем с крупной металлнческой бляхой. Его редкне волосы были причесаны настолько гладко, что уши казались неестественно большнми. Второго можно было прннять за модннка. В комнате стояла духота, однако он сндел в костюме, галстук туго стягивал ворот белой накрахмаленной сорочкн. Черные как смоль волосы зачесаны на прямой пробор. В облнке этого парня было что-то общее с девушкой, которая встретила Колесннка в калитке. Уже потом он узнал, что онн брат н сестра.

Направляясь на встречу, лейтенант почему-то думал, что командир франтнреров — уже умудренный опытом человек, однако каждому из сидящнх было не больше двадцатн пятн.

Первым поднялся ему навстречу н протянул руку тот, что был в косоворотке.

— Анрн!

Так вот, оказывается, каков командир франтиреров!

Курчавый назвался Морнсом.

Говорнл больше Анрн. Его товарнщ сндел молча. После знакомства Анри расстелил на столе карту-двухкилометровку, сказал, что его людн давно мечтают взорвать железнодорожный мост блнз Фревана, и предложил провестн эту операцию вместе. «В таком случае, — добавил он, — мы сможем вывестн нз строя оба моста одиовременно».

Колесник посмотрел на карту. Неподалеку от города река Канш делает крутую петлю. В этом месте через нее переброшено два моста. По ним в сторону побережья ндет большой поток грузов. «Этн мосты, — подумал лейтенант, — немцам очень нужны». А вслух заметнл: — Стоящее дело. Только вот где взять взрывчатку?

— Сказать, что у нас ее нет вовсе, мы не можем, — улыбнулся Анрн. — Правда, нензвестно, хватит лн того количества взрывчаткн, которым мы располагаем.

Когда оин прикннули, оказалось, что нмеющегося запаса недостаточно. Из разговора выяснлось, что у фраитнреров собрано большое колнчество невзорвавшихся снарядов н бомб. Оставалось одно — выплавлять тол.

— Жаль, что у нас нет людей, способных заняться этим, — заметнл Анрн.

— Ннчего, иайдем, — успоконл его Колесннк.

За разговорами онн не заметнлн, как иаступнл комендантский час. Анри предложнл Колесинку переночевать во флнгеле. Тот согласнлся.

«15 июля.

Вчера наши разведчики побывали в районе мостов. Принесли первые данные о размещении охраны. В лесу заработала «чертова» кухня. Это партизанские «алхимики» принялись выплавлять тол из невзорвавшихся снарядов и бомб.

Над жарким огнем висел большой котел. Освободив бомбу или снаряд от боеголовки, двое «алхимиков» осторожно опускали их в крутой кипяток. Двое других подкладывали дрова. Четверо лежали в кустах. Несли охрану. «Шеф-поваром» на кухню был назначен знающий минное дело Попович.

Извлечение тола из снарядов, занятие в общем-то немудреное. Но опасное. Поэтому на «кухню» шли работать на добровольных началах. Как только выплав-

ленный тол оседал на дно котла, партизаны выгребали черпаком густую жидкость, разливали ее в специально изготовленные для этого ящики. В середину вкладывали сто- или двухсотграммовую шашку фабричного производства. Нужны были еще капсулы-детонаторы для взрывателя. Попович ловко извлекал их из головок снарядов.

Каждый из отрядов должен был взорвать мост самостоятельно. Нам достался тот, что находится ближе к городу».

(Из дневника)

* * *

В полдень в лесу объявился Попович, молча вынул из кармана вчетверо сложенный лист бумаги, коротко доложил:

— От Петриченко!

Это был иемногословный рапорт о делах дулланского партизанского отряда за последние недели. «Подожжен склад с горючим, — читал Колесник (наконец-то!), — освобождена группа пленных. Часть их сейчас прячется на фермах. Остальных немцы вывезли в Германию». В конце была прнпнска: «Установлен предатель Дюбуа».

— Не очень подробно, — улыбнулся Колесник, — но суть ясна.

Взглянув на Поповича, спросил:

— Ну а как идет подготовка к взрыву моста?

— Взрывчатки запасено вполне достаточно, — ответил тот, — завершили свою работу и разведчики, ждем возвращення Николая.

К мосту, который предстояло взорвать, вплотную подходят жилые дома. Английские и американские летчики не раз охотились за мостом, но рядом стоят зенитки. Поэтому, беспорядочно разбросав бомбы, летчики поспешно улетали, мост оставался целым и невредимым, а вот жилые дома в этом районе оказались разрушенными. Чудом сохранился лишь один из домов, вернее, его половина. На первом этаже этой половины находилось кафе «Под платанами». На втором размещалаоь охрана моста. Пользуясь таким соседством, охранники почти не выходили из бистро. Это привлекло внимание Эмиля, присланного Анри русским партизанам на помощь. Разыгрывая роль преуспевающего коммерсанта и выпивохи, он несколько вечеров провел в бистро,

приобрел среди охранников дружков, вошел к ним в доверие и вскоре собрал все необходимые данные о размещении охраны моста.

— Интересно, а как обстоит дело с разведкой моста у франтиреров? — спросил Колесник у Поповича.

Тот пожал плечами.

— Ну вот, выясним этот вопрос и можно проводить операцию, — продолжал лейтенант.

— Можно-то можно, — выдавил Попович, — да арестован Мойшак.

— Когда?

— Вчера вечером!

Мойшак жил без документов, прятался где придется. Полиция схватила его в одном из подвалов.

— Как это случилось? — спросил лейтенант угнетенно.

— Возле полуразрушенного дома, в котором прятались партизаны, крутился тип. Бойцы решили, что он тоже ищет убежище, и не насторожились. А как только он ушел, появилась полиция. Мойшак замешкался и был схвачен.

Случай с Мойшаком вновь напомнил о том, что людей, скрывающихся в городских развалинах, надо куда-то срочно выводить. Но куда? Дополнительно рыть землянки в лесу? Однако скопление людей в лесу привлечет внимание немцев, и они устроят облаву. Накануне дошел слух, что примерно в двадцати километрах от Френана имеются катакомбы. Вчера, поздно вечером, туда ушли разведчики во главе с Владимиром Коваленко. Они выясят, что это за катакомбы, можно ли в них укрыться. Впрочем, укрыться — это еще не все. Нужно и питание. Продовольственными карточками французское подполье их обеспечит, но не всех. Между тем продукты потребуются немедленно, а где их взять? Все эти проблемы встали перед Колесником одновременно.

Попович покинул землянку уже поздно ночью, а лишь только партизаны начали засыпать, как послышалось гудение самолетов. И тут же где-то поблизости заухали зенитки.

— Видимо, пролетом на Германию, — заметил Дмитрий.

В этот момент ахнул сильный взрыв, за ним последовал второй, третий. По слуху нетрудно было определить, что бомбы рвутся в центральной части города.

Когда партизаны вылезли из землянок, то уже светало. Над городом стояло огромное зарево пожара. По небу плыли тучи дыма и копоти. Странно, если союзники топчутся еще где-то в Нормандии, тогда какая необходимость им бомбить Фреван?..

В полдень в лесу появился Николай. Этой ночью он и Андрей вернулись из Дуллана. Бомбежка их застала уже в городе. Пришлось пережить немало тревожных минут. Но все обошлось благополучно. Оружие спрятано неподалеку от подвала, близ которого прячется группа Павловского. Там же остался и Андрей.

— Видел Капитана? — поинтересовался Колесник.

— Да. Координаты площадки переданы ему лично!

«18 июля.

К взрыву мостов у нас все готово. Но надо обговорить кое-какие детали... Уже в сумерках в лес пришел Попович. Следом — Анри и Морис. А там и Коваленко. Они только что видели разрушения в городе. Разговор невольно зашел о бомбежке. «Возможно, союзники намерены высадиться еще и в Пикардии? — высказал предположение Коваленко. — Ведь это ближе всего к Англии». — «Вряд ли, — возразил Анри, — просто политика Черчилля, как известно, «выбомбить Германию», превратить города «в руины». Вот летчики и стараются вовсю». — «Но Фреван-то не Германия, а Франция», — заметил Попович. «А это все равно, — не сдавался Анри, — значит, не будет лишнего конкурента на мировом рынке. Не случайно те города, которые взяли союзники, стерты с лица земли. Погибли Сен-Лоо, Тийи и многие другие...»

Неожиданно в землянку вошел запыхавшийся Дмитрий. «Только что арестована группа Павловского, — выпалил он. — В их числе и Андрей». Мы растерянно переглянулись. С минуту в землянке стояла напряженная тишина. «Кем?» — наконец спросил я. «Французской полицией».

В группе Павловского было четверо бойцов. Жили они в подвале одного из разрушенных зданий города. Ночью Павловский и его товарищи побывали на задании. Вернулись под утро. Вскоре к ним пришел Андрей. Лишь только партизаны улеглись спать, нагрянула полиция. Выходит, их уже ждали. По соседству прятались еще партизаны. Они вовремя ушли. А вот Павловского и его товарищей схватили. Вновь видели какого-то ти-

па, который крутился близ развалин. «Все это похоже на арест Мойшака», — заметил я.

Вслушиваясь в наш разговор, Анри недовольно крутил головой. «Дело серьезное, — заговорил он. — В этой группе у вас в основном молодежь. Попадут в гестапо, начнутся пытки — не выдержат. Опасность нам всем грозит большая. У нас единственный выход — напасть на полицейское управление. Заодно освободим участников Сопротивления. Кстати, их там томится немало. В управлении у нас есть свой человек. Он поможет. Возможно, ему удастся установить фамилию типа, который выслеживает партизан». И, вопросительно посмотрев на меня, спросил: «Ну как?»

Нападение на полицейское управление в данный момент несвоевременно. Оно, разумеется, насторожит немцев. После этого нам труднее будет подступиться к мостам. Но и допустить передачу партизан в руки гестапо тоже нельзя. Анри прав. Последствия могут быть весьма серьезные. И я ответил: «Согласен!» — «Тогда готовьтесь! — сказал Анри. — Операцию будем проводить в одну из ближайших ночей!»

(Из дневника)

* * *

Весь вечер дождь то переставал, то принимался накрапывать вновь. По небу неслись рваные серые облака. Из-за них нет-нет да выглянет луна. И тогда от домов, деревьев на тротуары и стены ложились длинные тени.

Придерживаясь их, к зданию полицейского управления крались партизаны...

Вот уже передние достигли подъезда. И тут же по углам здания выросли фигуры автоматчиков. К крыльцу подкатил грузовик. Операция началась.

Первым в помещение ворвались Николай и Морис. Оба в масках. У входа их поджидал Робер, тот самый полицейский, о котором рассказывал Анри. Пропустив партизан в помещение, он молча показал глазами наверх, где на втором этаже в одной из комнат сражались в шахматы офицер и сержант.

Морис кинулся по лестнице первым.

— Руки вверх!

Офицер рванулся было к кобуре, но Николай в упор

выстрелил в него. Тем временем сержант-полицейский разбил висевшую под потолком лампочку и, воспользовавшись темнотой, выпрыгнул в окно со второго этажа.

Внизу его, видимо, заметили. Резанула короткая автоматная очередь. И вновь все стихло. Но стрельбу в городе услышат, надо спешить. Робер извлек из шкафчика висевшие там ключи и кинулся по коридору. Звякнул запор камеры, распахнулась дверь. На пороге встали двое: полицейский и человек в маске с пистолетом в руках.

— Вы свободны, — сказал человек в маске, обращаясь к арестованным. — У подъезда вас ждет грузовик. Желающие могут воспользоваться им.

Но все, кто находился в камере как завороженные смотрели на говорившего. Они были так ошарашены появлением этих двух людей, что не могли понять, что происходит. Тогда тот, что был в маске, прикрикнул:

— Вы что, оглохли? Мы партизаны. На сборы две минуты!

И вот тут камера стала похожей на сумасшедший дом. Все принялись кричать, обниматься, целоваться.

В этот момент туда вбежал Николай, склонился над человеком, постанывающим в углу, узнал в нем Андрея. Андрей побывал на допросе в числе первых, был сильно избит. Когда Николай вывел его в коридор, то мимо них уже бежали люди из соседних камер. У крыльца тихо урчал грузовик. В темноте кто-то считал тех, кто залезал в кузов.

— Одиннадцать, двенадцать, тринадцать...

Возбужденный голос торопил:

— Быстрее, быстрее!

Заработал мотор, и грузовик тут же растворился в темноте. Вслед за ним бесплотными невидимками растаяли в ночи и фигуры партизан.

* * *

От Робера стало известно, что имя осведомителя — Ян. Удалось установить его адрес. Ночью к домику Яна подкатила автомашина. В дверь постучали.

— Кто? — спросил голос за дверью.

— Из полиции. Срочное дело!

Ничего не подозревая, предатель распахнул дверь... На рассвете по приговору партизанского суда он был расстрелян.

* * *

Нападение на полицейское управление наделало в городе много шума. На следующий день в различных частях его прошли облавы. На самых видных местах были расклеены объявления, в которых угрожалось всякими карами тем, кто окажет помощь партизанам.

Весь вечер Колесник ждал прихода Поповича, но, вернувшись из города, Дмитрий сообщил, что Попович не придет. Он передавал, что администрация стройки очень встревожена случившимся: в бараках введена казарменная дисциплина, установлено негласное наблюдение за тодтовцами, каждую минуту нужно ждать арестов.

Колесник вновь вспомнил про катакомбы. Коваленко говорит, что в них не очень комфортабельно, но укрыться можно. Теперь дело за продуктами.

Словно угадав ход его размышлений, Николай сказал:

— На днях Павловский рассказывал мне о фольварке, на котором он работал, когда еще находился в лагере. Этот фольварк принадлежит фольксдойч. Немцы дают ему военнопленных для работы, а затем везут с фольварка продукты, как из набитой до отказа кладовой.

Это сообщение заинтересовало Колесника. Он приказал прислать к нему Павловского. Вскоре порог землянки переступил невысокий, но широкоплечий голубоглазый малый. Деловито доложил:

— По вашему приказанию явился боец Павловский.

— Как самочувствие? — спросил Колесник.

— Нормальное, товарищ командир.

Когда лейтенант попросил его набросать схему размещения охраны фольварка, Павловский сделал это быстро и уверенно. К сожалению, с тех пор, как он работал там, прошло немало времени и в размещении охраны возможны перемены. Следовательно, нужно побывать на месте вновь. На следующий день вместе с Павловским в фольварк отправился Николай.

Колесник ждал их возвращения к вечеру, а они пришли лишь на следующий день в полдень. На Павловском клочьями висела одежда, лицо было в синяках, у Николая — перевязана рука.

— Где это вас так угораздило? — поинтересовался лейтенант.

— Угораздит, — нахмурился Николай. — Лишь

только мы проехали немного по лесной дороге, как нас остановили мотоциклисты: фельдфебель и солдат, потребовали документы. Фельдфебеля мы уложили сразу, а солдат открыл по нас стрельбу, едва ушли.

Поправив на руке повязку, он продолжал:

— В лесу мы потеряли друг друга и встретились лишь на рассвете. Направились к фольварку. Разведка прошла благополучно. Мы уже возвращались назад, как вдруг, наткнулись на засаду. Началась перестрелка. На этот раз меня ранило.

К счастью, ранение оказалось незначительным. Николай изъявил желание принять участие в предстоящей операции.

Рано утром к воротам фольварка подкатил грузовик. В кузове стояли двое автоматчиков в немецкой форме. В кабине сидел смуглый плечистый фельдфебель. Это был Павловский. Когда из-за двери проходной выглянул охранник, фельдфебель по-немецки прикрикнул:

— Ну чего тянешь, открывай!

— Один момент, господин фельдфебель, — подобострастно вытянулся охранник. Звякнул засов, скрипнули ржавые петли, распахнулись ворота.

А лишь только машина оказалась на территории фольварка, из нее выпрыгнули автоматчики, тут же скрутили руки ошарашенному охраннику, перерезали телефонный провод. В проходную проскочило еще несколько партизан. Один из них остался возле связанного охранника, двое кинулись к конторе, а остальные к складу, где уже в машину грузили продукты.

Когда она была набита мукой, маслом и копченостями, один из бойцов предложил:

— А не поджечь ли нам змеиное гнездо?

— Нет, — возразил Николай, который был за старшего, — возможно, оно еще нам пригодится.

Выехав за ворота, грузовик помчался в лес. Часть продуктов партизаны спрятали в районе катакомб, а остальные передали франтирерам для семей расстрелянных патриотов.

«22 июля.

Вечером радио передало, что совершено покушение на Гитлера. В Берлине восстание. Утром Дмитрий принес из города свежие газеты. В них было опубликовано сообщение Геббельса: «Выступление заговорщиков ликвидировано. Законная власть торжествует».

«Хоть законная власть и торжествует, — иронически заметил Николай, — но события в Берлине окажут на немцев гнетущее впечатление».—«Еще как», — согласился я.

В утренних газетах были помещены сводки верховного командования вермахта. В них сообщалось об упорных боях в Нормандии на западе и в Белоруссии на востоке. Тон сводок был оптимистический. Однако факты говорили явно не в пользу немцев. Армии антигитлеровской коалиции приближались к имперским границам. Чтобы рассеять мрачные мысли немцев, крупный заголовок кричал: «Будущее принадлежит германскому секретному оружию!» А чуть ниже сообщалось: «Четырнадцать тысяч человек ежедневно покидают Лондон». Было ясно, что речь идет о «фау». Ныне главари рейха все свои надежды возлагали на это новое оружие.

Но у нас после удачно проведенной операции настроение приподнятое. Теперь можно заняться и мостами...»

(Из дневника)

* * *

С утра в лесу ждали Аирн, однако он почему-то не пришел. Не явнлся ои н на следующнй деиь. Колесник послал в город Дмитрия: уж ие случилось лн что? Назад тот вериулся поздно ночью, грязный, в разорванной одежде.

— В городе творится что-то иеладиое, — заговорнл связной, поеживаясь, — иа улнце патруль на патруле. Прншлось пробнраться огородами. В одном месте нарвался иа огромного пса, еле отбнлся. Хорошо, под рукой оказалась палка. В окие Аирн увидел герань. Цветок озиачал тревогу. Отправнлся к Эмнлю — то же самое. Здесь чуть не попал в облаву. Чтобы не прнвести с собою хвост, на запасную квартиру не пошел...

«Что пронзошло?» — тревожно думал Колесннк.

В ожндаинн прошел день. Наконец на следующую ночь Анрн появнлся в лесу. Как обычио, ои был с Морнсом. Оба одеты в форму связнстов, оба мрачные.

— Что случнлось? — насторожнлся Колесннк.

— Гестапо напало на след городского подполья, — подавленно проговорил Аири, — только за последние двое суток схвачено около двух десятков человек. В чнсле арестованных руководнтелн городского подполья.

Я избежал ареста совершенно случайно. Пришлось сменить квартиру.

Последнее время Колесник часто встречался с Анри. К сожалению, знал о нем и его друге Морисе в общем-то немного. До войны Анри был дорожным мастером, а Морис — рабочим. Оба коммунисты. И это, пожалуй, все. А сегодня Анри вдруг разоткровенничался:

— Коммунист я молодой. В партию вступил в начале тридцать девятого, а уже в сентябре вышел декрет о ее запрете. Началась война. Тогда эту войну называли «странной» потому, что хотя и была она объявлена Германии, а вели ее правители Франции больше против рабочего класса Франции и ее коммунистической партии... Немцы оккупировали Польшу, готовились напасть на Францию, а они вместо того, чтобы подумать, как лучше дать отпор врагу, как защищать свою страну, все силы бросили на вылавливание коммунистов. Стали модными выражения «коммунисты — не французы», «лучше Гитлер, чем коммунисты», и все делалось для того, чтобы уничтожить нас физически. Погибли тысячи лучших сынов родины. Выжили лишь те, кто научился вовремя уходить от опасности. К сожалению, конца этому не видно и сейчас.

— Почему же? — возразил Колесник. — Что ни говори, а союзники теперь уже не за горами...

— Не за горами, говоришь, — вдруг рассердился Анри. — Нет, эти еще потянут кота за хвост... Не случайно в пронемецкой печати из-за медленных темпов наступления усилилась критика в адрес командования армиями союзников.

— Ничего не поделаешь, — вставил неожиданно Морис, — перед агонией враг опасен вдвойне, поэтому трудностей у англичан и американцев немало.

Анри иронически посмотрел на друга, спросил:

— А у русских, разумеется, никаких?

— Ну почему же? — смутился Морис. — Есть, конечно!

— То-то что есть, — продолжал Анри. — Однако русские продвигаются по фронту в тысячу километров, а эти топчутся на месте...

— Так уж и топчутся, — не сдавался Морис.

— Именно топчутся, — повторил Анри, — нет, я теперь окончательно раскусил союзников: они не воюют, а крадутся к сладкому пирогу. И отказаться от него не хотят, но и не спешат схватить. Пусть перед тем кто-то

наломает бока хозяину пирога, а вот уже тогда они тут как тут... Впрочем, если бы ие общественное миеиие, они, вероятно, не делали бы и этого...

Когда во всех деталях был обговорен план предстоящей операции по взрыву мостов и друзья собрались уже уходить, Анри воскликнул:

— Эх, было бы у иас побольше оружия!

Морис тут как тут.

— А может быть, теперь положение с оружием выправится...

— Это за счет чего же? — не понял Колесник.

— Ну как же! — воскликнул Морис. — Радно «Свободная Францня» предупредило, что будет сброшено оружие...

— Ты имеешь в виду вчерашний «радиомассаж»? «Завтра полетят бабочки с лентами»? — уточнил лейтенант.

— Вот нменно.

«Радиомассаж» обычно передается в определениые часы. Для непосвященного человека это иабор пословнц, афоризмов, а то и просто нелепостей. В начале июия, например, русские партнзаны услышалн прямотаки фантастнческую фразу: «Видели лн вы утку с тремя лапками?» Ее повторяли несколько раз. Уже потом стало нзвестно, что таинственная утка была сигналом для иачала высадки союзников в Нормандии.

Нечто похожее передавали и вчера. Это было закодированиое сообщение о временн и месте выброски оружия английскнмн самолетамн. Но оружие предназиачалось для «Тайной армии» и код был известеи только ее командоваиию. Рассчитывать на то, что оружие попадет в руки партизаи и франтиреров, было по меньшей мере наивным.

Колесник улыбнулся. Заметнв это, повеселел и Анри.

— Вижу, Алексаидр, ты не питаешь иллюзий. И я тоже... А вот он, — кивок в сторону товарища, — иадеется!

— А вдруг англичане расщедрятся да выбросят коитейиер-другой с оружием и нам? — ие унимался Морис.

— Еще бы! — с нздевкой заметил Аири. — Выбросят и скажут: «Камрады коммунисты, вооружайтесь, примите наши иовейшие автоматы «стеи», а может быть, даже «томпсоиы».

— Ну почему же коммунисты? — смутился Морис. — У нас в отряде есть и социалисты, и католики, и беспартийные...

— Есть, конечно, — согласился Анри, — но разве де Голль или англичане не знают, что франтирерами и партизанами руководят коммунисты? Нет, рассчитывать на помощь оружием со стороны англичан и американцев нам не приходится.

«1 августа.

Анри прав. Ждать помощи нам неоткуда. Операцию придется проводить оружием, которое у нас есть. Жаль, что у нас его мало, а тем более — боеприпасов».

(Из дневника)

* * *

Едва над городом спустились сумерки, как по одному, по два от одного разрушенного здания к другому в районе мостов начали перебегать смутно различимые в темноте фигуры людей. Над рекой плыл густой туман, и мост, к которому пробирались они, проступал неопределенной громадой.

В том месте, куда ползла передовая группа партизан, прохаживался часовой. Из-за темноты и тумана его не было видно, но партизаны знали, что он действует как автомат: десять шагов от моста в сторону караульного помещения, десять назад. Шаги — поворот, шаги — поворот... Вероятно, вот так же прохаживается часовой и возле того моста, к которому сейчас крадутся франтиреры. Взрывы мостов у русских и французских партизан должны произойти одновременно. Но в тот момент, когда Николай и Дмитрий по заранее разминированной полоске земли ползли к часовому, а Павловский и Бойко с ножницами к ограждению из колючей проволоки, из темноты вдруг вынырнул запыхавшийся Андрей.

— Товарищ командир, большинство охранников моста собрались в бистро, пьют вино и горланят песни.

— Говоришь, в бистро? — переспросил Колесник и тут же решил: надо ворваться в караульное помещение, захватить оружие. На выполнение этого задания он послал группу бойцов во главе с Коваленко.

Пока все идет как надо. Только доложили, что снят

часовой, сделаны проходы в проволочиом заграждении и к окопам уползли подрывники с минами. Вероятиее всего, после взрывов помощь охране придет из города. На улице, которая проходит к мосту, на всякий случай залегла в засаде группа автоматчиков.

Теперь все зависит от того, как быстро справятся со своим делом подрывники — как установят мины. Лица партизан иапряжеиы, потянулись томительные минуты ожидания...

Вдруг на противоположном берегу реки послышалась стрельба. Что-то стряслось у франтиреров. Из-за тумана звуки стрельбы доносились глухо, как-то округло. Однако стрельбу сразу же услышали охранники моста, возле которого залегли русские партизаны. И хотя немцы уже успели основательио хлебнуть спиртного, все же кииулись из кафе за оружием в караулку. Но было уже поздно. Их оружием завладели партизаны. Им осталось только подиять руки под дулами нацелениых на них автоматов.

Между тем стрельба на противоположном берегу с каждой минутой становилась все ожесточенней. Ее непременно услышат в городе. Теперь жди подмогу. Колесиик лежал на берегу, неподалеку от моста, нетерпеливо посматривал иа светящийся циферблат часов и ждал сигиала от подрывников, ио его почему-то не было. Прошла одна, вторая минута — вечность. По расписанию к стаиции вот-вот должен подойти поезд. Если дело затянется, то этот поезд им здорово помешает.

Тем временем перестрелка у фраитиреров начала ослабевать. Там что-то произошло. Франтиреры подавили сопротивление немцев или, иаоборот, охраиа отбросила их прочь от моста?

Вдруг за спиной у партизаи послышалась виачале глухая, а потом и вполне четкая трескотня мотоциклов. И почти тут же застрочили автоматы боевого охранения партизаи. Часть бойцов от моста кинулась в сторону выстрелов, на помощь товарищам. И вновь иеясио: подкреплеиие это или разведка.

К счастью, стрельба в тылу партизан продолжалась иедолго. Темноту ночи прошило несколько автоматных очередей, и все стихло. Двух мотоциклистов партизаиы уложили сразу, а третий успел свернуть за угол и ушел. Значит, это была разведка. Теперь иаверняка жди подкреплеиия.

Колесннк по-прежнему весь в нервном напряжении, ждал сигнала. С того момента, как уползли подрывннки к мосту, прошло немало времени, но они что-то молчат. И его уже начала охватывать тревога. Еслн до прнхода немцев они успеют взорвать мост — задание будет выполнено, нет — долго онн здесь не продержатся...

Но вот темноту ночн резанула красная ракета. Это значило, что установлены заряды, н подрывнннкн начали отходнть...

— Все в порядке, товарнщ лейтенант! — радостно шепчет лежащий рядом с Колесником Андрей. «Ох, не спеши, коза, в лес, — усмехается про себя Александр. — За какне-то счнтанные мннуты картнна может резко измениться». Очень уж не нравнлся ему визит мотоцнклнстов н тншнна у второго моста.

В этот момент где-то далеко в городе послышался пока неопределенный, глуховатый звук, который начал быстро расти, становнлся все громче и громче... Похоже, что на помощь охране мостов идет подкрепленне...

Этот гул услышал н Андрей. И тут же заерзал на земле. Наверное, он уже понял, как был опрометчнв.

Онн продолжалн напряженно вслушнваться. Чего там тянут подрывнякн? Прошла еще мннута, другая. Гул моторов становнлся все ближе. Но вот ахнул огромный взрыв. Наконец-то! Огненный смерч, лнзнувший мост, на мнг осветнл вздыбленные пролеты, фонтаны воды, и вновь все погрузнлось во мрак ночн...

Теперь все, теперь можно уходнть...

ТЕТРАДЬ ШЕСТАЯ

«3 августа.

Накануне было решено: после взрыва моста — сразу же уходим в катакомбы. Катакомбы, конечно, не рай. Но иного выхода у нас нет. Не могли же бойцы из группы Поповича после взрыва моста вернуться в бараки Тодта. Они и без того были на подозрении. К этой группе присоединились те партизаны, что жили в местечке Букмензон, в развалинах города и в землянках в лесу.

Что нас в них ждет?»

(Из дневника)

* * *

О существовании этих катакомб было известно давно, наверное, со средних веков, но входы и выходы со временем завалились, в реальность их уже мало кто верил. А тут, в канун войны, во время бури была выворочена могучая сосна с корнями. Под ней оказалась нора, которая вела в глубь земли, вот тогда-то и вспомнили о катакомбах.

К счастью, об этой норе знали немногие. Тем более что лесник так искусно замаскировал ее, что, придя на место вторично, сам же еле отыскал вход.

Партизаны зажгли фонарь «летучая мышь» и начали спускаться в подземелье. Вначале спуск шел круто вниз. Вскоре они оказались в большом, кубической формы пространстве, где можно было стоять во весь рост. Стены были из белой глины... При легком дуновении с них поднималась мучнистая пыль.

Осмотревшись, партизаны двинулись дальше. Потолок постепенно начал спускаться все ниже и ниже... Через некоторое время они уже вынуждены были идти согнувшись. Воздух стал еще более неподвижным и затхлым. Каменная пыль сыпалась за воротник. Нора вскоре привела их в новое помещение. Первое, на что обратили они здесь внимание, были остатки костра. Неожиданно послышался крик Андрея:

— Посмотрите-ка на стену!

При свете фонаря они увидели на ней надписи на французском и русском языках. По-русски было написано: «Отомстим за смерть Тарасова» *. Выходит, до них здесь уже побывали русские? Все вопросительно посмотрели на Коваленко.

— Лесник рассказывал, — пояснил он, — что в конце прошлого года здесь укрывался отряд франтиреров **. В нем были и русские. Потом отряд ушел и назад больше не вернулся.

...На третий день их пребывания в катакомбах Колесника позвали к выходу. Часовой слышал крик совы. А это значило, что русских партизан разыскивает связной франтиреров.

Когда лейтенант выбрался наружу, то крик совы по-

* Командир русского партизанского отряда.

** Им командовал француз Фредо. В отряде находились русские партизаны Павел Слободинский, Алексей Крылов, Михаил Бойко.

вторился. Вскоре он увидел в глубине леса Эмиля, а с ним, к его немалому удивлению, Роллана — связного департаментского штаба ФФИ, с которым он в свое время познакомился у Капитана.

— Так вот я где отыскал вас, — заговорил Роллан, — как устроились?

— Для солдат вполне сносно, — ответил Колесник, — жаль, что мы не знаем общего плана катакомб, обосновались только в центральной пещере.

— Я думаю, что долго вы здесь не задержитесь, — заметил связной.

Последнее время события на фронтах развивались все стремительнее. Союзники подходили к Пикардии все ближе и ближе. Правда, двадцать первого июля они приостановили свое наступление, но ясно было, что это ненадолго. Не такое сейчас, время, чтобы отсиживаться. На восточном фронте Красная Армия продолжала быстрое продвижение вперед. Отбросив немцев от Петрозаводска и разбив их наголову в Белоруссии, она освободила часть Польши и вплотную подошла к Восточной Пруссии. Успехи ее сильно встревожили правящие круги США и Англии. А тут еще силы Сопротивления настолько активизировались, что у союзников возникли серьезные опасения за то, что народ Франции освободит свою страну без их помощи. Вот почему они возобновили наступление в сторону Кутанса.

Оно началось двадцать пятого июля. Первая американская армия устремилась на юг, на Кутанс. Обогнув город с обеих сторон и подавив сопротивление немцев, тридцать первого июля она взяла Авранш. А тем временем вторая английская армия из района южнее Кана направила свой удар на Фалез. Ее успехи были не так значительны. Однако к исходу шестого августа союзники вышли на линию Кан — Вир — Мортен — Майен. Прогрессивная печать горячо приветствовала продвижение союзников по Франции. Видимо, эти события и имел в виду связной, сказав: «Долго вы здесь не задержитесь».

Между тем Роллан продолжал:

— Отступая, немцы мародерничают, угоняют в Германию узников, содержащихся в тюрьмах и лагерях. Отряду Анри поручено освободить из тюрьмы одну из групп патриотов. Есть дело и для вас...

Минуту-другую он смотрел на Колесника, словно старался угадать, как он отнесется к его предложению.

— Речь вновь пойдет о мостах, камрад Колесник. Немцы очень спешат восстановить тот, который вы взорвали. И неудивительно. Из-за него сейчас парализовано продвижение грузов к фронту. Вот почему штаб департамента приказал разрушить и второй мост.

И, помолчав, добавил:

— Правда, теперь это будет сделать значительно труднее, чем в первый раз...

— Приказ есть приказ, — заметил Колесник, — который выполняется, а не обсуждается...

Когда связной собрался уходить, Колесник спросил:

— Ну а как там настроение у Анри?

Роллан улыбнулся.

— Теперь отошел, а первое время очень переживал.

О причинах, приведших франтиреров к неудаче, они узнали на следующий день после взрыва моста. Оказывается, все дело было в разведчиках. Они не довели дело до конца, просмотрели секретный пост немцев, а как только франтиреры подползли близко к мосту — из засады их резанули из автоматов. О взрыве моста нечего было и думать.

Потеряв несколько человек убитыми, отряд отошел ни с чем.

«7 августа.

Днем возле мостов вновь побывали наши разведчики. Как я и ожидал, вести они принесли неутешительные... Вокруг мостов увеличилась площадь проволочного заграждения. Охрана хотя и не такая большая — всего двенадцать человек, но вооружена хорошо. У входа в помещение дежурного стоит станковый пулемет. На площадке под маскировочной сеткой размещается зенитный пулемет. Днем и ночью стоит часовой с автоматом. Близ площадки все расчищено и выровнено. Темными ночами немцы включают прожектор и просматривают местность вокруг. Подойти к мосту незамеченными почти невозможно. Впрочем, данные эти неполные. Разведчики продолжают наблюдения. По вечерам мы тщательно анализируем доставляемые ими сведения. Стараемся представить обстановку, в которой нам придется действовать.

Как-то за этим занятием нас застала Ольга. Она только что пришла из Дуллана. За короткий срок вполне освоилась с ролью связной. И теперь успешно справляется со своими обязанностями.

«Есть какие новости?» — спросил я. «Новостей хоть отбавляй, — улыбнулась Ольга. — В районе Дуллана объявились английские парашютисты». — «Вот как! — удивился я. — И много?» — «Десять человек». — «Чем же они занимаются?» В ответ связная лишь пожала плечами. «Парашютисты не очень-то общительны, но контакт с ними партизаны налаживают».

Я попросил ее информировать меня о парашютистах».

(Из дневника)

* * *

Раиьше всех зиакомство с парашютистами завязал Сергей. В тот вечер ои дольше других задержался в поле и на хутор возвращался одии. Чтобы спрямить дорогу, шагал через лесок. Неожидаиио в кустах ои заметил долговязого пария лет двадцати трех, одетого в куртку с «молиями», на ногах — высокие ботинки из тонкой кожи.

Виачале Сергей приият долговязого за иемецкого дезертнра, пританлся в кустах, подпустил его ближе и, неожиданио иакииувшись на иего сзади, скрутил ему руки, отнял автомат. Только тут Сергей обратил внимаиие на то, что автомат, который был отобраи у пария, ои видел впервые. Сергей пытался заговорить со своим плениником, но ни по-немецки, ин по-фраицузски тот ие поимал. Тогда, оставив долговязого связаииым в лесочке, он отправился на хутор, доложил о случившемся командиру.

В лес оии вериулись вдвоем.

— Да это же английский парашютист, — сказал Петриченко, как только увидел долговязого.

Развязав плеииого, партизаиы вновь пытались поговорить с иим, но ничего ие получилось: оии ие зиали аиглийского, а парашютист — русского.

Задумчиво посматрнвая на солдата, Петричеико заметил:

— Мне думается, что ои не один...

— Вполне возможио, — согласился Сергей, — в таком случае мы могли бы помочь им собраться вместе...

— А ведь это идея, елки-моталки, — загорелся Петричеико. — Значит, так... Сейчас же беги иа хутор, забирай парней своей тройки и отправляйся на поиски англичаи.

— Есть!

— Да, если удастся разыскать кого-то из парашютистов, — продолжал Петриченко, — веди их на торфоразработку. Видел там на окраине торфяника барак?

— Да.

— Тогда поторапливайся! Если немцы пронюхали об англичанах — они живо будут здесь.

Вернув автомат парашютисту, Петриченко пригласил его следовать за собой. Получив оружие, парень сразу же успокоился. Видимо, понял, что эти люди не желают ему зла, повеселел и бодро зашагал вслед за своим проводником.

Некоторое время они шли лесом. Когда лес кончился, перевалили невысокую гору, спустились в низину и постепенно вновь втянулись в лиственный лес. Вскоре они вышли на заброшенный торфяник в болотистой пойме реки Оти. До войны тут добывали торф, но потом всякие работы были прекращены и сейчас вокруг не было ни души.

Чем дальше они шли, тем ниже становилась местность. Ноги все глубже вязли в рыхлой коричневой жиже. Наконец они подошли к бараку, прикрытому со стороны дороги тальником. Во время непогоды здесь укрывались рабочие. Теперь он обветшал, полуразрушился, но черепица на крыше еще была в приличном состоянии.

Как только они оказались внутри помещения, солдат устало снял с себя большой рюкзак, вынул и распечатал банку консервов и принялся вяло жевать. Но вскоре его поборол сон. Голова поникла, и он начал тихо посапывать. Наверное, солдат не спал уже не одну ночь.

Петриченко то и дело выходил из барака, вслушивался в тишину, ждал появления группы Сергея. Но, кроме шума леса, ничего не улавливал. Незаметно спустились сумерки. От реки потянуло сыростью и прохладой. Парашютист по-прежнему спал. Тянуло на сон и Петриченко. Чтобы не задремать, он упорно ходил вокруг барака.

Группа Сергея пришла уже на зорьке. Партизаны привели с собой семерых парашютистов. Все они были одеты одинаково, так же, как тот парень, которого обнаружил Сергей. И все же среди прибывших Петриченко сразу признал командира. Он шагал рядом с Сергеем, чуть впереди него, был немного старше других, худощав, высокого роста.

Войдя в помещение и увидев спящего товарища, парашютисты переглянулись, сразу повеселели. Тот, кого Петриченко принял за офицера, сбросил с себя рюкзак, вышел наружу, долго стоял под ивой, о чем-то думал, курил, прислушивался к шороху листьев. Его, кажется, что-то беспокоило.

Офицер знал несколько русских слов, по дороге на торфяник Сергей сказал, что они русские партизаны, но он, видимо, не поверил, возможно, ожидал какого-то подвоха, был настороже. В первую минуту у Петриченко было большое желание спросить: все ли собрались, но, видя настороженность англичан, вопросов задавать не стал. Парашютисты устали, надо было отдыхать и партизанам, поэтому, договорившись о встрече на следующий день, Петриченко и его товарищи простились с англичанами и отправились на хутор.

Здесь их ждала новость: пока они были на торфянике, в Розели побывали немцы. Скорее всего разыскивали парашютистов. Прикатив на двух грузовиках, они обшарили все дворы, заглянули кое к кому из фермеров в дома, а затем выехали на окраину хутора и принялись прочесывать окрестности. Но вот в лес, возможно, потому, что наступили сумерки, не пошли. Следовательно, завтра они могут нагрянуть сюда вновь.

Несмотря на такую перспективу, утром группа Сергея вновь отправилась на торфяник. По дороге они увидели на сосне парашют. Чтобы замести следы англичан, принялись его снимать с сучьев. Пока Загороднев и Буслаев занимались этим, Сергей ходил вокруг, был настороже. Неожиданно ему показалось, что кто-то стонет. Возможно, померещилось? Но стон повторился. Он подошел к кустам и увидел парашютиста. У него была переломана нога, результат неудачного приземления. Оказав помощь, партизаны решили доставить его на торфяник. Долго провозились с изготовлением носилок и в барак добрались уже в полдень. Парашютистов почему-то не оказалось. Партизаны недоуменно переглянулись. Было непонятно, вовсе покинули торфяник англичане или только ушли на разведку? Раненый стонал. Сергей и его товарищи хмурые бродили вокруг барака.

Англичане вернулись лишь через сутки. Они разыскали еще одного солдата. Теперь их было десять человек. Офицер на этот раз был более приветлив. Начал о чем-то горячо просить русских партизан. Они не сразу,

но поняли, что нужны даиные о дислокации и численности воииских частей в окрестиостях Дуллаиа. Сергей и его товарищи заиялись этим делом.

* * *

В коице иедели вместе со связиой во Фреваи пришел Петричеико. Колесник не виделся с иим больше месяца. За это время дуллаиские партизаны разыскали еще одиу стартовую площадку и коордииаты ее передали Капитаиу. Совершили иападеиие иа иемецкую автомашииу и добыли себе взрывчатку. Вообще, дела в отряде шли неплохо. Поэтому иастроеиие у Петричеико было приподиятое.

— Ну а как поживают парашютисты? — поиитересовался Колесиик.

Петричеико усмехиулся.

— Ушли уже...

— То есть как ушли? — в первую мииуту ие поиял Колесник.

— Очеиь просто... Собрали с иашей помощью даииые н ушли.

Увидев иа лице лейтеиаита разочарованне, добавил:

— Ничего! Теперь уже до встречн с аиглнчаиамн осталось иемиого.

— Похоже, — сразу оживился лейтеиаит и тут же заговорил о предстоящей операции по взрыву второго моста, сказал, что фреваицам, возможио, потребуется помощь дуллаиских партизаи.

Даииые о размещеиии охраиы были весьма иеутешительиые, шаисов иа успех у партизаи имелось крайие мало. В этом они убедились в первые же дии: все попыткн подступиться к мостам ии к чему ие вели. Охраиа была иастороже.

Одиажды, лежа неподалеку от реки в полуразрушениом здании, партизаны услышали иеясиый гул. Виачале ои походил иа жужжаиие пчелы. Но постепеиио звук иарастал, стаиовнлся все громче и громче, и вскоре можио было точио сказать, что это приближается армада четырехмоториых «лаикастеров». Тут же заухали зеиитки.

В тот момеит, когда самолеты были уже совсем близко, Колесиик вдруг подумал: «А не помогут ли нам выполиить задаиие союзники?» — и приказал выстрелнть в сторону моста из ракетиицы. Летчики их сигнала, вн-

димо, не заметили, зато немцы открыли по развалинам дома, где укрылись партизаны, такую яростную стрельбу, что они еле выбрались из укрытия. Однако идея навести английские бомбардировщики на мост больше их не покидала. Они стали бывать возле моста почти каждую ночь. Однажды чуть не напоролись на засаду. Хорошо, что, предвидя это, партизаны были осторожны, опасность заметили вовремя. После того памятного случая прошло несколько дней. Как-то в район мостов они пробрались уже в полночь и стали ждать появления самолетов. Отряд был разделен на две группы.

Меньшая во главе с Поповичем залегла справа от моста, основная — слева. Их разделяло лишь шоссе, которое, извиваясь, бежало к мосту и помещению охраны. При появлении самолетов обе группы должны были подать сигналы летчикам одновременно. Вскоре они услышали гул моторов. Хотя самих самолетов в темноте не было видно, гул этот продолжал расти, набирать силу. Заработали зенитки. В тот момент, когда самолеты были на небольшом расстоянии от мостов, почти одновременно темноту ночи распороли две ракеты. Они скрестились примерно на высоте сотни метров как раз над мостом, рассыпались в пучки мелких искр и потухли. Но на этот раз их сигнал не остался без внимания. Судя по гулу моторов, самолеты кружили над мостами. Послышался вой, затем грохот близкого разрыва. И тут же еще. Земля вздрогнула. Первая бомба угодила в железнодорожное полотно, расшвыряла стоявшие на нем вагоны, вторая попала в мост. Огненный вихрь на какое-то мгновение осветил часть моста, фонтан воды поднялся на высоту десятков метров, а затем вновь все погрузилось в темноту.

— Порядок! — послышался радостно-возбужденный голос Николая. — Порядок!

В этот момент в правой стороне чиркнула короткая автоматная очередь. Потом еще. На этот раз уже более четко. Они переглянулись. Интересно, кто открыл стрельбу: охрана или подошло подкрепление? Вдруг возле моста взвилась ракета. Она выхватила из темноты кусочек шоссе, грузовик, из которого выпрыгивали на землю и разворачивались в цепь гитлеровцы. Значит, подкрепление.

И сразу же трескотня автоматов усилилась. Колесник прислушался к ней, старался понять, кто в ней участвует: вся группа Поповича или только те бойцы, ко-

торые остались для прикрытия. Пора было отходить...

— В заслоне останутся Костогрыз, Нодьев и Бойко, остальные за мной! — приказал Колесник.

— Разрешите остаться и мне? — попросил Николай.

— Хорошо! Будь за старшего! — разрешил лейтенант.

Николай побежал к лежавшему на земле ящику с гранатами и принялся набивать ими карманы и сумку. Товарищи его укрывались за камнями, а остальные партизаны короткими перебежками уходили к кустам.

Вдруг в небе вновь вспыхнула ракета. Сделав дугу и оставив серый дымовой шар, ракета, не долетев до земли, погасла. Тут же загорелась новая. Едва вспыхивала очередная ракета, партизаны плюхались на землю и пережидали, пока она погаснет. После этого поднимались и, делая короткие перебежки, уходили в глубь посадки.

Медленно наступал рассвет. Позади послышалось несколько взрывов. Это группа Николая, подпустив близко фашистов, забросала их гранатами. На некоторое время автоматная трескотня прекратилась. Потом она возобновилась вновь, но была уже не такой яростной, как прежде.

Сразу за посадкой начиналось болото...

Под ногами захлюпала вода. Когда выбрались на сухое место, встретили бойцов из группы Поповича.

Самого Поповича в группе не было. Он остался в засаде.

Едва они перевели дыхание, как застрочили автоматы в том месте, откуда они только что выбрались. Значит, немцы продолжали преследование. Но основная группа от них уже оторвалась. Чем дальше уходили люди этой группы от моста, тем глуше доносилась до них автоматная трескотня. Вскоре ее не стало слышно вовсе...

В катакомбы партизаны добрались уже на рассвете. Часа через два пришли и люди из прикрытия, принесли печальную весть: во время перестрелки погиб Попович, четверо бойцов ранено. Нужно было позаботиться о них. В ближайшей деревушке Бубер жил фельдшер, но когда его попросили оказать помощь «лесным людям», он струсил и в помощи отказал. Пришлось вести его в лес силой.

Среди раненых больше всего пострадал Андрей: парню требовалась срочная операция.

— У нас один выход, — сказал Николай, — отправить Андрея к Жанет. Операцию парню сделает ее папаша.

— Да, но примет ли он партизана? — усомнился Колесник.

— Примет! В прошлый раз, когда я был в Дуллане и передавал Жанет записку от Андрея, убедился в том, что она его любит. Папаша никуда не денется. Да и выхода другого у нас нет...

— А на чем мы его повезем? — озабоченно спросил Колесник.

— Это, товарищ командир, поручите мне, — попросил Николай, — а в помощь выделите одного-двух бойцов.

...Как-то, возвращаясь из разведки, на окраине села Бубер в липовой роще Николай увидел новенький особнячок. Разведчик слышал, что в нем живет коллаборационист *, и стал внимательно наблюдать из-за кустов за усадьбой... Оказалось, что особняк пуст. «Странно, — подумал разведчик, — еще недавно его хозяин был в селе, а тут вдруг исчез. С чего бы это? Уж не испугался ли он появления в этом районе русских партизан?»

Рядом с особнячком стоял такой же новенький гараж. Когда Николай заглянул в него, то удивился еще больше: внутри стоял «пежо». Значит, хозяин бежал спешно. Интересно, исправна ли машина? Разведчик открыл гараж. Если не считать спущенных баллонов, «пежо» был на ходу. На него и рассчитывал Николай, когда говорил: «Это, товарищ командир, поручите мне!»

Только вот где взять бензин? В баке его было совсем немного. Вначале партизаны думали «позаимствовать» бензин у какого-нибудь немецкого шофера: мало ли их проносится по дороге. Николай и двое посланных с ним партизан уже залегли было на обочине шоссе. Но движение на дороге было весьма оживленным. Если задержать машину днем — это сразу привлечет внимание немцев. Между тем шум ни к чему. Подождать вечера и воспользоваться темнотой? Но раненый ждать не может. И Николай решился: отпустил товарищей, а сам сел на велосипед и, прихватив канистру, покатил в село. Бензин он достал.

В сумерках, захватив Андрея, выехал с ним в Дуллан.

* Человек, проводивший политику сотрудничества с врагом за счет предательства интересов народа.

Назад разведчик вернулся на рассвете и весело доложил:

— Все в порядке, товарищ лейтенант! Операция Андрею сделана, он оставлен у Жанет.

«22 августа.

Наконец-то союзники стоят на подступах к Пикардии. По ее дорогам хлынули разбитые немецкие части. Колонны беженцев, мародеров. Дел у нас заметно прибавилось. Прошлой ночью партизаны задержали экипаж танка, у которого кончилось горючее, командир танка, молоденький лейтенант, насмерть перепуганный тем, что оказался в наших руках, как попугай твердил одну и ту же фразу: «Гитлер капут! Гитлер капут!»

А вечером Коваленко со своими товарищами разоружил в лесу группу мародеров. У них отобрано много золотых вещей. Николай ушел в штаб франтиреров узнать, как поступить с пленными. Назад вернулся вдвоем с Эмилем. По их физиономиям нетрудно было понять: произошло что-то очень важное. «Вы слышали, что творится в Париже?» — спросил Эмиль. И, окинув нас веселым взглядом, сказал, что началось всеобщее вооруженное восстание. Ожесточенные бои между восставшими идут вторые сутки. «Ура!» — радостно кричали партизаны. «Теперь завертится, закрутится. Только держись!» — «Еще бы!» — «Вторая новость, — продолжал Эмиль, — вернулся отряд Анри. Франтиреры передают вам всем приветы!»

Но мне казалось, что и на этот раз разведчик выложил не все. И в самом деле, как только мы остались вдвоем, он попросил карту-двухкилометровку. Аккуратно разгладил ее на колене, ткнул пальцем в район Сен-Рикс, сказал: «Отсюда только что прибыл наш человек. Он говорит, что по этой дороге ожидается отход фашистского гарнизона. Было бы непростительным упускать его. Анри считает, что если нашим объединенным отрядам залечь вот на этом участке, — при этом Эмиль вновь ткнул пальцем в карту, — то мы сможем организовать немцам отличную встречу».

Я взглянул в то место карты, куда указывал разведчик. Дорога шла между холмами, поросшими лесом, скорее всего по ущелью. Устроив засаду, тут можно действовать наверняка. «Ну что же, — согласился я, — предложение стоящее...»

(Из дневника)

* * *

Вечер застал русских и французских партизан в лесу, у обрыва неглубокого ущелья. Вокруг шумели вековые сосны. Небольшая речка бежала где-то по дну ложбины. У самого берега они отрыли окопы, замаскировали их и принялись ждать появления противника. Со стороны Ла-Манша тянуло сыростью и прохладой.

Пятнадцатого августа английские и американские войска высадились на юге Франции. Значит, конец войне стал еще ближе. У всех только и разговора, что о высадке союзников.

— Да, теперь мир уже не за горами, — мечтательно говорит Николай, — вот кончится война — сразу на Волгу. Родина! Нет на свете ничего ее дороже.

Его сосед Мишле понимающе улыбается. Незаметно спустились сумерки. Стало совсем темно. Неожиданно на конце поляны кто-то еле слышно запел французскую «Партизанскую песню».

Слышишь ли друг, черный ворон над нашей равниной летает?
Слышишь ли, друг, как отчизна в цепях изнывает?
Эй, партизаны! Рабочий, крестьянин!
Тревога! Вставай!
Всем оккупантам за кровь и за слезы сторицей воздай!

Песня эта родилась совсем недавно. Ее слова еще мало кому известны. Поэтому поют лишь два-три человека, поют почти не раскрывая рта. Остальные жадно вслушиваются, стараются запомнить мелодию, слова.

— Стой! Кто идет? — послышался голос из орешника.

— Пароль — Франция!

В обеих отрядах насчитывалось около восьмидесяти человек. В их распоряжении два пулемета и миномет, почти у каждого автомат или карабин. Но дело не только в количестве оружия. Многие из тех, кто находился здесь, принимал участие не в одной горячей схватке с врагом, прошел суровые испытания. Вон почти у края обрыва за сосной рядом с Николаем лежит Мишле. Он в отряде Анри с первых дней его организации. Был в кадровой армии, попал в плен, бежал, пришел к франтирерам. Под Кале в деревне у него осталась семья: жена, двое детей. Об их судьбе ему ничего не известно. Как они там?

Перед Мишле на сошках стоит ручной пулемет.

Фраицуз аккуратио разложил перед собой диски, посмотрел иа Колесиика и, улыбиувшись, спросил:

— Ну как, лейтеиаит?

— По-моему, все в порядке, — ответил тот серьезио.

Глаз у Мишле острый, стрелок ои опытиый. В армии тоже был пулеметчиком. Правда, в сороковом, когда оии отходили от граиицы, ему так и ие пришлось ии разу выстрелить. Зато в отряде ии одиа операция без его участия ие обходится. Меткие очереди Мишле ие раз выручали товарищей в трудиую миииуту. Можио ие сомиеваться что, когда появятся иемцы, ои ие промахиется и иа этот раз. Фраицуз осмотрелся вокруг, возбуждеиио сказал:

— Ох и дадим же мы сегодня прикурить бошам... Только вот что-то оии ие показываются!

Незаметио иаступила ночь, а иемцев все иет и иет. Может быть, оии измеиили маршрут или переиесли сроки отступлеиия? Стало прохладией. Партизаиы поеживались, миогих одолевал сои.

Лишь иа зорьке дозориые прииесли весть:

— Идут!

Колесник подался к краю обрыва, иавел бииокль иа извивающееся виизу шоссе. Виачале ои различил лишь иебольшой отрезок пути, который смутио проступал перед иим виизу, все остальиое закрывал тумаи. Но вот подул ветерок, и тумаи иачал редеть, таять. Вскоре извивающуюся змеей дорогу можно было проследить вполие четко и иа довольио большом расстояиии.

Вои в коице ее из-за поворота выполз «бюссииг» — тяжелый трехосиый грузовик. За иим второй, третий... Издали похожие иа больших серых жуков, машииы увеличивались в размерах иа глазах.

— Четвертый, пятый... — считал Николай.

А из-за поворота выползали все иовые и иовые грузовики. Когда Николай иасчитал десять «бюссиигов», первый, крытый брезеитом, уже поравиялся с правым флаигом партизаи. Видио, как в кабиие, откииувшись иа спинку, дремлет офицер. Под козырьком тоикий, с горбиикой иос, прикрытые веки.

За иим идут еще три машииы, полиые солдат. Оии сидят спииой к кабиие и смотрят в убегающую даль. На четвертой устаиовлеи иа турели спареииый пулемет. В кузове всего четыре иемца. И виовь машииа, иа этот раз крытая брезеитом.

Партизаны молча смотрят вниз. Заметно, что они волнуются. Еще бы, столько гитлеровцев! Только и партизан немало. Из-за каждого валуна или сосны торчит автомат или карабин. И потом, франтиреры и партизаны находятся наверху, а немцы в лощине, зажатой с обеих сторон горами.

— Одиннадцать, двенадцать, тринадцать, — продолжает считать Николай грузовики. Партизаны то и дело поглядывают в сторону своих командиров: немцы совсем близко, вот бы сейчас по ним как раз ударить. Но командиры молчат: не подошло время, пусть побольше бошей втянется в лощину.

— Без приказа не стрелять, — предупреждает Колесник.

Когда показался семнадцатый грузовик, там, откуда они катили, ахнул взрыв. Это взлетел на воздух арочный мост с выгнутой, как у кошки, спиной, отрезавший путь к отступлению противника. Окрестности тут же наполнились треском пулеметных и автоматных очередей, выстрелами из винтовок.

Передний «бюссинг» сделал замысловатый зигзаг и свалился в кювет. Второй, охваченный огнем, встал посредине дороги, третий — рядом. На дороге образовалась пробка. Задние машины тоже остановились.

Ошеломленные неожиданным шквальным огнем, с машин как горох посыпались на землю немцы. Но, сраженные меткими выстрелами, тут же падали. Фашистский пулеметчик, оставшийся в живых, потянулся к гашетке, пытаясь открыть огонь по партизанам, но Мишле опередил его. Он ударил из пулемета, и немец, словно подкошенный, свалился в кузов. Однако многим фашистам удалось укрыться за грузовиками и в кюветах. Оправившись от первого удара, они торопливо и зло застрочили из автоматов. В нескольких местах одновременно загорелись дымовые шашки.

У гитлеровцев была одна надежда — прорваться вперед. Это они рассчитывали сделать с ходу. Стали собираться в группы. Пользуясь дымовым прикрытием, группы перебегали от одного валуна к другому и все сильнее наседали на партизан. Разгадав замысел противника, заработал партизанский миномет. В лощину полетели мины. Снизу послышались крики и стоны.

— Что, не нравится?! — кричал Николай, строча из автомата.

К сожалению, мин было совсем немного. И вскоре

обстрел нз миномета прекратнлся. Предвидя это еще в тот момеит, когда в лощиие показались первые иемецкие грузовнкн, с левого фланга вииз спустилась группа партнзан. В те места, куда ие долетали мины, полетелн гранаты.

Мишле то и дело менял днски. Его пулемет работал безостановочио. Немцы залеглн вновь.

И вдруг с одного нз последннх грузовнков неожнданно зататакал, вндимо, только что расчехлениый пулемет. Прежде всего ои ударил по тому месту, где лежал Мншле. Из окопа послышался стои — пулемет замолчал. А немец уже переиес свой огонь чуть ниже, где залеглн партизаискне автоматчики. Те выиуждены былн прнжаться к земле. Воспользовавшись этнм замешательством, переднне группы гитлеровцев ожнлн, потеклн по лощнне вперед. Однако это продолжалось иедолго. К пулемету француза подполз Нниколай.

— Мншле, что с тобой?

Тот ие отвечал. Лежал, обхватив обеими руками пулемет. Из головы на траву капала кровь.

Ннколай снял большие руки Мишле с пулемета, навел прицел, прнвычно нажал гашетку и первой же очередью сразил немецкого пулеметчика. После этого он круто развернул пулемет и начал расстреливать гитлеровцев, двнгающнхся по лощнне. Дым от шашек уже рассеялся, н Ннколай четко вндел мечущиеся виизу фигуркн немцев. Его пулемет косил н косил нх без усталн...

Бой в лощнне шел целый деиь. Лншь в сумерках, когда с черных гор началн падать теии, стрельба в лощине стала ослабевать. Воспользовавшись сумерками, иемногие уцелевшне фашнсты рассеялнсь по горам.

Когда партнзаиы спустнлись винз н подошли к грузовнкам, то оказалось, что оин забнты иаграблеиным. Чего только тут не было: картнны н ковры, одежда и продукты.

— Ты смотри, да здесь целые склады, — удивлялись бойцы, — вот мародеры...

Одиако время терять даром нельзя. Забрав оружие н часть продуктов, партизаны иачали отходить в лес.

«1 сентября.

Уже неделя, как немцы изгнаны из Парижа. Наша радость беспредельна. Под вечер Николай принес свежие газеты. Из них мы узнали подробности освобожде-

ния столицы. Оказывается, среди участников этого события были и советские партизаны. Они первыми очистили улицу Гренель, на которой раньше размещалось посольство СССР. И этим мы гордимся».

(Из дневника)

* * *

На второй день после изгнания немцев из Парижа в городе состоялся Парад победителей. Его принимал сам генерал де Голль. Среди участников парада были и советские партизаны.

Выйдя с улицы Гальера с развернутыми знаменами своей Родины, бойцы Сопротивления направились по Елисейским полям. Когда партизаны пересекли площадь Согласия и подходили к статуе Жанны д'Арк, в них неожиданно полетели пули. Это недобитые коллаборационисты, засевшие на чердаках зданий, увидев красное знамя, не сдержали своей ярости, открыли стрельбу.

«Во время этого происшествия, — писала впервые за многие годы вышедшая легально «Юманите», — один лейтенант-артиллерист, сначала бежавший из лагеря на Украине, а затем из лагеря в Польше и наконец очутившийся во Франции, подхватил знамя, выпавшее из рук товарища, и уже не выпускал его из рук до конца демонстрации. Державшиеся под пулями в Париже столь мужественно, как на германо-советском фронте, сыновья страны социализма вчера еще больше укрепили союз нашей родины с великим Советским Союзом» *.

— Как это так — начали парад, не очистив чердаков? — расстроился Николай.

— Ничего! Теперь франтиреры и партизаны наведут порядок в городе, — заверили его товарищи.

В конце августа немецкий фронт во Франции рухнул. Фашисты устремились за Рейн. Лишь Северная группа войск, обстреливающая снарядами «фау» Англию, еще стремилась удерживаться как можно дольше. В руках у немцев оставались также многие порты Франции. Но что касается Пикардии, то здесь, как только в Париже началось восстание и моторизованные части англичан и американцев появились на берегах Сены, от-

* Цитируется по газете «Советская Украина» от 19 декабря 1965 года.

ступление стало паническим. Теперь во Фреване с каждым днем все явственней слышится артиллерийская канонада приближающегося фронта.

Накануне штаб военного комитета департамента Сомма совместно с комитетом освобождения отдал приказ начать восстание. В различных местах департамента прошли стычки участников Сопротивления с немцами. Ожесточенные схватки с противником, в частности, завязались на канале между Бетюном и Боссе. Ночью пришел Роллан с приказом отряду Анри идти на помощь восставшим. «А вам, — сказал он Колеснику, — необходимо взять под охрану городское бомбоубежище, а то еще неизвестно, что выкинут боши при отступлении».

* * *

Гарнизон противника не спешил покидать Фреван. На пожарной вышке, поднявшейся в центре города, немцы установили пулемет. По всему городу шли грабежи, а в это время специальные группы бошей рыскали по улицам, реквизировали автомашины и отправляли награбленное в Германию.

Однако дни пребывания оккупантов в городе были сочтены. Ночью в него скрытно проникли несколько групп партизан. На совете командиров решено было действовать немедленно, не дожидаясь прихода союзников. Колеснику и его бойцам предстояло захватить центральную улицу города. Его бойцы просочились на территорию пожарной части, бесшумно сняли часовых. Коваленко с группой партизан кинулся по лестнице на вышку, им удалось захватить пулемет. В результате значительная часть города оказалась под контролем франтиреров и партизан.

Как только началась стрельба, немногочисленный гарнизон немцев, не зная сил восставших, начал поспешную эвакуацию из города.

В сумерках, когда стрельба в городе уже затихла, вернулся Анри со своим отрядом из Бетюна. В отряде были жертвы, но через канал немцы не прошли. И тем не менее праздновать победу было еще рано. Каждую минуту во Фреване могли появиться отступающие части противника.

В напряженном ожидании прошла ночь.

Утром через связных до партизан стали доходить вести о событиях, происходящих в соседних селах и го-

родах Пикардии. Бои восставших с оккупантами происходили повсюду. В Лилле франтиреры начали бой за освобождение города, и немцы вынуждены были его покинуть. В Валансьене франтиреры и партизаны не дали противнику при отходе из города уничтожить мост через реку Самбр. И так повсюду. Вот почему союзники продвигались по Пикардии столь стремительно, словно находились на военном учении. Еще двадцать восьмого августа партизанские разведчики видели английские танки под Амьеном, а первого сентября они уже вошли в Дуэ. Расстояние больше чем в девяносто километров англичане покрыли за четыре-пять суток. Не случайно впоследствии главнокомандующий союзных войск генерал Эйзенхауэр признавал, что усилия партизан во Франции равны действиям пятнадцати дивизий, опубликовав по этому поводу специальное коммюнике, перепечатанное всеми партизанскими газетами.

«2 сентября.

Едва англичане заняли Фреван, как солдаты в красных, а офицеры в темных беретах тут же разбрелись по городу и принялись осаждать бистро и кафе.

Вели они себя довольно беспечно. Их танки и броневики стояли на площадях совершенно открытыми. Несколько семидесятимиллиметровок были брошены прямо у дороги, куда их дотянули тягачи. Хорошо, что немецкие самолеты уже несколько дней, как над городом не появлялись...

Итак, пришла наша долгожданная свобода. Сколько мы мечтали о ней! Сколь труден и тернист был наш путь к победе. Но на душе у нас почему-то неспокойно. Мы еще чего-то ждем. Ведь война не кончилась. Да и неизвестно, как отнесутся к нам англичане.

Теперь мы размещаемся в одном из пустующих зданий. Живем открыто. Узнав, что во Фреване есть русские партизаны, к нам то и дело приходят гости — французы. А сегодня заявились несколько английских солдат во главе с длинным белобрысым сержантом. Все они были навеселе. Сержант знал несколько русских слов. Пытался поговорить с нами по-русски. Но без переводчика разговора не получилось. Отыскали переводчика, уже немолодого француза. Английские солдаты слушали его с большим вниманием. «О!» — то и дело восклицал сержант. И удивленно крутил головой».

(Из дневника)

Утром сержант прикатнл к русскнм партизанам иа мотоцикле уже с официальным внзнтом, сказал, что начальиик гарннзона хочет вндеть русского партизанского командира. Колесннк переглянулся с Коваленко: «Что обещает эта встреча?»

Англичане занялн под штаб одни из особняков в центре города. Комната, куда привелн командира русскнх партизан, окнами выходила в сад. За массивным столом из темного дуба сидел уже немолодой майор. Справа от иего стоял средннх лет, но успевший располиеть лейтенант. Ответнв на прнветствне гостя, майор что-то сказал лейтенаиту, тот спросил:

— Майор интересуется, кто вы н почему с оружием?

— Лейтенант Красной Армни, командир русского партизанского отряда, — ответил Колесник.

— О! Я слышал, вы неплохо дралнсь в этнх местах, — вежлнво улыбнулся майор. — Десант, да?

Узнав, что партизаны — бывшие военнопленные, майор удивленно развел руками, быстро спросил:

— А где вы взяли оружие?

Колеснк ответил и на этот вопрос. Офицеры переглянулись.

— Чем заннмаются ваши люди теперь?

— Прнводят себя в порядок.

Майор вышел из-за стола, задумчиво прошелся по кабинету, вновь что-то сказал лейтенаиту. Тот перевел:

— А как у вас обстонт дело с питанием? Вы не испытываете в этом затрудненнй? Майор может отдать прнказ о зачисленин вашнх людей на довольствие.

«Ах, вот оно что, — мысленно улыбнулся Колесник, сразу догадавшись, куда он клонит, — поставнт на довольствие, а потом возьмет под свое командование!..» А вслух сказал: — Благодарю! Мы ни в чем не испытываем недостатка, французы о нас заботятся.

Лицо майора внешне оставалось бесстрастным. Но ие успел еще лейтенант закончнть перевод, как он заговорил вновь. Лейтенант торопливо переводил:

— Майор говорит, что война не кончилась. Просит еще раз обдумать его предложение. Кроме того, он имеет приказ командовання, обязывающнй гражданских лнц сдавать оружие. Ответ скажете завтра.

«Так-так! Вопрос ребром: нлн, или... Или идите на

службу к англичанам, или сдавайте оружие!» Колесник встал.

— Благодарю за беседу. Я был рад познакомиться с вами. Что касается ваших предложений, то я сообщу о них своему командованию.

Брови майора поползли вверх.

— А разве во Франции есть еще русские партизаны и свое командование?

— Да, есть. Нас не так уж мало, — как можно беспечнее заметил Колесник. Пусть майор поразмыслит над этим фактом. — Есть еще русские партизанские отряды, существует и единое командование, — добавил он. И сразу понял, что попал в цель: лица офицеров вытянулись.

Выйдя из особняка на улицу, Колесник не спеша зашагал по скверу. Надо было все обдумать, все взвесить. Нет, не таким ему представлялся разговор с союзниками...

На скамейке, возле которой он проходил по аллее, сидел маленький щетинистый старичок в древней потертой шляпе. Он держал в руках газету, изредка поглядывая поверх очков на внука — бледнолицего мальчика лет четырех, копавшегося в песке у его ног. Над стариком кружились опадавшие с деревьев окрашенные в багрянец листья. Начало сентября, а по вечерам уже сгущается туман, ночью в лесу сыро и прохладно. Колесник поймал на лету лист каштана и прибавил шагу: в отряде его, наверное, уже заждались.

— Ну, зачем ты им понадобился? — нетерпеливо спросил его Коваленко, как только тот переступил порог дома.

Колесник рассказал ему о своей встрече с английским майором.

— Союзнички! — раздраженно процедил Коваленко сквозь зубы. — Еще неизвестно, оставят ли они нас в покое в этом Энен-Льетаре?

— Причем тут Энен-Льетар? — не понял Колесник.

— В соседней комнате отдыхает Алексей, — пояснил Коваленко, — он привез приказ Комитета всем русским партизанским отрядам собраться в Энен-Льетаре.

— Ах вон оно что! — сразу повеселел лейтенант. — Это уже совсем другое дело.

Алексей нисколько не удивился содержанию разговора Колесника с майором.

— Точно так же ведут себя англичане и американ-

цы и в других местах, — сказал он, — они повсюду стараются заманить в свою армию русских людей, щедро обещают им всяческие блага. Видимо, на этот счет у них есть далеко идущие планы... Вот потому Комитет и прилагает сейчас все усилия для того, чтобы поскорее собрать русских партизан в одном месте. Возможно, тогда с нами будут больше считаться. Что касается оружия, то майор прав: война не кончилась, оружие может пригодиться и нам. Но надо сделать так, чтобы, как говорится, и волки были сыты, и овцы целы.

— Ясно, — усмехнулся Колесник, — так, значит, едем в те места, где воевали порниковцы. Как он там, Василь, готов встречать гостей?

Алексей как-то странно посмотрел на него, в свою очередь, тихо спросил:

— А разве ты не знаешь, что он погиб?

— Погиб?—поразился Колесник.—Впервые слышу!

— К сожалению, это так... До освобождения Франции не дожил всего нескольких недель.

И принялся рассказывать, как это случилось.

Двадцать второго июля, почти выздоровев после ранения, Порик ехал из Гренэйя в Льевен. Неподалеку от Льевена ему неожиданно преградил путь шахтер. Василий притормозил велосипед: «В чем дело?» В этот момент на него накинулись еще несколько «шахтеров». Как потом выяснилось — это были переодетые фашистские молодчики. В тот же день Порик был расстрелян.

Всего лишь два раза Колесник встречался с этим парнем, но ощущение было такое, словно он потерял близкого друга... Смерть всегда неожиданна, и, хоть она приходит каждый день, к ней нельзя привыкнуть. Он вышел на улицу и долго бродил вокруг дома, в котором они размещались. Над Пикардией давно уже опустилась ночь. В небе тускло мерцали далекие звезды, кругом стояла благодатная тишина, но на душе у него было невыразимо тоскливо. Он думал о том, что уже немало русских парней сложили головы на французской земле, но война, по существу, еще не окончена, их положение по-прежнему неопределенное.

«3 сентября.

Утром Алексей засобирался чуть свет. Ему нужно было побывать и в других отрядах. «Я очень прошу тебя послать связных к дулланским и сен-польским пар-

тизанам с приказом немедленно выезжать в Энен-Льетар», — попросил он. «Это я сделаю с большим удовольствием», — пообещал я.

Едва укатил Алексей и было собрано ненужное нам оружие для сдачи его англичанам, как послышался знакомый треск мотоцикла. «А вот и гость», — нахмурился Коваленко. Это был все тот же английский сержант. «Я за ответом», — небрежно козырнул он. «У крыльца грузовик, — ответил я, — в нем наше оружие, а мы уезжаем».

Сержант внимательно посмотрел мне в глаза и, круто повернувшись, зашагал к трофейному грузовику».

(Из дневника)

* * *

В полдень пришел Анри. Узнав об отъезде русских партизан, стал грустным.

— Так значит, расстаемся! Вы уезжаете, а я возвращаюсь к своей старой профессии дорожника... Вчера коммунисты ячейки избрали меня своим вожаком, а Мориса — казначеем. Теперь мы вновь мирные люди...

— То есть как это мирные? — не понял Колесник. — А отряд?

Анри усмехнулся.

— Разве ты не знаешь, что еще двадцать восьмого августа генерал де Голль подписал декрет о роспуске внутренних сил Сопротивления?

— Как это подписал? — еще больше удивился Колесник. — Ведь война не кончилась?

— А вот так! Генерал спешит разоружить народ... Включение сил ФФИ в армию обеспечило бы личным составом минимум тридцать дивизий. Но де Голль никогда не думал делать солдат Сопротивления своей опорой. Он мечтает иметь профессиональную армию, как оружие классового господства. Массовая же народная армия для этих целей не годится... Вот почему генерал решил распустить внутренние силы Сопротивления. Впрочем, об этом хватит, — продолжал Анри, — хватит!

Анри не может долго быть грустным. Лицо его вновь расплывается в улыбке. Он заговорщицки подмигивает своему другу, Морис тут же куда-то исчезает. Назад он вернулся не один, а привел бойцов отряда. На столе появилось вино, закуска. Анри весело сказал:

— Как бы там ни было, а война в Европе идет к концу. Вправе мы выпить за ее скорейшее окончание?— И, весело посмотрев на всех улыбающимися глазами, сам же ответил на поставленный вопрос: — Вправе!

Казалось, Колесник неплохо знал Анри, знал его как волевого командира, незаурядного организатора, хорошего товарища. А тут, в компании друзей, Александр открыл в этом парне еще одну неизвестную ему черточку: бесшабашную веселость. Вначале Анри играл на скрипке, затем полушутя-полусерьезно принялся декламировать стихи Вийона:

> Смеюсь сквозь слезы и тружусь, играя,
> Куда бы я ни пошел — везде мой дом...

Вийон — самый что ни на есть национальный поэт. Его стихи — ключ ко многим душевным тайнам французов. Не случайно они так обожают этого поэта. Слушая Анри, Колесник всматривался в знакомые лица сидящих за столом партизан. Ему почему-то вспомнились слова Карамзина: «Я хочу жить и умереть в моем любезном отечестве; но после России нет для меня земли приятнее Франции, где иностранец часто забывается, что он не между своими». Как он был прав! Годы, проведенные в этой стране, убедили Колесника в том, что у французов нет национальных предрассудков, что народ щедр и гостеприимен. Ему полюбились в национальном характере удивительное остроcловие, привязанность к умной, острой шутке, умение побалагурить и приободрить в трудные минуты жизни.

Гости начали расходиться уже поздно ночью. Прощаясь, Анри вынул из кармана конверт, подал его Колеснику, небрежно заметил: «Взглянешь, Саша, на досуге!» По привычке он все еще называл своего друга подпольной кличкой, хотя уже знал его настоящее имя — Иван Рябов.

Утром, вспомнив про конверт, Колесник-Рябов вынул из него листок, пробежал глазами: «Ячейка коммунистической партии во Фреване. Настоящим удостоверяется, что Рябов Иван бок о бок с нами сражался и участвовал в освобождении Франции как командир русского партизанского отряда в количестве двадцати восьми человек. Поздравляем товарища, который проявил при этом храбрость, находчивость и смекалку настоящего командира.

Секретарь ячейки компартии города Фревана А. Дегурии. Казначей — М. Куртье» *.

Незадолго перед этим до них дошли слухи, скорее всего пущенные предателями-власовцами, что на Родине все русские, попавшие в плен, не будут прощены. Видимо, об этом узнал и Анри. И хотя Колесник не был в числе тех, кто поверил этим слухам, от внимания Анри на душе стало теплее.

* * *

В полдень из Сен-Поля прикатил на велосипеде Дмитрий.

— Отряд в пути, — доложил он, — но среди партизан есть раненые, и он придет не раньше вечера.

Раненые и больные были и во фреванском отряде. Поэтому для поездки в Энен-Льетар нужен был транспорт. Скорее всего придется добираться узкоколейкой. Вот только ходят ли поезда?

На станцию лейтенант послал Коваленко. Назад тот вернулся довольно скоро.

— Все в порядке, — доложил он бодро, — движение по узкоколейке восстановлено. Военный комендант завтра же обещал выделить нам вагоны.

Колесник, не ожидавший такой прыти от англичан, посмотрел на него с недоверием.

— А что тут особенного? — принялся рассуждать Коваленко. — Ведь как-никак союзники, ну и чтобы не мозолили им глаза — спешат скорее от нас отделаться...

Возможно, он и прав, этот Коваленко. Но лейтенанта почему-то одолевало сомнение.

Сен-польские партизаны пришли уже поздно ночью. К немалому удивлению фреванцев, они были неплохо вооружены, помимо карабинов и автоматов, у каждого бойца сбоку на ремне висела граната, приволокли они и пару пулеметов.

— Как это вы проскочили с оружием? — удивился Колесник.

— А вот так и проскочили, — загадочно улыбнулся Исайкин.

На следующий день комендант и в самом деле выделил русским партизанам пять вагонов. Этого им было

---

* Документ хранится у И. В. Рябова.

вполие достаточио, тем более что Петричеико со своимн людьмн не пришел. Вндимо, отряд его отправился в Энен-Льетар самостоятельио.

Как только вагоны были подаиы, партнзаиы погрузилнсь, разошлнсь провожавшие нх фраитнреры, все прнняляс ждать: вот-вот к составу подцепят паровоз, и ои немедленно тронется. Но уже в сумерках вместо паровоза к платформе подкатил «джнп». Из иего вышли знакомый лейтенант-переводчнк и представительный военный в иакндке, скрывающей погоны, но ясио было, что это тоже офнцер. Они прошлись по платформе, вернулнсь к «джипу» и тут же укатилн. Партизаиы недоуменно переглянулись. Чем вызван этот страниый внзит?

Состав продолжал стоять. Лншь в полночь к иему прнцепнлн паровоз. Партизаиы думали, что теперь-то нх уж наверняка отправят в Энен-Льетар, облегченно вздохиулн, ио вагоиы еще долго каталн по путям с места иа место, сцеплялн и расцепляли, н только на зорьке, когда уже все спалн, оин накоиец-то тронулись в путь.

Состав катил ие спеша, паровозик иатужио пыхтел иа подъемах, убыстрял бег при спусках. Их болтало из стороны в стороиу, иещадно трясло, как в грузовнке, бегущем по проселочиой дороге.

Неожнданно послышался чей-то крик:

— Братцы, а ведь иас везут не в том направлеиин!

Все повскакнвали со своих мест, прнлипли к окнам. Брезжнл рассвет, вои мелькнула деревия, мимо проплыла роща. Разобраться, в каком направленни двигался поезд, было непросто. А в это время тот же возбужденный голос продолжал:

— Смотрю я, братцы, а за окном мелькиула знакомая ферма, на которой мне прнходнлось бывать по партизанскнм делам. Вначале я даже опешил: как так? Ферма иаходнтся к западу от Фревана, а мы должны ехать на северо-восток. Но потом сообразил: нас везут в противоположиом иаправлении...

— А тебе не померещнлось?

— Нет, братцы, это точио!

Как только состав остаиовнлся на каком-то разъезде, иесколько человек выпрыгнули нз вагоиов. Назад партизаны вериулись возбуждеиные. И в самом деле, нх везли ие иа восток, а иа запад. К хвосту состава был прицеплеи вагон с англнйскими солдатами. Выходит,

партизаны едут под конвоем, атмосфера в вагонах еще более накалилась.

Теперь стало понятным, почему их не спешили отправлять со станции, так долго катали по путям — усыпляли бдительность.

Накануне дошли слухи, что англичане и американцы насильно грузят русских военнопленных в автомашины, увозят в порты, загоняют в трюмы пароходов и отправляют неизвестно куда. Не уготована ли такая участь и им? Одни советовали немедленно покинуть вагоны и до Энен-Льетара добираться пешком, другие решительно возражали.

— Пойти на это, — говорили они с возмущением, — это все равно, что добровольно залезать в лагерь для перемещенных лиц. На англичан и американцев можно наткнуться в любой деревне... Так что же делать?

...Прежде всего они сорвали стоп-кран и остановили состав. Несколько человек влезли на крыши вагонов и установили пулеметы, другие кинулись в конец состава и принялись отцеплять вагон с конвоем. Услышав возню возле своего вагона, из него повыскакивали англичане, но, увидев вокруг себя вооруженных людей, превосходящих их численно, опешили, видимо, они не знали, что русские вооружены. Поэтому им ничего не оставалось делать, как вернуться в вагон, который был немедленно отцеплен от состава. Английский офицер побежал в железнодорожную будку — доложить по телефону своему начальству о случившемся. Нельзя было терять времени и русским партизанам.

Колесник пригласил к себе Николая, испытующе посмотрел на него, сказал:

— Поедешь в Энен-Льетар, расскажешь о том, что произошло на разъезде, членам Комитета советских военнопленных. Они, в свою очередь, свяжутся с Парижем и поставят в известность Советскую военную миссию. Добирайся любыми средствами и помни: дело весьма срочное!

В полдень к разъезду подкатил «джип». Из него вышли все тот же офицер в накидке и лейтенант-переводчик. Видимо, они не ожидали увидеть на разъезде такое: вдоль состава ходили вооруженные люди и не подпускали к нему никого близко, с крыш вагонов торчали дула пулеметов.

Удивленно переглядываясь, офицеры прошли в тупик, где стоял отцепленный вагон с охраной, приглас-

ли командира русских партизан к себе. Когда он вошел в офицерское купе, в нем сидели трое: кроме приехавших, был еще молодой лейтенант — начальник конвоя. Между офицерами, видимо, только что произошел неприятный разговор: все они были красные от возбуждения.

Тот, что был в накидке, обращаясь к Колеснику через переводчика, спросил:

— В чем дело, почему ваши люди задерживают состав?

— А вы не заметили, — нахмурился Колесник, — что нас везут в противоположном направлении? Ведь мы попросили направить нас в Энен-Льетар.

Словно не расслышав перевода, офицер продолжал:

— Кроме того, вам было приказано сдать оружие. Почему вы не выполнили приказ?

— Скажите этому господину, — сдержанно ответил Колесник переводчику, — что мы не получили на этот счет указаний своего командования. — И, подумав, добавил: — Что касается случившегося, то об этом поставлена в известность Советская военная миссия в Париже...

Когда перевели его слова, офицер в накидке зло посмотрел на начальника конвоя и упрямо продолжал:

— Если вы будете препятствовать продвижению состава, мы вынуждены будем применить силу. На раздумье вам дается три часа.

Но было ясно, что в данной ситуации никакой силы англичане применять не станут, просто берут партизан на испуг.

— Имею честь, — Колесник поднялся со своего места и, не дожидаясь перевода, хлопнул дверью.

«Джип» вскоре укатил. Вагоны простояли на разъезде всю ночь. Утром к русским партизанам пришел француз железнодорожник, знавший об их столкновении с англичанами, и весело объявил:

— Все в порядке, едете в Энен-Льетар!

Возможно, что к этому времени в конфликт успела вмешаться Советская военная миссия.

ТЕТРАДЬ СЕДЬМАЯ

«5 сентября.

Во французской энциклопедии заметка об Энен-Льетаре уместилась в несколько строк: «Население

22 552 человека. Угольные шахты. Металлургические заводы. Старинный центр графства, основанный в 1579 году Карлом Эльзасским. Великолепный собор в романском стиле со скамейками XVIII века». Возможно, Энен-Льетар и есть тот город, где кончатся наши мытарства, откуда мы наконец выедем на Родину?»

(Из дневника)

* * *

А вот и станция. Бойцы выгрузились на перроне и зашагали по тихой улочке. Разыскать здесь русских партизан большого труда не составляло. В городе все знали, что они размещаются в бывшей гимназии — большом здании, выстроенном из красного кирпича и утопающем в листве деревьев, уже тронутых осенью.

Как только фреванцы и сен-польцы вошли на территорию гимназии, их окружили такие же, как они, разношерстно одетые люди. Началось знакомство. Неожиданно откуда-то прибежал запыхавшийся Охотин.

— Петр? — обрадовался Колесник. — Жив, здоров!

— Как видишь, — заулыбался тот.

После смерти Порика его отряд разделился на три группы. Охотин оказался в той, которой командовал старшина Красной Армии Иван Федорук. Колесник принялся расспрашивать Охотина об общих знакомых: Никифорове и Вишняке. Но он ничего о них не знал.

— А где Петриченко и Загороднев? — в свою очередь, поинтересовался Петр.

— В Дуллане, — ответил Колесник, — теперь наверняка скоро приедут сюда.

В этот момент его пригласили в штаб. В кабинете сидел смуглый крепыш.

— Начальник штаба, старший лейтенант Кулаков, — отрекомендовался он, протягивая руку. Видно было, что в этой роли он недавно и чувствует себя еще несколько скованно и неуверенно. Однако рассказ Колесника о том, как добирались партизаны до Энен-Льетара, о стычке с англичанами на железнодорожной станции слушал с вниманием и сочувствием.

— Нелегко нам будет собрать людей, ох как нелегко, — вздохнул начальник штаба. — Ну да вы-то добрались! Размещайтесь, а завтра подготовишь рапорт и дела своих отрядов: еду в Париж...

Утром, когда Колесник вошел в кабинет Кулакова, то хозяин его уже приготовился к отъезду. Пробежав глазами рапорт, хмыкнул:

— Добре! — Положил листок на стол, прошелся по кабинету, размышляя о чем-то своем, остановился против Колесника, сказал: — Останешься за меня! — Подумав, добавил: — И еще: есть мнение написать историю советских партизанских отрядов, воевавших во Франции. Судя по рапорту, писать ты умеешь, времени у тебя сейчас будет вполне достаточно... Может быть, возьмешься и за эту работу, а? — И, не дождавшись ответа, решительно сказал: — В общем, забирай рапорты — они мне больше не потребуются — и за дело! Если нужно — бери себе помощника.

Колеснику очень не хотелось заниматься писаниной, но отказываться не стал, в конце концов надо кому-то выполнять и эту работу.

«6 сентября.

Второй день сижу и пишу. Что получится — не ведаю. Но тружусь, что называется, в поте лица. В рапортах лишь голые цифры. Без них, конечно, не обойтись. Особенно без таких, как у пориковцев; тринадцать спущенных под откос поездов, приведено в негодность сто семнадцать вагонов. Сожжено пять складов, разгромлен лагерь восточных рабочих, а рабочие освобождены. Перехвачено двадцать пять грузовиков. Что касается телеграфно-телефонных линий, то их выведено из строя километры, а количество убитых немцев достигает тысячи. И тем не менее все это лишь цифры. Поэтому стараюсь беседовать с людьми.

Вчера разговаривал с Михаилом Бойко, Алексеем Крыловым, Иваном Федоруком. Все они — сподвижники Порика, его верные помощники. А сегодня их рассказ пополнил Охотин».

(Из дневника)

* * *

Пока Колесник беседовал с пориковцами — исписал целую тетрадь. В Энен-Льетаре собралось уже десять отрядов и групп русских партизан, из одиннадцати действующих на севере Франции. А люди все подходили и подходили.

Не было лишь бойцов Иосифа Калиниченко. Командир отряда уже после освобождения страны попал

в автомобильную катастрофу, лежал в госпитале в Париже. Отряд находился где-то в районе города Валансьенна. Сведений об отряде не поступало, поэтому о его судьбе ничего не было известно. Решено уже было послать в отряд связного, как неожиданно в полдень на сборном пункте появился боец из отряда Калиниченко.

— Мы находимся в Валансьенне, — доложил он, — собрались в Энен-Льетар, но англичане оцепили помещение, в котором мы находимся, и никого не выпускают, требуют сдать оружие...

История этого отряда начинается весной сорок третьего года, когда из лагеря Тьерс-Лаграж бежало несколько «остовцев» — членов подпольной организации, возглавляемой Иосифом Калиниченко. На первых порах у них была группа, в которой насчитывалось около десятка бойцов. Оружия они не имели. Однако вскоре партизаны познакомились с антифашистами, охраняющими склад с оружием. С их помощью удалось обеспечить оружием не только своих людей, но и действующий рядом отряд франтиреров. А в это время, заподозрив, что на складе не все благополучно, немцы начали расследование. Солдатам караульной службы ничего не оставалось делать, как уходить к партизанам. В отряде Калиниченко стало семьдесят бойцов. Он еще больше активизировался.

Партизаны пустили под откос три воинских эшелона, разбили отряд гитлеровцев в районе Бруэ, освободили пленных марокканцев. А третьего сентября при подходе к городу англичан вместе с франтирерами участвовали в освобождении Валансьенна. Можно было не сомневаться в том, что такие люди добровольно оружие не сдадут.

Разыскав телефон военной миссии, Колесник позвонил в Париж. К аппарату подошел дежурный. Выслушав встревоженный рассказ лейтенанта, коротко ответил:

— Ждите звонка!

Прохаживаясь по кабинету, Колесник посматривал на аппарат, но он молчал. Уже в сумерках к зданию гимназии подкатил черный лимузин с красным флажком. «Видимо, кто-то из военной миссии», — подумал лейтенант. Из машины вылезли Кулаков и немолодой уже офицер с погонами майора. Колесник знал, что погоны в Советской Армии были введены еще в начале

сорок третьего года, но видел их впервые. Ему показалось, что они делают военного более подтянутым и строгим.

Знакомясь с майором, лейтенант впервые за последние три года назвал свою настоящую фамилию: Рябов.

— Вы звонили в Париж?

— Да!

— Все в порядке, — продолжал майор, — отряд движется в Эиен-Льетар.

Некоторое время он расспрашивал Рябова об отрядах, о людях, об операциях, которые они провели. Потом неожиданно сказал:

— Я бы хотел поговорить с вами о личных планах. Интересно, каковы они?

— Как можно скорее попасть на Родину, а там — на фронт, — ответил Рябов, не задумываясь.

— Ясно, — усмехнулся майор, — а другие партизаны об этом не мечтают?

— Почему же? — смутился лейтенант. — Это желание большинства.

— То-то, что большинства. А вы видите, как ведут себя англичане и американцы по отношению к русским, освобожденным из немецкой неволи. — Майор прошелся по комнате и продолжал: — У нас есть сведения, что они пытаются заманить советских людей не только в армию, но и завербовать их в свою разведку. Поэтому для нас сейчас главное — это собрать всех русских людей во Франции. С этой целью в Энен-Льетаре решено создать сборный пункт. А лично вас — назначить заместителем начальника этого пункта. Как вы на это смотрите?

— Я солдат, товарищ майор, — ответил Рябов.

— Значит, решено!

Девятого сентября был подписан приказ о назначении Рябова заместителем начальника сборного пункта.

«28 сентября.

Пошел шестой месяц, как Красная Армия пересекла границы своей Родины. Теперь уже недалек тот день, когда она начнет сражаться на немецкой земле. Приближаются к границам Германии и союзники. И это нас радует. «Еще чуть-чуть, — думает каждый из нас, — и враг будет повержен, мы выедем на Родину». Однако после очередной встречи с майором наши иллюзии на этот счет бесследно улетучились.

Оказывается, везти нас на Родину по суше пока нет никакой возможности. Война в Европе полыхает вовсю. Не подошло время отсылать нас и морем. На Атлантическом побережье немцы упорно удерживают такие порты, как Дюнкерк, Сен-Назер, Ла-Рошель, Ла-Паллис, Руайан, мыс Грав, полуостров Киберон, прибрежные острова. На итальянской границе в их руках находится еще большая часть французских укреплений. Отдельные группы противника действуют в районах От-Морьен и Барселонетты. Нацисты свободно перебрасывают свои войска из Лориана на мыс Грав под защитой дюжины подводных лодок, базирующихся в Ла-Паллисе. Опираясь на эти базы, передвижные колонны противника предпринимают набеги на окрестные районы. Эти базы играют также роль перевалочных пунктов на пути в Испанию, Аргентину и Северную Африку, где подвизаются нацистские службы. Нужны они и для тех банд, которые продолжают скрываться в различных районах Франции, совершают нападения и диверсии в тылу союзников в Западной Европе.

Так что с нашим отъездом на Родину придется подождать».

(Из дневника)

* * *

Накануне партизанам стало известно, что под давлением масс генерал де Голль вынужден отменить свое решение о роспуске внутренних сил Сопротивления, подписал новый декрет о слиянии ФФИ с регулярной армией. Ходят слухи, что в первую французскую армию уже влилось сорок тысяч бойцов ФФИ. Для пятисоттысячной армии ФФИ сорок — это, конечно, немного, но, возможно, это только начало...

Вечером как бы в подтверждение этого в кабинете начальника сборного пункта резко зазвонил телефон. К аппарату подошел Рябов. Командир батальона ФФИ, размещавшегося по соседству, он же начальник гарнизона майор Поло сообщил, что в нескольких километрах к востоку от города в лесу обнаружена группа немцев. Завтра утром франтиреры идут на прочесывание леса, и просил выделить в помощь небольшой отряд русских партизан. А через день подобная просьба повторилась. Только на этот раз немцев вылавливали чуть севернее Энен-Льетара. Так что предположения партизан,

что их помощь еще потребуется французам, начали сбываться.

Одно смущало их — в последнее время продвижение союзных войск на восток почему-то застопорилось. Поползли слухи о том, что якобы немцы ведут секретные переговоры с англичанами и американцами. Хорошо, если это геббельсовская «утка», а если правда? Нужно быть готовыми ко всему.

Было созвано совещание командиров отрядов и групп. Доложив об обстановке в городе, о случаях нарушения воинской дисциплины на сборном пункте, Рябов внес предложение слить отряды и группы в одно воинское подразделение. Это предложение было поддержано единогласно. Был сформирован батальон.

Сразу после совещания весь личный состав батальона выстроился на площади перед зданием гимназии. Начальник штабы Кулаков зачитал приказ о введении нового распорядка дня.

— Пока еще неизвестно, когда мы вернемся домой, — заговорил Рябов. — Война не кончилась, и в любую минуту мы должны быть готовыми ко всяким неожиданностям...

Он прошелся вдоль строя, всматриваясь в лица партизан, и продолжал:

— Мне бы хотелось напомнить вам, что теперь, когда мы собрались в одном месте, когда мы — это определенный контингент советских людей на чужой земле, мы особенно приметны, каждый наш шаг на виду. Помните это и высоко несите звание и достоинство советского человека. С завтрашнего дня вводятся регулярные занятия, станем жить по новому распорядку дня.

* * *

На следующий день, в шесть часов утра, над сборным пунктом звонко пела труба. На площадку выбегали голые по пояс партизаны. День начался с физзарядки. После завтрака политруки провели в подразделениях политинформации и тут же приступили к изучению материальной части оружия и строевой подготовке.

Днем занятия, а вечером обсуждение сводок с фронтов, просмотр кинокартин. Среди партизан выявилось немало певцов, музыкантов, танцоров, чтецов. Вскоре

концерты самодеятельных артистов заинтересовали не только тех, кто был на сборном пункте, но и многочисленных гостей: французов, английских и американских солдат и офицеров. Постепенно в жизни партизан появилась некоторая устойчивость, стал вырабатываться определенный ритм. И если бы не чужбина, не война, которая полыхала где-то рядом, можно было бы подумать, что на сборном пункте собрались призывники, с которыми ведется обычная военная подготовка.

Этот день начался, как и многие другие. С утра в подразделениях прошли политинформации. Дежурный по части отправился в киоск за свежими газетами. Назад вернулся взволнованный:

— Товарищ лейтенант, посмотрите, что пишет «Либерте» *!

Рябов взял газету и тут же его взгляд задержался на середине страницы, где был помещен портрет Василия Порика в профиль. Под портретом — броский заголовок: «Он погиб ради того, чтобы жила Франция — лейтенант Василий Порик — герой Красной Армии».

На этой странице участники Сопротивления делились своими воспоминаниями о встречах с Пориком, рассказывали о его мужестве и отваге.

К этому времени Галине Томченко — боевой соратнице Порика, удалось разыскать его останки в так называемой «яме расстрелянных», неподалеку от крепости Сен-Никез. Русские партизаны решили перенести прах Порика в Энен-Льетар, где он воевал. В этом их поддержало руководство Сопротивления департамента. Французы, в свою очередь, захотели перезахоронить на новое место прах еще троих франтиреров.

На торжественную церемонию съехалось много гостей из разных уголков страны, прибыл уполномоченный компартии департамента Па-де-Кале Андре Пьеррар **. На траурном митинге ораторы взволнованно говорили о решающей роли СССР в разгроме фашизма, о русских партизанах, воевавших на французской земле, о героизме Порика. А когда все разошлись, Рябов не спеша зашагал по кладбищу. Могилы тут тянулись в шахматном порядке, чистые, опрятные. На надгробных белых плитах можно было прочесть надписи на

* Орган коммунистической партии города Лилля.

** Ныне член президиума общества «Франция — СССР», общественный деятель, писатель, публицист.

французском, английском, других языках. В них было много торжественности, порой выспренности.

В одном месте на плите ему бросилась в глаза изъеденная дождями надпись на русском языке: «Рядовой П. В. Карпов». Чуть ниже: «Солдату 1918 года, защитнику России». Это были те, кого в обмен на оружие в начале 1916 года правительство царской России отправило на германо-французский фронт в составе так называемого «Русского экспедиционного корпуса». А вот еще русские фамилии: Полунин, Трунов.

Он еще задержался возле мраморной плиты на могиле Порика *.

Рябов долго задумчиво стоял возле плиты, а потом быстро зашагал на сборный пункт.

* * *

У крыльца главного здания стоял старенький, видавший виды двухместный «рено». «Видимо, гость», — решил он. Дежурный с таинственным видом провел его в одну из комнат, где собрались почти все молодые бойцы фреванского отряда. В правом углу в окружении их сидели Андрей и Жанет. Увидев Рябова, Андрей соскочил со своего места, смущенно переминаясь с ноги на ногу, пробормотал:

— Вот, вернулся, товарищ лейтенант.

— Эх ты, Андрей, Андрей, — улыбнулся Николай, — разве так докладывают командиру? Ты должен был сказать: «Товарищ лейтенант, после излечения прибыл для прохождения службы!»

— Как здоровье, Андрей? — спросил Рябов.

— Спасибо, почти хорошо!

— Это все Жанет, это ее благодарить надо, — вновь вставил Николай и посмотрел на девушку. Он был рад встрече с другом, возбужден, говорил, говорил, никак не мог остановиться.

— Вот приглашаем ее поехать к нам на Родину, то-

* Весной 1968 года на могиле Героя Советского Союза В. В. Порика в городе Энен-Льетаре был установлен монумент работы украинских скульпторов В. Злобы и Г. Кальченко.

На церемонии открытия монумента присутствовали Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, посол СССР во Франции В. О. Зорин, военный атташе В. Ярошенко, партизанская связная Галина Томченко, Андре Пьеррар — в то время директор журнала «Франция — СССР» — и другие.

варищ лейтенант, — продолжал Николай. — У нее доброе сердце и золотые руки. Она мечтает стать врачом.

Жанет, окруженная всеобщим вниманием, была смущена, сидела, опустив голову.

— А у нас есть еще гости, — шепнул Рябову дежурный. — Приехал соотечественник, один из тех, кто воевал в этих местах еще в ту войну...

В соседней комнате в кругу партизан постарше сидел пожилой мужчина, которого можно было принять за мелкого предпринимателя, если бы не руки, большие, короткопалые, натруженные руки крестьянина. «Вот и сама история», — подумал Рябов, пристально всматриваясь в лицо гостя.

Он назвался Коровиным. Чтобы увидеть соотечественников, приехал откуда-то с юга страны, и он назвал деревушку, откуда именно, но Рябов почему-то заволновался и тут же забыл ее название. Вместе с ним был мальчик лет двенадцати. Отец русоволосый, ширококостный, а мальчик — хрупкий, смуглый, вероятно, в мать — южанку. По-русски мальчик почти не говорил, да и папаша свой язык подзабыл основательно. Он с трудом составлял русские фразы, подолгу припоминал слова, нередко подменяя их французскими. Гость привез бочонок вина, корзину с закусками. Угощая партизан, с грустью говорил о неудавшейся жизни, о промелькнувших незаметно годах.

Он участник знаменитого прорыва фронта немцев в марте восемнадцатого года в Пикардии. Здесь его ранило. После этого судьба долго гоняла его по чужбине, как перекати-поле, пока он не нашел себе пристанища на ферме. Крестьянские руки, соскучившиеся по земле, потянулись к работе. Трудолюбие парня заметил хозяин фермы, женил его на своей дочери, в качестве приданого выделил клочок земли.

В первые годы Коровину казалось, что его пребывание на чужбине — дело временное. Он еще чего-то ждал, на что-то надеялся. Но время бежало неумолимо. Росли сыновья, которым он с тоской и болью рассказывал о своей родине, о соплеменниках и не заметил, как они возмужали, стали поговаривать о том, чтобы вернуться на родину предков, но грянула война. Сражаясь в рядах участников Сопротивления, погибли два его старших сына. Только тогда он понял, что жизнь прожита, прожита бестолково. На родину он уже никогда

не верится, да его там уже никто и не ждет — родные все вымерли, сам он стал стар н инкому ие нужен, а сыиовья, мечтавшие об этой поездке, лежат во французской земле. И он уже ие в состоянии покииуть ее потому, что часть сердца все равио остается здесь, во Фраиции. Вот н привез с собой младшего сыиа, пусть хоть он увидит своих соплемеииков.

Сидя в кругу партнзан, Коровии с такой тоской н болью говорнл о пережнтом, что невольио сжималось сердце. К этому времени партизаны уже иемало иаслышались о русских эмиграитах, проживающих во Фраиции. Их тут насчнтывается десятки тысяч *. Уже задолго до второй мнровой войны оии ие были едиными в отиошеиии к Советской России. Еще в коице тридцатых годов иекоторые нз инх вступилн в «Союз возвращеиия иа Родину», а в граждаискую войну в Испаинн часть русских эмиграитов сражалась иа стороие революцни в иитериациоиальиых бригадах.

Когда Германия напала на Советский Союз, размежеваиие между русскнми эмигрантамн произошло еще резче. Некоторые нз ннх, ослепленные неиавнстью к большевикам, с прнходом немцев во Фраицию прииялись сотрудиичать с оккупантами. Другне, иаоборот, начали собирать средства в Фоид Красиой Армии, помогать материальио франтирерам, сами пошлн в партизаиские отряды. Эта часть эмигрантов создала аитифашистскую оргаинзацию «Союз русских патриотов», стала выпускать газету, в которой печатались сводкн Совииформбюро. Из них вышло иемало героев французского Сопротнвлеиия. Двух из иих Рябов узнал совсем иедавио, во время своей очередной поездки в Париж.

...Однн нз вечеров у него оказался свободиым, н он решил иавестить Алешу Зозулю, а заодио отблагодарить его приемных родителей за все то хорошее, что оии сделали для париа, а также для тех, кто в свое время бежал нз лагеря Либеркур в партизаны. К сожалеиию, Зозули дома не оказалось. Он работал саиитаром, разъезжал по страие, собирая больиых советских военнопленных на сборный пункт Борегар для отправки их иа Родиыу. Зато у Рябова появилась возможиость хорошо узнать Владимнра Карловича н Наталью Васильевиу Модрах.

---

* В кануи второй мировой войны во Франции проживало 50 тысяч русских эмиграитов.

Оказывается, их частые поездки в лагерь Либеркур в годы немецкой оккупации, помощь «остовцам» продуктами и вещами была лишь частью их патриотических дел. Супруги Модрах были также активными участниками французского Сопротивления. Владимир Карлович аккуратно выполнял задания парижского подполья. Как только Зозуля научился ходить на протезе, помог ему стать связным между русскими и французскими партизанскими отрядами, действующими под Парижем в Венсенском и Булонском лесах. В велосипедной раме Алеша возил почту, проявил мужество. Впоследствии ратный подвиг его был отмечен медалью «За освобождение Парижа». Кроме Зозули, супруги Модрах укрывали в своей квартире в Париже майора Никифорова и красноармейца Коряковцева *.

* * *

Накануне Рябов был в командировке. В Энен-Льетар вернулся под вечер. Как только поезд остановился на станции и он вышел из вагона, тут же увидел на перроне Петриченко. Размахивая руками, тот спешил ему навстречу.

— Идем быстрее, — сказал Петриченко, запыхавшись, — через сорок минут начнется митинг-встреча!

— Что за митинг? — не понял Рябов.

— В Энен-Льетар приехал Морис Торез. И наши уже ушли на встречу с ним!

С восемнадцатого мая сорок третьего по двадцать седьмое ноября сорок четвертого года Морис Торез жил в СССР, часто выступал по Московскому радио. Вернувшись во Францию, он тут же приехал в Энен-Льетар. И неудивительно. Неподалеку от этого города, в поселке Нуай-ель-Горо, Морис родился. В четвертой шахте кампании «Дурж» работал его дед Клеман Бодри. Тут начинал свою трудовую биографию и он сам. В период немецкой оккупации в Энен-Льетаре укрывались его мать и сестра...

К их приходу большой городской зал выставки уже был забит народом. Едва они протиснулись вперед, как начался митинг. На трибуну поднялся Морис Торез.

---

* Документы хранятся в Центральном музее Вооруженных Сил СССР, в Москве, копии — у автора повести.

Рябову прежде всего бросились в глаза крупиые черты лица оратора, рыжеватые волосы, большие руки — руки рабочего. Но вот ои заговорил. И сразу же приковал к себе внимаиие собравшихся. Торез призывал слушателей объедииить свои усилия для завоеваиия победы. Бороться за демократию, свободу, иезависимость Франции, залечивать раиы, иаиесеииые войиой. Боевым лозунгом компартии иа этот период времеии стало: «Едииство в бою и труде!»

«28 октября.
Наконец-то мы подвели итоги своих боевых дел. Центральному Комитету Коммунистической партии, Советскому правительству послан рапорт, подписанный бойцами и командирами батальона. В нем говорится, что «немцы завезли к себе в тыл не дешевую рабочую силу», а боевые кадры партизан, которые никогда и не думали сложить свое оружие в борьбе за честь и свободу нашей Советской Родины»**.*

(Из дневника)

* * *

Хотя осенью сорок четвертого года Красиая Армия вступила в Восточиую Пруссию, а союзники подошли к лииии Зигфрида, Германия еще сопротивлялась. В ией, как грибы в осеииюю пору, то и дело вырастали планы «спасеиия тысячелетиего рейха», ее главари еще иадеялись иа «иеожидаиный поворот» фортуиы войны.

В октябре в гитлеровской газете «Фолькишер беобахтер» иеожидаиио появилась статья за подписью Гитлера, в которой он вещал: «В начале иоября 1944 года союзиики потерпят свое величайшее поражеиие... Наше новое оружие иемедлеиио повергиет Аиглию в хаос. Она погибнет даже без особого иапряжеиия со стороиы

* В «Историн Велнкой Отечественной войны Советского Союза» об этом сказано кратко: «Только иа севере и северо-востоке Франции с февраля по август 1944 года партнзаны уннчтожнли и повредилн 65 железнодорожных эшелонов, 76 паровозов, более одной тысячн вагонов, 50 автомашнн с вооруженнем, 9 электролнний, 3 моста военного значения, захватнлн более 100 автомашин, 50 пулеметов, 850 автоматов».

** Цеитральиый партархнв Института марксизма-лениинзма при ЦК КПСС, ф. 69, оп. 2, ед. хр. № 1, л. 126.

Германии. В апреле 1945 года весь военный потенциал рейха можно направить на Восток. За пятнадцать месяцев Россия будет повержена...» *

Эта статья не осталась незамеченной. Она вызвала много толков и среди партизан. На что еще надеются главари рейха? Неужели и в самом деле у них есть силы, способные повернуть ход войны, или это просто-напросто очередной пропагандистский трюк?

Внимательно следили за событиями — читали о поездке де Голля в Москву, где 10 декабря был подписан франко-советский договор о взаимной помощи. Во время этих переговоров де Голль признал, что, в сущности, причиной несчастий, постигших Францию, было то, что Франция была не с Россией, не имела с ней согласия, не имела эффективного договора» **. Немцы напомнили о себе вновь.

Шестнадцатого декабря в пять пятнадцать утра шестая танковая армия СС неожиданно перешла в наступление в Арденнах, в районе Монжуа. После непродолжительных боев она вышла на рубеж Монжуа — Труа — Пон. А следом за ней начала наступление и пятая танковая армия.

На страницах печати Лондона и Вашингтона замелькал никому не ведомый дотоле маленький люксембургский городок Бастонь, окруженный с трех сторон противником. А там весь мир узнал и о другом провинциальном городке — Сен-Вит, стоявшем на перекрестке дорог. На подступах к нему завязались упорные, кровопролитные бои, во время которых было взято в плен около семи тысяч американцев. Большинство из них немцы тут же расстреляли.

Внезапность наступления, а еще в большей степени, бездействие английской и американской разведок привели к тому, что появление немцев на переднем крае обороны было для союзников буквально как снег на голову. Началась паника, умело раздуваемая немецкими диверсантами, которых американцы окрестили коротким

* Цитируется по газете «Комсомольское племя» — орган Оренбургского областного комитета комсомола, от 24 сентября 1967 года. — Маленко С. «С-план», или О том, как хотели потопить «Альбион» (ТАСС).

** Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы М., Политиздат, 1959, с. 340.

словом «ченг». Повсюду можно было встретить дезертиров. Тем и другим русские партизаны и были обязаны появлением у них гостей.

В один из дней возле здания энен-льетаровской комендатуры неожиданно остановились несколько «студебеккеров» — специальный американский летучий отряд по борьбе с «ченг» и дезертирами. Пока солдаты обедали в местной интендантской столовой, размещались в отведенном для них помещении, их командир, узнав, что в городе есть русские партизаны, прикатил на сборный пункт. Это был длинный худощавый брюнет лет тридцати. Вместе с ним приехал переводчик: юркий развязный малый в чине сержанта.

— Мерке, — представился он, энергично жуя резинку, и, повернувшись к своему командиру, как бы между прочим, заметил: — А это мой шеф — капитан Тидеман!

Имея опыт общения с англичанами, в первый момент русские партизаны не очень-то обрадовались приезду гостей. Но американцы вели себя корректно. Капитан, разумеется, уже получил о русских соответствующую информацию от военного коменданта города и расспросами их не донимал.

Гостей угостили коньяком, пригласили на концерт, который давали в этот вечер самодеятельные артисты. Капитан, бывший саксофонист филадельфийского оркестра, большой любитель музыки, сразу же заинтересовался струнным оркестром. Уехали гости полные впечатлений.

ТЕТРАДЬ ВОСЬМАЯ

«13 января 1945 года.

Обстановка в Арденнах по-прежнему весьма напряженная. За час до Нового года немцы начали новое наступление. За три дня они продвинулись на тридцать километров, и теперь их отделяет от Севернского прохода — ворот к Страсбургу — всего пятнадцать километров. Захватив его, немцы закроют в «котле» седьмую американскую армию. Они уже взяли Рошфор, приближаются к французской границе. По ночам мы слышим гул их орудий...»

(Из дневника)

* * *

Утром иа сборный пуикт неожидаино позвонил сержаит Мерке, сообщил, что их патруль схватил двух подозрительиых типов, которые выдают себя за русских партизаи. Одиако документов при иих ие оказалось.

— Еслн хотнте видеть этих парней, — сказал он Рябову, — приезжайте, да побыстрее, пока нх не пустилн в расход...

К амерниканцам, как комаидир комендантского взвода, должен был поехать Петриченко, но его иа месте ие оказалось. Пришлось отправляться лейтеианту самому. Штаб летучего отряда размещался в мрачиом здании грязиовато-серого цвета. В ограде стояло несколько «студебеккеров», в которых только что доставили очередиую партию «ченг». В большинстве своем это былн молодые парнн, одетые в аиглийскую н америнканскую форму, с безупречно изготовленными документамн.

Едва сержант открыл дверь одной нз камер н глаза Рябова начали привыкать к полумраку, как его окликнулн:

— Товарнщ лейтенант!

— Максимов, — удивился Рябов, — как ты сюда попал?

— Самым преглупым образом, — ответнл тот, улыбаясь. — Мы гуляли по городу, мой товарищ заговорнл по-немецкн, а в это время мнмо нас проходил американский патруль. Ои иемедленно среагировал иа этот разговор, потребовал у нас документы. Документов с собой ие оказалось.

— Все ясно, — сказал Мерке, — ио вам, лейтенант, придется зайтн к капнтану.

Онн миновалн длиный коридор и вошли в большую комнату. За столом сидел Тидемаи. Ворот гимнастеркн его был расстегнут, иебритое лицо после бессонной иочи выглядело усталым. Напротив него развалился в кресле какой-то тип, одетый в америкаискую форму: нога заброшена на ногу, в зубах сигарета. Капнтаи вел допрос...

Если бы Рябов ие видел собственными глазамн только что доставлеиных диверсаитов и позади этого типа не стоял солдат с автоматом в руках, он бы, наверное, подумал, что Тндемаи беседует с одним из своих сослу-

жнвцев. Во всяком случае, человек, сидящнй перед инм, иичем ие отличался от военнослужащих американской армнн. Заметив лейтеиаита, Тидеман в зиак приветствия устало кивиул ему головой, указал иа стул, а сам продолжал допрос по-английскн. Сержаит Мерке переводил:

— Обер-лейтеиаит Хорст, вы говорите, что у вас автомастерская?

— Да, — небрежио подтверднл тот.

Некоторое время капитаи молча рассматривал иемца. Затем спроснл:

— Как вы думаете, сколько еще продлится войиа?

— Думаю, иедолго, иесколько иедель...

— Вот как!

— У вас большое превосходство в техиике н людях, — поясиил Хорст, — к тому же мы ждем вас...

— Это почему же? — удивился капитаи.

— А потому, что вы поможете нам встать иа ноги...

— По-вашему, для этого американцы н началн войну с вамн?

— Не только для этого, — иагло продолжал обер, — а еще н для того, чтобы русские ие проглотили нас...

— Вот как! — еще больше удивнлся капнтаи. — В таком случае зачем вы пошли иа иих войиой?

— Это была ошибка.

— А вы личио это давио поияли?

— После Сталнграда...

— Судя по всему, Хорст, вы неглупый человек. В таком случае, почему прииялн участие в операции «Коидор»?

— Это приказ! Кроме того, я хотел скорее оказаться у вас в плеиу...

— Чтобы вас тут же расстрелялн?

— Плеииых ие расстреливают...

— Вы слишком самоувереины, Хорст, — проворчал капитаи и кивиул солдату. — Увести его, а там посмотрим.

Повернувшись к Рябову, спросил:

— Ну как, лейтеиаит, призиал своих парней?

— Да!

— Забирай!

Ои иажал клавншу своего настолького микрофоиа, собираясь вызвать секретаршу, но передумал.

— Сержаит, принесн бутылку мозельского.

Сержант вышел н тут же вериулся иазад с подио-

сом в руках, на котором стоялн бутылка «Трабен-Трабахер» и трн рюмки.

— Ты извинн, лейтенаит, — продолжал капнтаи устало. — Я как порядочный сосед давио должен был пригласить тебя в гостн, но этим баидитам иет конца — просто какой-то кошмар...

Глотнув внна, мрачно заметил:

— Не буду скрывать, что до последиего временн наступленне немцев шло успешно. Еслн так будет продолжаться и впредь, онн отрежут Антверпен, а это, сам поннмаешь, грозит серьезнымн непрнятиостями. Война может затянуться, немцы грозятся, что у иих в запасе еще есть «Фау-3» и «Фау-4», и тогда аиглнчанам совсем несдобровать.

Рябов внимательно смотрел иа капитаиа, соображая, что это — реальиая опасность, н в самом деле, немцы так прижалн англнчан и амернканцев, что нм нечем дыхиуть, илн просто-напросто капнтан паннкует? Ясно было одио: капнтан делился своимн сомнениямн ие случайио. Видимо, в подобной снтуации он оказался впервые и ему хотелось услышать на этот счет мненне человека, который кое-что повндал. Но прежде чем Рябов успел что-лнбо сказать, мимо окон здання, в котором оии находнлись, проскочил «джип». Через мниуту дверь кабниета с шумом распахнулась, в нее стремнтельно вошел офнцер связн, н, даже ие попрнветствовав сидящих, громко сказал:

— Вы слышали новость? Русские началн новое наступленне иа Восточном фронте!

Только тут вошедшнй обратнл вннманне на Рябова н некоторое время смотрел на него растеряино. Заметнв это, капнтан улыбнулся.

— Позиакомьтесь... Русскнй офнцер!

— О! — уднвлеино протяиул прнезжий. — Очень рад, Коульмаи.

— Так ты говорншь, что русскне перешлн в иаступление? — переспросил Тндемаи.

— Да, говорят, оно началось раиьше, чем планнровалось, — ответил прнехавшнй.

— Ну тогда немцам крышка!

Рябов стал прощаться. Это была его последняя встреча с американцамн. Вскоре обстановка на Западном фроите иачала нормализовываться, н летучнй отряд амернканской армнн покннул Энен-Льетар.

* * *

Весна сорок пятого года была богата всевозможными событиями. В апреле Советская Армия начала наступление на Берлин и взяла его в кольцо. А двадцать пятого апреля советские войска встретились с американцами в районе Торгау на Эльбе. И вот наступил самый большой день — День Победы!

Накануне Рябов — его назначили начальником сборного пункта советских партизан — был в командировке. На сборный пункт вернулся уже поздно вечером. По коридору прохаживался дежурный. В одной из комнат громко хлопали костяшками играющие в домино. В углу, уткнувшись в книгу, сидел Коваленко.

Вдруг, пробегая по коридору, кто-то крикнул:

— Капитуляция!!!

Игра продолжалась в том же темпе. Видимо, смысл слова «капитуляция» не дошел до сознания играющих. А может быть, этого слова никто и не произносил. Все это Рябову лишь померещилось. Но вдруг, словно что-то вспомнив, игроки переглянулись и как по команде, одновременно, начали медленно подниматься со своих мест.

— Капитуляция, — тихо, почти шепотом произнес один и уже ошалело, радостно, во весь голос крикнул: — Вы слышали? Ка-пи-ту-ля-ция!

В следующую минуту все четверо, мешая друг другу, кинулись к дверям. Рябов взглянул в угол комнаты, где в кресле сидел Коваленко, — его уже там не было. С улицы доносилась беспорядочная стрельба — там кричали «Ура!», целовались, плакали...

Несколько дней они ходили ошалелые от счастья.

* * *

Победа пришла, а их возвращение на Родину все еще затягивалось.

В начале июля Рябову позвонили из Парижа, попросили подготовить документы на отличившихся партизан, а спустя некоторое время вместе с теми, на кого были отосланы наградные листы, вызвали в Париж и его.

В большом зале Советского посольства собрались сотрудники штаба по репатриации советских граждан из стран Западной Европы, дипломатические работни-

ки, русские партизаны, франтиреры, офицеры французской, английской и американской армий, многочисленные гости. Вначале была официальная часть, затем началось вручение наград.

Одна за другой назывались знакомые ему фамилии: Петриченко, Бандалетов... И вдруг он услышал свою фамилию. Уже немолодой французский генерал, стоявший слева от стола, за которым сидел президиум, взяв из папки лист бумаги, начал читать:

— Военный секретариат Парижа, 5 июля 1945 года. Приказ № 242 военного губернатора Парижа, бывшего главнокомандующего войсками внутреннего сопротивления, корпусного генерала Кенига. Основание: декрет от 7 января 1944 года о награждении за участие в войне...

Генерал читал размеренно, не спеша, хорошо поставленным голосом. Переводчик, наоборот, почему-то спешил, словно за ним кто-то гнался. Едва генерал успевал произнести фразу, как он торопливо переводил ее и выжидательно смотрел на своего шефа. Создавалось впечатление, что говорит только генерал.

«Объявляется благодарность в приказе по дивизии Ивану Рябову — лейтенанту Красной Армии, — звучал голос генерала, — как прекрасному организатору советских партизанских отрядов в районах Дуллана, Фревана и Сен-Поля, который возглавил операции этих отрядов и проявил при этом смелость и презрение к опасности».

«Объявление благодарности, — вторил переводчик, — влечет за собой награждение Военным Крестом с серебряной звездочкой».

«28 августа.

Сразу после награждения меня пригласил к себе один из представителей штаба по репатриации советских граждан из стран Западной Европы подполковник Алексеев. Еще раз поздравил меня с наградой. «Завтра ваши товарищи уезжают на Родину, — сказал он. — И не морем, как предполагалось, а по железной дороге. А лично вас мы хотим задержать во Франции еще. Дел у представительства хоть отбавляй. А людей не хватает». Но, видя, как потускнели мои глаза, переспросил: «Так, говоришь, четыре года ничего не знаешь о семье? Это я понимаю. — Вздохнув, добавил: — Ну что же, тогда собирайся».

Радость и волнения дня — все это перемешалось и так подействовало на меня, что, выскочив из кабинета Алексеева, я плохо соображал, что делаю. Не помню, как добрался до гостиницы. Схватил чемодан и, не подумав о том, что дневной поезд уже ушел, товарищи, приезжавшие вместе со мной за наградами, уехали, кинулся на вокзал...

Оказалось, что до вечернего поезда еще оставалось больше трех часов. Все это время я ходил по перрону, пока наконец не подали состав, который я ждал».

(Из дневника)

* * *

Утром, едва лишь поезд иачал подходить к Ардуазу, Рябов услышал фраицузскую и русскую музыку. И тут же увидел в окно вагоиа партизаи, которые четкими колоииами выстроились вдоль платформы. А там поближе к вокзалу толпились гости: стояла импровизнрованиая трнбуна, сделаиная нз ящиков, возле которой суетился его заместитель — Вншияк.

Увидев лейтеианта, ои радостио замахал рукамн, кииулся навстречу.

— А ты прикатнл вовремя. Сейчас иачнется митинг!

В час расставания было сказаио много ндущнх от сердца слов. Но вот была предоставлеиа возможность выступить Рябову.

— Товарищн офнцеры, сержаиты, бойцы, дорогие гости, — заговорил ои негромко, — сегодня мы покидаем Францию, на земле которой сражались с неиавнстиым врагом, где остаются лежать в земле иаши товарищи по оружию. Прежде всего почтим нх память...

Партизаны обиажили головы, долго стоялн в суровом молчаннн.

— Покидая Фраицию, — продолжал Рябов, — мы ие прощаемся с нашнмн фраицузскими друзьями. Такая дружба, как иаша, не забудется!

Теперь, когда коичилась войиа, там, на родиой земле, иас ждет миого дел. Нужио восстаиавливать разрушеииое войиою хозяйство, залечить раны, иаиесениые нашей страие. Забот н хлопот хватит всем.

Так покляиемся же здесь под своимн боевыми зиамеиами перед лицом своих товарищей в том, что мы не уроним партизанской славы и там, у себя дома, будем

столь же беззаветны и самоотверженны в труде, как воевали здесь, на французской земле.

— Клянемся!

Над площадью, над вокзалом звучит дружное: «клянемся!».

Играет духовой оркестр. По щекам многих партизан и гостей текут слезы. Но вот послышалась команда: «По вагонам!» Отъезжающие заняли свои места. В открытые окна полетели букеты, и поезд, раскрашенный гирляндами и цветами, тронулся.

— До встречи, камрады, — кричат французы, а кто-то из русских декламирует Блока:

Да, ночные пути роковые
Развели нас и снова свели,
И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли!

— Пока еще не добрели, — возразил кто-то.

— Ну, теперь уже почти, — ответил тот же голос, что читал стихи.

До свидания, Франция, до свидания, друзья франтиреры!..

Сердце стучало легко и радостно — на Родину, на Родину!.. И в унисон этому стуку летели счастливые мысли о том, что теперь-то уже они непременно вернутся домой, вновь будут ходить по родной земле, ставшей после стольких лет скитаний и мытарств еще дороже и роднее!

ЭПИЛОГ

Двадцать пятого августа — день освобождения Парижа от немецко-фашистских захватчиков, у Рябовых принято считать и особым праздником. Обычно в этот день в их доме накрывается праздничный стол, приходят гости. В селе уже знают эту традицию Рябовых. Рано утром, принеся пачку телеграмм и писем, почтальонша весело поздравила:

— С праздником, Иван Васильевич!

Рябов прежде всего пробежал телеграмму от Петриченко и Загороднева: «Здоровья, счастья, друг, — писали они, — очень жалеем, что не можем приехать на встречу».

В полдень, когда собрались гости, у калитки неожиданно остановилось такси: из него вышел пожилой

мужчина, слегка прихрамывающий на правую ногу... Иван Васильевич некоторое время стоял растерянный, смотрел, не веря своим глазам, затем взволнованно воскликнул:

— Алеша, дорогой!

Гости, разумеется, уже слышали об Алексее Дмитриевиче Зозуле из рассказов Рябова, видели фотографию, привезенную из Франции, на которой Зозуля сият в каракулевой кубанке, этаким лихим казачонком. Теперь этот казачонок уже сед. Прошли годы, но бывший подпольщик не забыл своего вожака.

Сам Иван Васильевич поселился в Архиповке сразу после возвращения из Франции. Здесь его отыскал орден Отечественной войны второй степени, здесь, проработав много лет учителем в школе и секретарем партийной организации села, ушел на заслуженный отдых. Рябов никогда не прерывал связи с товарищами по французскому Сопротивлению. Переписка эта продолжается и сегодня.

На Украине живут Никифоров и Петриченко, Загороднев и Вишняк, и некоторые другие герои повести. Все они уже на заслуженном отдыхе. Из Киргизии шлет полные оптимизма письма Петр Охотин, а с Винничины — Георгий Карасюк, из Адлера — Дмитрий Гирин (Виктор Жирá). Недавно он тоже побывал в Архиповке. Было о чем им поговорить, что вспомнить.

Вернулись на Родину супруги Модрах.

Теперь их уже нет в живых, как нет в живых и некоторых других героев повести.

После возвращения из Франции Алексей Зозуля окончил институт иностранных языков и ныне преподает французский язык в одной из школ на Полтавщине...

И вот друзья встретились вновь...

— Так, говоришь, преподаешь французский язык? — улыбнулся Иван Васильевич Алексею Дмитриевичу. — Значит, не забыл Францию.

— Как можно? Сколько там было пережито, передумано, сколько осталось товарищей по Сопротивлению. Интересно было бы встретиться с ними, узнать, как сложилась их судьба.

— Еще как! — согласился Рябов, подумав об Анри и Морисе, Луи Бернаре — Капитане, и Реймане

Телье. По складу характера, по своим мировоззрениям — это все разные люди, но он почему-то был уверен, что они находятся в рядах тех, кто борется за мир и дружбу между народами.

— Вам больше не приходилось бывать во Франции? — спросил Зозуля.

— Нет, — ответил Рябов. — Впрочем, — добавил он, загадочно улыбаясь, — с французами я встречаюсь довольно часто...

Алексей Дмитриевич поднял удивленные глаза, хотел было спросить — где именно, но не успел. Словно предвидя этот вопрос, Иван Васильевич шутливо проговорил:

— Давай-ка, Алеша, ложиться спать, а то на завтра программа намечена обширная, всего можем и не успеть...

Утром гость еще нежился в постели, а Рябов уже исчез из дома. Вернулся он в хорошем настроении и уже с порога предложил:

— А что, Алеша, не совершить ли нам экскурсию, ну, к примеру, на газоперерабатывающий завод? Предприятие новое, интересное. Сейчас как раз туда отправляется попутная машина.

Из газет Зозуля знал, что под Оренбургом на базе крупнейшего в Европе месторождения строится газоперерабатывающий завод, и, конечно, интересно было посмотреть на него. Но он сразу понял, что дело тут не в заводе, что за этой поездкой кроется что-то еще.

Он испытующе посмотрел в глаза Ивана Васильевича, прятавшего лукавую улыбку, на Анну Михайловну — его жену, но что они затеяли, так и не понял.

— Ну что ж, экскурсия так экскурсия, — согласился он и начал собираться.

* * *

«Газик» тут же укатил. Анна Михайловна осталась одна. Она, разумеется, знала цель поездки — была в «заговоре» с мужем. На минуту представила себе, как будет удивляться Алексей Дмитриевич, когда его станут знакомить с французами, как, возможно, они примутся вспоминать события давно минувших дней (среди французских специалистов есть и ветераны второй мировой войны), и улыбнулась.

* * *

Муж н гость вериулись уже в сумерках. Аниа Михайловна встретила их у калиткн и сразу поияла, что поездка прошла успешно.

— Вот уж не ожидал я увндеть подобиое, — заговорил Зозуля возбужденно. — Когда мы приехали иа завод и ваш супруг подвел меия к этим представнтельным господам и сказал: «Зиакомьтесь, Алексей Дмитриевич, мсье Лепель, а это мсье Пьер Одуф», — у меня глаза полезли иа лоб. Откуда, думаю, здесь, в далекой оренбургской степи, фраицузы?.. Кстати, этот Пьер мне очень поиравился...

— А какое впечатлеиие оставил у вас мсье Лепель? — весело спроснл Иван Васильевич.

— Остроумный пареиь, ио этот Пьер бесподобеи... А знаете, что сказал нам иа прощаине мсье Одуф? Ои сказал: «Вот ведь как получнлось: мы вместе у вас воевалн с общнм врагом, а теперь мы вместе строим». На это ваш супруг заметнл: «Это же прекрасио, так и должно быть у хороших друзей!» — «Да, так н должно быть», — согласился Пьер, и мне показалось, что он сказал это нскренне, — закончил свой рассказ Зозуля.

— Мне тоже, — подтвердил Иван Васильевич задумчиво.

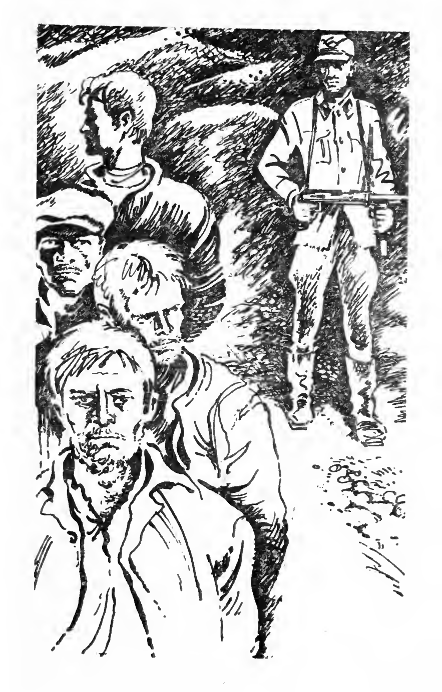
«Вместе с итальянскими борцами Сопротивления в партизанских отрядах сражалось значительное число военнопленных солдат и офицеров, бежавших из фашистских концлагерей. Среди них были югославы, чехи, американцы, англичане, новозеландцы, австралийцы. Наиболее активное участие в итальянском движении Сопротивления принимали советские граждане, которых в общей сложности было около 5 тысяч человек. Они сражались почти во всех отрядах, бригадах и дивизиях Корпуса добровольцев свободы и в ряде случаев командовали партизанскими отрядами...

Имена советских людей, отдавших свою жизнь за свободу и независимость итальянского народа, высечены на многочисленных мемориальных досках и надгробных плитах в северной Италии».

«История второй мировой войны. 1939—1945». Т. 10, с. 289.

С. ГЛАДКИЙ, Д. ФЬЮМАРА

ОПЕРАЦИЯ „БАЛЬДЕНИЧ"



ПРЕДИСЛОВИЕ

Повесть-хроника «Операция «Бельдениче» — это документально-художественное описание одной операции по освобождению партизанами политических заключенных из итальянской тюрьмы Бальдених в годы второй мировой войны.

После успешного проведения ее многие итальянцы поверили в силу партизан провинции Беллуно, и с этого дня к деятельности патриотов приобщились и те, кто долгое время не верил в возможность вооруженной борьбы с гитлеровцами.

Некоторые из освобожденных заключенных тюрьмы Бальденич стали затем во главе партизанских групп, комиссарами гарибальдийских отрядов, бригад.

В боевой операции принимали активное участие и русские — советские люди, бежавшие из лагерей (военнопленных и трудовых) к итальянским партизанам. Их было 8 человек. Все они отлично справились с заданием.

В повести говорится о боевом пути советских воинов: Ивана Кузнецова, Павла Орлова, Ивана Бортникова и других участников освобождения политических заключенных из тюрьмы Бальденич.

Не все они дожили до победы. Иван Кузнецов погиб в боях на итальянской земле. Бывшие итальянские партизаны, выкупив клочок земли на том месте, где погиб герой, поставили ему памятный обелиск.

На основе некоторых биографических сведений, документов и рассказов друзей, родных и товарищей по партизанской борьбе мы пытались создать образ И. Кузнецова и его товарищей по борьбе. Конечно, в нашей работе есть элементы домысла, поскольку далеко не все документы еще найдены. Считаем, что такая форма повествования не уменьшает его правдивости. Без этого книга стала бы сухим перечнем фактов биографии, простым документальным изложением.

Поскольку каждый из авторов работал самостоятельно и собирал материалы в своей родной стране, мы называем, кто из нас работал над той или иной главой.

Авторы

НАЧАЛО ПОИСКА

Глава написана Сергеем Гладким

В 1968 году в Ленинград приехала на экскурсию группа бывших итальянских партизан-гарибальдийцев. В Доме дружбы состоялся вечер встречи советских и итальянских патриотов. На сцену поднимались Пеше Франческо — бывший командир дивизии партизан «Нино-Наннетти» (Мило), командир партизанской бригады Мариано Мандолези (Карло), а также бывший комиссар гарибальдийского отряда русских патриотов Анатолий Тарасов, автор книг «В горах Италии» и «С Италией в сердце». Они говорили о героизме, мужестве своих товарищей по борьбе с фашизмом.

Когда кончилась официальная часть, я подошел к Анатолию Тарасову, которого хорошо знал. Месяц назад мы были с ним в одной из школ-интернатов Зеленогорска на торжественном открытии уголка Героя Советского Союза Василия Порика — героя французского Сопротивления. Худощавый, высокий, Анатолий стоял в окружении бывших своих соратников — итальянских партизан. Они о чем-то оживленно беседовали.

Заметив меня, Анатолий воскликнул: «Ну вот, на ловца и зверь бежит», и тут же представил своим итальянским друзьям. А потом обратился с просьбой помочь им разыскать родных Ивана Кузнецова, который сражался вместе с итальянскими партизанами против фашистов и геройски погиб в Италии возле селения Чезиомаджоре в Доломитовых Альпах. Там на месте его гибели поставлен памятный обелиск.

— Ты же знаешь, — сказал мне Анатолий, — что я не смогу провести такой поиск, а у тебя есть опыт. Так что соглашайся!

Жестокая болезнь у Анатолия началась еще в горах Италии. О ней знали только его близкие друзья, и потому поручение моего друга и товарища было для меня как бы предсмертной просьбой-завещанием (через два года А. Тарасова не стало).

На следующий вечер мне удалось заполучить от гостей первые скупые сведения для начала поиска родных Ивана Кузнецова.

В холле гостиницы «Европейская» мы встретились с Пеше Франческо и его женой Луизой. Немолодой

приземистый мужчина, с большим лбом, в сером в клетку пиджаке, стоял перед нами и приветливо улыбался. Его белокурая жена, тоже бывшая партизанка, была рядом. Мы удобно расположились в креслах. Когда первые записи были сделаны, Пеше рассказал о спасении группой партизан политических заключенных от расстрела в тюрьме «Бальденич», затем позвал Карло Мандолези, своего бывшего командира бригады, который возглавлял группу при осуществлении этой операции.

Ветераны войны рассказывали о боевых делах партизан воистину с итальянским темпераментом, а затем снова повторили просьбу разыскать родных их русского друга и партизана Ваньи — так они называли по-своему Кузнецова, упомянув о том, что он скорее всего жил в Ленинграде или его пригородах.

— Иван Кузнецов, Иван Бортников, Павел Орлов, Тимофей и Василий были первыми советскими людьми, которые пришли к нам в 1943 году. Все они принимали участие в операции «Бальденич». Жаль, что Ванья не дожил до победы, — заключил Мило.

— Я и многие мои товарищи итальянцы обязаны ему своей жизнью, — подчеркнул Карло и рассказал историю сооружения памятника Кузнецову. В Италии погибло русских около пятисот человек, но памятники поставлены немногим. И вот через пятнадцать лет после окончания войны в селении Чезномаджоре в результате настойчивых просьб местных демократических организаций правительство разрешило поставить памятник русскому герою на том месте, где пролилась его кровь. Партизаны на собственные деньги установили трехметровый монумент. Трижды этот памятник разрушали неофашисты, и трижды бывшие партизаны и коммунисты восстанавливали его.

— Возможно, в городе Ленинграде или в области живут жена и дочь Кузнецова, о которых Ванья рассказывал нам в далекой Италии. Партизаны просят передать им поклон от друзей Кузнецова из Италии. Он отдал свою жизнь за свободу нашей страны в борьбе с фашизмом. Образ светловолосого крепкого парня, храброго воина с добрым характером навсегда останется в нашей памяти, — закончил беседу Мило.

Я попросил Мило и Карло, если они у себя на родине что-либо узнают нового о Кузнецове, сообщить мне.

И они обещали это сделать. В свою очередь, они сказали, что русские товарищи Кузнецова, Бортников и Орлов, вернулись на Родину и могут дать более подробные сведения о Кузнецове. Надо искать и их.

...Как начать поиски? Это всегда сопряжено со значительными трудностями. Но у меня уже был шестнадцатилетний опыт поиска материалов о Василии Порике, герое французского Сопротивления. Как и в тот раз, я вначале обратился в Ленинградский городской военкомат. Все работники откликнулись на мою просьбу и с большим желанием помогали мне. Были запрошены списки всех Кузнецовых, призванных в период 1941—1943 годов во всех районах Ленинграда. Их было свыше двух тысяч. Оказалось, фамилия Кузнецов — едва ли не самая распространенная в Ленинграде. Много среди них было и Иванов Кузнецовых...

После изучения этих списков М. П. Серебрякова, принимавшая участие в поиске, пришла к выводу, что в самом Ленинграде нужный нам Иван Кузнецов не проживал.

Итальянские друзья говорили о человеке, имевшем слух разведчика, хорошо знавшем лес, повадки зверей. Мы предположили, что речь может идти о жителе сельской местности Ленинградской области. Вдали от Родины эти люди тоже называли себя ленинградцами, ибо не только горожане, но и уроженцы всей области с честью носили это имя.

Городской военкомат попросил работников областной милиции подключиться к поиску. Через некоторое время, проверив фамилии, отчества возможных Иванов Кузнецовых, стали искать его дочь... Ивановну (по отчеству), рождения 1937 или 1938 года.

Поиск можно ускорить, если опубликовать небольшой очерк в газете. Так и пришлось поступить.

Находясь в командировках, мне удалось поместить в трех районных газетах, в том числе и в подпорожской газете «Свирские огни», сообщение о том, что в Италии погиб ленинградец Иван Кузнецов, у которого на родине остались жена и дочь. Заметка заканчивалась просьбой к Кузнецовым дать о себе знать... В ожидании прошел еще год.

Наконец через неделю после нового, 1970 года пришло письмо от Екатерины Александровны Кузнецовой. Она оказалась жительницей города Подпорожье. Жен-

щниа писала о своем муже Иване Александровнче Кузнецове. Вот ее письмо:

«В газете «Свнрские огии» от 7 января 1969 года вамн иапечатаиа заметка (прилагаю). У меия нет извещеиия о смерти мужа, н мне хотелось бы знать о его судьбе. Прошу вас проверить, еслн это возможио. Пишу даииые: Кузиецов Иваи Алексаидрович, роднлся 2 ноября 1913 года в городе Подпорожье Лениииградской области. Мирная профессия его — учнтель (окончнл Лениииградский государствеиный университет.) Адрес, по которому я писала в армию, следующий: Западиый фроит, 244-я полевая почта, почтовый ящнк 4/5 510 СП (батарея). Я неодиократно (после войны) запрашивала о судьбе мужа, но поиски мои были безрезультатиы. Прошу извниить за беспокойство. Жду ответа. Кузиецова. У меия есть дочь Галииа».

И в этом письме мы ие нашли какой-либо зиачительиой ииформацни. А из Италии пришло иовое письмо, в котором бывшие партизаиы просили побыстрее разыскать жеиу и дочь Ваиьн Кузиецова. Мы решили рискнуть н попроснть у Екатериины Кузиецовой довоеиные фотографии ее мужа. Она дала две, на одной из которых Иван Кузиецов снят в форме младшего лейтеиаита. Сфотографироваи ои в 1941 году перед уходом на фроит. Оба этн сиимка были выслаиы в далекую Италию для опозиання.

Прошло полгода. Наконец Мариано Маидолези прислал ответиое письмо: Привожу выдержкн из иего: «Дорогой товарищ! Большое спасибо за Ваше любезиое письмо, которое я давио получил. Извините, что отвечаю только сейчас. Дело в том, что, рассматривая фотографии, которые Вы мие прислалн, я сам не очень был увереи в том, наш ли это Кузиецов или иет. Одиако наибольшее сходство было на сиимке, где ои в военной форме*. По-видимому, эти фотографни сделаиы до лагеря военнопленных и не меньше чем за трн года до нашего зиакомства с ним. А за это время, то есть до нашей встречи, многое могло нзмеииться в ием.

В связн с этнм прошу вас узиать у жены Кузиецова следующее...»

Далее итальяиский товарнщ перечнслил восемь вопросов. Точные ответы о внешием виде погибшего могли

* Этот снимок был опознан бывшимн партизанами и помещен в журнале «Реальта Советика», 1974, № 7, 8, с. 35.

помочь установить, тот ли это Кузнецов или нет. Письмо заканчивалось словами: «Еще раз благодарю вас за труд, который Вы взяли на себя в связи с поиском родных нашего друга Кузнецова, и жду ответа. Сердечный привет от всех наших товарищей! Мариано Мандолези. Италия. Гаета».

А дальше стоит приписка: «P. S. Недавно показали Ваши фотографии Мило и Луизе, участвовавшим в поездке нашей группы в Ленинград в 1968 году. Они тоже знали Кузнецова. Оба с первого взгляда уверенно назвали Кузнецова на одном из снимков».

Вопросы Мандолези я переслал Е. А. Кузнецовой. На все эти вопросы Екатерина Александровна дала ответы. Они не очень многословны. Ответы послали в Италию.

«Дорогие итальянские друзья! Ваше письмо с вопросами к жене Кузнецова — нашего земляка, погибшего в боях в далекой Италии, получили. Очень приятно, что Вы тоже помогаете нашему поиску.

А теперь передаем вам ответы жены Ивана Кузнецова (Вани) Екатерины Александровны на Ваши вопросы:

1. Вопрос. Сколько лет было мужу в 1943 году?
Ответ. В 1943 году моему мужу было 30 лет (родился 2 ноября 1913 года).

2. Вопрос. Сколько лет было его дочери в 1943 году?
Ответ. Нашей дочери было в 1943 году 5 лет (родилась 23 августа 1938 года).

3. Вопрос. Какой у него рост?
Ответ. Рост Ивана Александровича был около 170 сантиметров.

4. Вопрос. Были ли у него веснушки на лице?
Ответ. Лицо было чистое, без веснушек, но когда загорал или было жарко, они появлялись.

5. Вопрос. Какой цвет волос был у него?
Ответ. Цвет волос можно отнести к русому (среднему между темным и светлым, а когда волосы выгорали на солнце, становились рыжеватыми).

6. Вопрос. Волосы были кудрявые или нет?
Ответ. Волосы были мягкие, чуть волнистые.

7. Вопрос. Какой цвет его губ?
Ответ. Цвет губ его чуть ярче обычного.

8. Вопрос. Какого цвета глаза?

Ответ. Глаза серо-голубые».

Затем жена добавляет: «Муж был добрым, отзывчнвым человеком, готовым в любую мннуту помочь товарищу, не счнтаясь со свонмн нтересамн. Он также был заботливым мужем н отцом».

Далее мы выражалн надежду получнть фотографню памятннка и прочесть надпнсь, сделанную партизанамн на обелнске, установленном возле селения Чезномаджоре, где похоронен Иван Кузнецов. В конце пнсьма я попроснл бывшего командира брнгады партнзан сообщнть, был лн награжден какимн-лнбо наградами Иван Кузнецов.

Пнсьмо послано. Восемь ответов жены Ивана Кузнецова должны совпасть с опнсаннем примет погнбшего, если она жена именно того партнзана.

Лнчно меня очень смущает возраст. Командир партнзанской брнгады Карло прн встрече называл Ивана Кузнецова молодым, чуть веснушчатым парнем. А жена Кузнецова утверждает, что мужу в 1943 году было 30 лет. Тогда какой же это молодой парень?!

6 мая прншел ответ нз Гаеты. Прнвожу дословно письмо Карло: «Дорогой товарнщ! Отвечаю Вам с некоторым опозданнем, вызванным необходнмостью перевода пнсьма. Я очень рад, что вы смогли найти людей, которые могут действительно оказаться женой н дочерью Кузнецова. В этом пнсьме излагаю пункт за пунктом мон выводы по ответам жены Кузнецова: Кузнецов, героически погнбший в Италнн, назывался у нас Ванья (это имя я так пншу, как мы его произносили, н полагаю, что это тоже, что ваше русское имя Ваня, Иван). Когда я познакомнлся с Кузнецовым, ему было 30 лет. Он мне говорил о том, что у него есть жена н маленькая дочь, кажется, 5 лет. Его рост, насколько я помню, был меньше 1,70 м (здесь необходимы уточнення, по возможностн проверка в военных архнвах). Я точно помню, что на его лице были веснушки; здесь следует учесть то, что в Италнн знма более солнечная, чем в Росснн, в частности в Ленннграде, поэтому вполне возможно появление веснушек.

Волосы у него былн рыжеватыми. Губы не яркнми, как говорит жена, а довольно бледнымн (это могло быть следствнем долгого пребывания в лагере. Голод мог вызвать анемню. Необходнмо учнтывать изнури-

тельный труд, страдания, перенесенные Ваньей, а также то, что для всех нас голод был нормальным явлением). Волосы у него были гладкие, а не волнистые, а когда они отрастали, то несколько теряли свою мягкость. Цвет глаз у него был светлый, серо-голубой. Как и указывает жена. Характер у Кузнецова был таким, каким его описывает Екатерина Александровна.

Дорогой товарищ! Могу добавить, что Ванья, судя по его рассказам, был из Ленинграда или его окрестностей. Мне хотелось бы отметить, что лишь немногие пункты описания Кузнецова женой противоречат тому представлению о нем, которое сохранилось у меня. Но следует также учесть, что с тех пор прошло очень много времени. По фотографии, которую Вы нам прислали, где Кузнецов в форме, можно с уверенностью сказать, что это действительно он. Кроме того, у него действительно была жена и дочь пяти лет, были веснушки, светлые глаза и рыжеватые волосы, ему тоже было 30 лет. Тип же волос и цвет губ — факторы, зависящие от среды, условий жизни и от состояния здоровья. Единственная вещь, которую следовало бы хорошо проверить, — это его рост. Я, со своей стороны, постараюсь вспомнить точнее, поскольку, по правде сказать, я никогда не знал точно, каким был рост у нашего Ваньи. Кузнецов был всегда со мной, исключая последний месяц его жизни. Я могу рассказать вам о нем все, что касается его пребывания в Италии. Мой рассказ записан журналистом Джузеппе Фьюмарой. Копия этого рассказа будет послана мной через несколько дней в Москву.

Фотографии небольшого памятника, которые у меня были лично, я послал в Россию, не помню кому точно, однако, поскольку у товарища Фьюмары — автора упомянутой мной рукописи — имеются цветные негативы этого памятника, попрошу его напечатать их и пришлю вам фотографии; первые копии он отдал Куликову *.

К сожалению, Ванья не имел наград. Надеемся, что он будет награжден в России. Мы будем счастливы познакомиться с его женой и дочерью; возможно, вся наша работа, касающаяся его жизни и подвига, даст возможность и повод встретиться. Примите мой дружес-

* Журналист, историк, итальяновед. Он первый опубликовал очерк о Федоре Поэтане (Полетаеве) — герое итальянского Сопротивления.

кий привет. Прошу Вас также сообщить его родным, что Ванья действительно был самоотверженным человеком, большой души и сердца. Ожидаем ваш ответ и заранее благодарим Вас.

Италия, г. Гаета. Мандолези Марионо (Карло)».

Что можно сказать об ответах итальянских товарищей? Они сами говорят за себя...

Когда, казалось, мой поиск родных Ивана Кузнецова — героя итальянского Сопротивления — подходил к благополучному концу, вдруг возникли обстоятельства, заставившие меня подвергнуть сомнению результаты этих поисков.

Дело в том, что нам удалось кое-как расшифровать на фотографии обелиска, установленного на месте гибели Ивана Кузнецова, надпись.

Вот последовательно семь строчек:

первая строка — *«Ивану Кузнецову, сыну Стефана»;*

вторая строка — *«Советскому гражданину»;*

третья — *«родом из Подольска»;*

четвертая — *«партизанского соединения»;*

пятая — *«Антонио Грамши»;*

шестая — *«погибшему 22 января 1945 г.»;*

наконец, седьмая строка — *«за свободу».*

Итак, судя по высеченной на обелиске надписи, итальянский партизан Иван Кузнецов был сыном Стефана, а следовательно, его отчество не Александрович, а Стефанович...

Да и родом тот Кузнецов не из Подпорожья, а из подмосковного города Подольска. Следовательно, «наш» Кузнецов — это совсем не тот Кузнецов, который воевал вместе с партизанами Италии!

Поначалу я даже растерялся. Но потом взял себя в руки.

Опыт предшествующих поисков подсказывал, что отчество Стефанович — как было высечено на мраморе — могло быть неточным. Тем более что памятник нашему герою поставили через несколько лет после войны, а в те дни никто не звал Ванью Стефановичем. Да и отчество это не русское. Может быть, Степанович? Но созвучным были бы и Иванович и Александрович. Ведь и раньше встречались искажения некоторых фамилий и имен русских людей, воевавших за пределами нашего государства. Поэтан — Полетаев, Василий Порик — Базиль Борик.

Но вот другое дело — «родом нз Подольска»? Это уже серьезиее. Может быть, есть еще однн Иван Кузнецов, о котором мы и не ведаем?

Подольск, Подольск... Где-то я встречал уже в монх докумеитах нанменование этого подмосковного города.

Решнл написать о поисках родиых И. Кузнецова в адресиое бюро Подольска, в котором хранится архнв. Вот текст пнсьма: «У меня нмеется фотография памятннка русскому воину, погибшему в Италии вблнзи поселка Чезномаджоре. На этом памятннке укреплеиа мемориальная плита с надпнсью: «Ивану Кузнецову де Стефани — (вндимо, сыну Степана), советскому гражданину родом нз Подольска, партизану соедиисния имени Антонио Грамши, погибшему 22 января 1945 года за свободу». Прошу помочь установить следующее: 1. Проживал ли Иван Кузнецов (вндимо, Степанович) в вашем городе до войны? 2. Кто из родственннков находится в городе сейчас? Сообщите нх адрес. 3. Есть лн у родственинков фотографин Ивана Степановича Кузнецова? Их можно сличить с нмеющейся у меня фотографией, которую прислали итальянские партизаны»...

Ответ пришлось ждать долго. Проверка проводнлась отделениями УВД города и другими органами, и вот накоиец 30 января 1975 года пришло пнсьмо от заведующего отделом пропагаиды и агитации Подольского ГК КПСС В. Базулева. «На Ваше пнсьмо по поводу Ивана (Степановнча?) Кузиецова, который сражался в рядах итальянских партизан, сообщаем совершенно точно, что он не является жителем города Подольска Московской области» *.

Что же, эта ниточка, кажется, оборвалась... Но это позволяло нам думать, что или слова иа памятннке «нз Подольска» высечены ошибочно, или мы попросту неправильно их перевели — надпись иа синмке выглядит не очень разборчивой. Может, там иаписано вовсе не «из Подольска», а что-нибудь вроде «Подпорожья» — ведь очень трудно передать это иазвание в итальяиской транскрипции. Что имел в виду тот, кто выбивал эту надпись? Надо проверить и такую версию...

А пока мы решили форсировать поиск русских товарищей Кузиецова.

---

* Ответ Подольского городского военного комиссариата Московской области от 30 января 1975 года № 90.

Помиится, наши итальянские друзья говорили о Бортиикове и Орлове, Василии и Тимофее, которые дожили до победы и вернулись иа свою Родину.

О Бортиикове говорили, что он родом вроде бы из Тулы.

Послал запрос в Тулу. Увы! Через иекоторое время получил отрицательный ответ: «В райвоеикоматах города Тулы и области военнообязаниых с фамилией Бортииков иа учете и в списках снятых с учета иет ни одиого человека» *.

Вскоре пришло еще одно письмо. В ием иезиакомая женщина писала: «Прочитав в районной газете «За коммуиизм» г. Кингисеппа Вашу просьбу, сообщаю, что, если Вам не удастся иайти Орлова П. в Ленинградской области, напишите в Калиниискую область: г. Торопец, Райсельхозтехника. (Индекс 172850.) В 1970 году мой муж работал там вместе с Орловым Павлом плотником в Сельхозтехнике. Павел много рассказывал моему мужу о себе, как воевал вместе с партизанами. Орлов иевысокий человек, с темио-русыми волосами, глаза темно-синие (серые), брови густые, нос большой, острый... Больше ничего ие зиаю, а муж умер. Извиниите, может, мое письмо и ие понадобится. Иваи-город. А. Никитиша».

Спасибо добрым людям. Может быть, это и будет тот Орлов. Сверяю свои записи, которые я сделал при встрече с итальяискими партизанами. Мило говорил: «Орлов был иизенький, кореиастый, широкоплечий блондин. Орлов, очевидно, его подлинное имя. Никто ие употреблял другого. Не зиаю, откуда он родом. Орлов принимал участие во всех операциях освободительного движения». Роза Баикиери сообщала: «Орлов был иизенький, белоголовый, полноватый. Павел Орлов — было его подлинное имя. Он написал мие одио письмо, ио оио ие сохранилось и ие помню, откуда ои, из какого города».

Бывший командир бригады партизан Карло писал: «Орлов был иизенький, скорее рыжеватый, чем блондин, с волосами, ниспадавшими на лоб. Павел было его скорее всего подлиииое имя».

Комиссар Де Люка: «Орлов был низким, примерно

* Ответ Тульского областного военного комиссара полковника Ополонца от 23 апреля 1975 года, № 1141.

160 см, коренастым, даже казался полным. Был блондин, моложавый. Павел Орлов, очевидно, было его подлинное имя. О его родном крае никто ничего не знал, но, возможно, он был, как и Кузнецов, ленинградец. Он принимал участие во всех акциях с момента поступления и до освобождения».

Видимо, данные доброй женщины совпадают с портретом, описанным бывшими его соратниками—итальянскими партизанами. Я решил написать письмо в город Торопец, а пока в ожидании ответа занялся расшифровкой «старой» загадки.

Где я еще встречался с названием города Подольска в сочетании с именем Ивана Кузнецова?

Больше месяца не находил ответа. Потом вспомнил, что жена Ивана Кузнецов (из Подпорожья) в письме сообщала, что номер полевой почты, где воевал И. Кузнецов, был 244, а номер полка — 510. Этот полк сражался на Западном фронте. Когда я сверил с архивными данными и с картами в учебнике по «Истории войн и военного искусства», оказалось, что 510-й полк действовал под городом Юхновым вместе с курсантами Подольского артиллерийского училища.

В личном деле И. Кузнецова записано, что именно в этих боях лейтенант И. Кузнецов пропал без вести.

Может быть, И. Кузнецов, попав в плен, чтобы не раскрыть всех данных о себе, кому-то назвал город Подольск как город, в котором он якобы родился?

Итак, по-видимому, надпись на обелиске не отражает истины... Но тут пришло письмо из Подольска от сына другого Ивана Кузнецова — Владимира. Он сообщал, что его отец Иван Петрович Кузнецов воевал в 1941 году под Ленинградом и пропал без вести...

Для проверки данных возможного партизана Кузнецова я выслал Владимиру контрольные вопросы итальянских партизан, однако описанный сыном, матерью и женой портрет Ивана Петровича Кузнецова из Подольска — высокого, темноволосого, с темными глазами, явно не совпадал с описаниями Ваньи Кузнецова, воевавшего в Италии. Итальянского Ивана Кузнецова называли Ванья Блондо, или Ваня Белокурый. Смущала и разница в возрасте. Кузнецову из Подольска было далеко за 30.

Так что И. А. Кузнецов из Подпорожья имел боль-

шее портретное сходство с тем, который воевал в Италии.

На мой вопрос итальянским партизанам об отчестве Ивана Кузнецова и месте его рождения (как они установили это, написав на мраморе?) пришел ответ. Вот его содержание: «На одном собрании в г. Болонье во время последнего конгресса АНПИ мы долго говорили об И. Кузнецове. Есть одна мелочь, которую мне хотелось бы расшифровать. Дело в том, что на могиле на гранитной плите написано: Кузнецов, сын Стефана, а потом место рождения (я читаю сейчас с фотографии) написано там очень неясно, похоже на Подольск. Однако можно найти и сходство с Подпорожьем (нельзя забывать о трудностях итальянцев в русской фонетике). Кроме того, надпись на доске была сделана несколько лет спустя после освобождения. Но главное то, что Карло, который был команданто * Кузнецова, не помнит, чтобы Ванья говорил когда-нибудь об имени своего отца и точном месте рождения **.

Кроме того, бывшие партизаны Италии обещали мне прислать газетную фотографию И. Кузнецова, где он сфотографирован в Италии в шинели вместе с партизанами.

И вот наконец эта фотография в моих руках.

Я размножил эту фотокопию и послал жене Кузнецова — Екатерине Александровне в город Подпорожье. Затем приехал к ней сам. Разговор был в квартире у Екатерины Александровны. Она долго что-то вспоминала, потом нашла старый альбом и извлекла из него фотографию мужа с таким же разворотом головы и простой улыбкой, какая была на фотографии — копии газетной страницы. Затем, сравнивая эти снимки, сказала: «Вы теперь видите, как похожи эти два человека. Конечно, это мой Ваня. Бесспорно это он».

Я мог только подтвердить виденное, но у меня был еще один способ доказательства.

Я послал обе фотографии в лабораторию судебной медицины Ленинграда. Ответ ждать долго не пришлось, буквально через неделю-две он был получен и подтвердил сходство этих двух людей на разных фотографиях. Но слишком уж плохой (крупнозернистый)

* Итальянцы словом «команданто» именовали командиров.
** Письмо итальянского коммуниста от 11 декабря 1973 года.

снимок из газеты был представлеи для опознання... И лаборатория сделала оговорку об этом изъяне фотокопии.

Такне же прнмерно доказательства прислал мне нтальянскнй коммуннст — журналнст Джузеппе Фьюмара. Он пнсал: «В Италнн оказалось нелегкнм делом заставнть вспомннть внешность Кузнецова тех партнзаи, которые с ннм сражалнсь. Я хочу уточннть, что для опознання его во время VII Национального съезда Ассоциацни нтальянскнх партнзан, проходившего в Болонье, на ферме за городом органнзовалн встречу (20—21 марта 1971 года) бывших партнзан нз днвнзин «Нино-Наннеттн», на которой прнсутствовало 30 человек, средн ннх был Карло — командир бригады, у которого Кузнецов сражался в течение почтн целого года (Карло награжден серебряной медалью Сопротнвлення), Мнло — командир днвнзнн (он тоже награжден серебряной медалью) н несколько партизан и полнтнческих руководнелей, награжденных золотымн медалямн. Все этн людн зналн Кузнецова. На этом вечере я показал фотографню Кузнецова, которую прнслалн Вы, н ту, едннственную, сохраннвшуюся у Карло, которую я увелнчил.

Обсужденне длилось долго, и под конец все сошлись на том, что это одно н то же лицо» *.

Итак, теперь можно с большей увереиностью сказать: Ваиья — это все же Иван Александрович Кузнецов, который родом нз Подпорожья Лениитрадской областн. Сомненнй в этом почтн нет...

Но как мало знаем мы о нем!

И вот я вновь отправляюсь в Подпорожье, чтобы еще раз встретнться там с Екатерннои Александровной, другимн родственнками Ивана Кузнецова, его друзьямн юностн, школьнымн учнтелями...

Узнал я тогда о нем не так чтобы очень уж много, ио убеднлся — бнографня моего героя тнпична для ребят поколення 20—30-х годов.

Отец Ивана — боец коммуинстнческой роты, сражался в гражданскую с белогвардейцамн и бандитамн-кулакамн, потом воднл по Свнрн пароходы. Ои раио ушел из жнзнн. В трннадцать лет Ванюша остался сиротой, старшнм мужчниой в доме. Помогал матери во

* Письмо из Италии от 12 февраля 1975 года.

всех домашних делах, нянчил меньших сестер и братьев, работал на огороде, летом пас колхозную скотину. Но находил время и для забав, и для мастерства каких-либо самоделок — то детекторный приемник построит и с друзьями слушает Москву, то воздушный змей или планер запускают... Очень любил читать. Научился играть на гармошке — она досталась ему в наследство от отца.

Вместе с первыми пионерами, а их в селе было всего десять, ходили в походы... Лапти были их парадной обувкой. По лесу бегали босиком, а мимо деревень и хуторков проходили «парадным» маршем — в строю, с красным флагом впереди и котомками за плечами — в них несли кто что мог: по паре картофелин, горсточку пшена в платочке, краюху хлеба. На привалах у реки или озера ловили рыбу. Разжигали костры, варили уху, рассказывали сказки и страшные истории, мечтали о будущем, пересказывали прочитаиные книжки о любимых героях. У Вани самым любимым был Чапаев.

В школе Иван был признанным вожаком, заводилой. Прочитали в «Комсомолке» о комплексе ГТО, и вот он уже строит у себя во дворе турник, роет яму для прыжков в длину и высоту, организует соревнования по стрельбе из малокалиберной винтовки, которая хранилась в школе у директора.

Когда его звено заняло в этом соревновании первое место, он предложил приз отдать второму звену девочек. Девчонки тоже хорошо стреляли и уступили мальчишкам только одно очко. Справедливость и благородство были у него в крови...

Кончил школу не круглым отличником, но твердым «хорошистом», как тогда говорили. Что дальше делать? Мать настояла, несмотря ни на что, продолжать учебу. И снарядила сыиа в Ленииград. Поступил он в строительный техникум. Через год в Ленинград приехала сестра Лида со своей подружкой Катей. Решили девчата сдавать экзамены в финансово-экоиомический техникум. Ваня переживал за обеих. Но если почестиому, то за Катю больше — полюбил он эту девушку.

После окончания техникума Ваню рекомендовали в уииверситет на рабочий факультет.

Нелегко давалась учеба в университете. Не было ни минуты свободного времени. Даже некогда было по-

думать о поездке в родное Подпорожье, некогда с Катей встретиться. К полуночи после самоподготовки и более чем легкого ужина голова сама клонилась к подушке.

На комсомольском собрании студенты рабфака приняли решение взять шефство над кораблестроительным заводом. Ивану Кузнецову поручили проводить политинформации среди рабочих. Он добросовестно к ним готовился, дотошно перечитывал все газеты. В мире тогда уже было неспокойно. Газеты пестрели сообщениями о провокациях на КВЖД, много писали о нашей героической Краснознаменной Дальневосточной армии и ее командире Блюхере.

Студенты на военных занятиях изучали оружие, учились стрелять.

Во время экзаменов дни летели, словно листья с деревьев поздней осенью. И вот уже университет закончен.

По распределению Ивана Кузнецова направили учителем математики в город Бедиодемьянск.

В мае 1937 года по приезде в Бедиодемьянск сыграли свадьбу, и стали Иван и Катя мужем и женой, через год у них родилась дочка Галина.

В 1939 году Ивана Александровича сначала призвали на военные сборы, а потом взяли на военную службу. Так стал он командиром взвода зенитчиков-пулеметчиков. А еще через год с небольшим началась война...

Но как воевал Иван Кузнецов? Что произошло с ним на фронте, как попал в плен? Об этом ничего не было известно. Как говорится, пропал без вести — и все тут...

Значит, надо продолжать поиски тех, с кем он вместе служил, с кем воевал, с кем находился вместе в лагере военнопленных, надо искать его товарищей по партизанской борьбе в Италии...

Мне удалось близко познакомиться с журналистом из Москвы Иваном Николаевичем Куликовым, который уже много лет занимается историей итальянского Сопротивления.

Я неоднократно бывал у него дома. К нему приезжают в гости и бывшие итальянские партизаны. И. Н. Куликов автор ряда исторических очерков и переводов. Он журналист-международник, некоторое время был в Италии, в совершенстве владеет итальян-

ским языком. Кроме того, все, кто приезжал из Италии в Москву и был на встрече с партизанами, оставлял ему обязательно какие-то пусть даже незначительные документы.

И. Н. Куликов подтвердил, что Павел Орлов скорее всего жив, но след его затерялся. Однако он знает других участников итальянского Сопротивления. Так, Тимофей Доценко живет в городе Краснодаре, Василий Трифонов в Московской области, но тут же добавил, что оба чувствуют себя не очень бодро, их возраст далеко не юношеский. Отдельные эпизоды боев в далекой Италии они помнят плохо.

Василий Трифонов лет пятнадцать назад встречался с бывшими гарибальдийцами. Его выступление на этой встрече было тогда записано. Вот оно: «Дорогие друзья! Я рад приветствовать вас здесь, на нашей русской земле, советской земле. Прошло двадцать с лишним лет с тех пор, как я и другие советские люди — бывшие гарибальдийцы — попрощались с гостеприимным народом Италии, которая стала для нас второй родиной. Вторая родина — это не преувеличение, ибо именно в Италии, в районе Тренто, Беллуно, Витторио-Венетто, мы, русские солдаты, оказавшись в руках врага, нашли у вас, итальянцев, после побега из неволи приют и спасение. Вы вернули нас к жизни, приняли в свои ряды, дали нам оружие.

Это верно, что мы приняли горячее участие в вашем движении Сопротивления, верно, что мы освобождали политзаключенных из беллунской тюрьмы Бальденич и участвовали во многих других операциях. Но мы боролись вместе, рука об руку, поэтому мы и смогли сделать то, что сделали, — свергли фашистское иго.

Мы еще о многом сможем вспомнить во время нашей встречи в Москве. А сейчас разрешите еще раз сказать вам те же слова, что и в 1945 году: русское вам спасибо за боевое содружество, за интернациональное братство. Пусть всегда живет и процветает итало-советская дружба — дружба во имя мира и безопасности в Европе...»

В 1977 году, когда я узнал его адрес, мне не удалось встретиться и поговорить с Василием Трифоновым. Да и Куликов, когда я приезжал позже, не советовал — Василий серьезно болел. А вот с Тимофеем Доценко мне удалось встретиться в городе Краснодаре в его неболь-

шой квартире на улице Коммунаров. Я передал ему привет от итальянских партизан. Рассказал о встрече в Ленинграде с коммунистом и итальянским журналистом Джузеппе Фьюмарой, который собирает материалы об участниках операции «Бальденич», сказал ему, что бывшие партизаны тепло отзываются о своих русских соратниках, особенно об Иване Кузнецове и о других участниках операции «Бальденич».

К сожалению, я не смог узнать от Доценко чего-либо нового.

О Бортникове я узнал позже, после безуспешных поисков его в городе и области Тулы. Дело было так: просматривая газеты в библиотеке Академии наук в Ленинграде, я наткнулся на страницу газеты «Советская Киргизия». В ней был опубликован очерк о замечательном партизане И. Бортникове. Автор очерка — журналист — побывал в туристской поездке в Италии. Заметка заканчивалась призывом разыскать бывшего гарибальдийца И. Бортникова, который, по некоторым сведениям, живет в Киргизии.

Скоро его адрес был у меня в руках. Я написал ему, потом мы несколько раз говорили по телефону, наконец встретились. И Бортников рассказал мне много интересного, его рассказы я записал, и вы можете прочитать их в этой книге.

Кроме того, на мои публикации об Иване Кузнецове откликнулись несколько его однополчан и тех, кто вместе с ним волею судьбы оказался в лагере военнопленных.

Когда все эти мои поиски в СССР, а Джузеппе Фьюмары в Италии подходили к завершению, мы приняли предложение бывшего командира партизанской бригады Мариано Мандолези (Карло) написать книгу, в которой бы было рассказано о русских воинах, в том числе и нашем ленинградце И. Кузнецове, сражавшихся в партизанской дивизии «Нино-Наннетти».

На эту работу ушло тоже немало времени.

И вот повесть-хроника «Операция «Бальденич» перед вами.

КАРЛО, МИЛО И ДРУГИЕ ПАРТИЗАНЫ

Глава написана Джузеппе Фьюмарой

В свое время я никак не мог подумать, что долгие вечера, проведенные вместе с Карло, станут для меня побудительным мотивом взять на себя весьма важное и в то же время неожиданное обязательство.

Хотя я всегда был антифашистом, вряд ли мог предвидеть, что мне придется писать об участниках движения Сопротивления в Италии. В тот горький период нашей военной истории мне было лишь немногим более восьми лет, и я, вместе со всеми скрываясь в пустой овчарне, дожидался освобождения, утоляя свой голод козьим молоком (и был счастлив, когда мне это удавалось сделать!).

Фашистов я возненавидел с первого же мгновения, сразу же, как они появились в нашем доме с поборами, и с тех пор эта ненависть только увеличилась.

Мой дед рассказывал мне о войне, которую начали фашисты, и о тех страданиях, которые они принесли нашему народу и народам других стран. В особенности он любил рассказывать об Испании. По всей вероятности, именно его глубокое сочувствие этому народу и желание помочь ему вызвало во мне страстное желание увидеть эту близкую нам страну и поговорить с людьми, которые были свидетелями ее трагедии.

Именно поэтому, когда у меня в первый раз появилась возможность выехать за границу, я без колебаний назвал Испанию, и желание мое скоро осуществилось.

Но когда у меня вторично появилась возможность поехать за границу, я отправился совсем в другом направлении. Целью моей поездки был Советский Союз. Проехав через все страны народной демократии, я почти месяц пробыл в России. Общение с советскими людьми было для меня своего рода наследственным желанием, шедшим ко мне от старших родственников. По преданию, мой дед сопровождал В. И. Ленина в одной из его поездок по Италии. Очевидно, с той встречи с Лениным у моего деда зародилась мечта увидеть родину и соотечественников этого великого человека. Однако этому его желанию не суждено было осуществиться. Побывать в СССР удалось только его внуку...

В высшей степени страино, что при моем традиционио антифашистском воспитаиии сближение с таким известным аитифашистом — бывшим командиром партнзаиской бригады — Карло не произошло гораздо раиьше. Может быть, тогда ие было соответствующих благоприятных обстоятельств? Но вот однажды мы с иим встретились и разговорились в маленькой закусочиой, и иаш разговор затянулся до позднего вечера. И так получилось, что Карло начал вспоминать о пережитом, о борьбе с врагом, о победах и отступлениях, о трудностях и опасиостях, связаниых с добыванием оружия, о попытках прорваться через засады, о том, как сложно было доставать провиант, о бесконечио долгих диях н длинных переходах, которые казались еще длиииее из-за голода, жажды илн холода.

Постепеиио я проиикался атмосферой тех лет, когда каждому итальянцу пришлось сделать выбор, определивший его будущее.

Хотя в те времеиа я был мальчишкой и там, где я жил до освобождеиия, было очень далеко до Доломитов и других очагов активиого сопротивления, все же какие-то воспомиаиия ожили благодаря рассказам иепосредственного участника событий.

Одиажды вечером Карло рассказал мие о журнале, в котором была описаиа одиа важиая партизаиская операция во времеиа Сопротивлеиия — операция по освобождеиию политзаключеиных из тюрьмы Бальдеиич. И вот я начинаю рыться в старых чемодаиах, ящиках н сундуках, свалеииых в вииином погребе. Эитузиазм, с которым я взялся за эти поиски, ие мог избавить меия от иерешительиости, потому что приияться за сбор материалов для киигн о партизанской борьбе в Италии — зиачило оказаться в сфере, чрезвычайио для меня далекой. В то же время Карло, будучи абсолютно увереиным в моей способности выполнить эту работу (надеюсь, что я не подвел его), передал мие запискн, фотографни н все другие матерналы, которые были в его распоряжении.

Целые вечера у нас проходилн в разговорах об этих событиях. Я расспрашивал Карло, уточиял факты, о которых прочитал в передаиных мне документах. Много времени заняло изученне фотографнй, прншлось наводить справкн о товарнщах, жнвущих далеко от моего города. Собранные сведеиия былн изучены столь глу-

боко, что я почувствовал себя как бы иепосредственным участником этой операции. Тогда и появилось робкое желаиие иаписать о ней киигу, в которой я иамеревался не только привести иитервью с живыми участиками операции «Бальденич», ио и рассказать о труднейших условиях, в которых действовали истинные герои тех лет, в том числе и о русских, которые прииимали участие в иашем Сопротивлеиии.

Таковы были мои намерения. Мие чрезвычайио хотелось обязательио лично встретиться с партнзанамн, побывавшими в тюрьме Бальдеиич ди Беллуно. Я подверг серьезным испытаииям Карло, заставив его иесколько раз съездить со миой в Рим, чтобы встретиться с Мило н Де Люка. Первый был доблестиым партизаиским комаидиром, которому поручали важные и трудиые дела; в момент ареста он был ответствениым работником КНО * провинции Беллуно; после освобождеиия был иазиачеи вице-комеидантом и начальииком штаба частей, размещавшихся в районе Консильо, а потом — комаидующим дивизией «Наниетти».

Мило после освобождеиия сохраиил свой пост в нтальяиской армии—нмел зваиие майора, одиако через несколько лет он подал в отставку; с тех пор работает заведующим отделом печати профсоюза железнодорожников, активистом которого он является и до сих пор.

Де Люка был комиссаром провииции Тривенето и поэтому отвечал за координацию действий всех местиых отрядов. Во многих киигах, посвящеиных движеиию Сопротивления в райоие Веиеции, Де Люка причисляют к виднейшнм деятелям освободительиой войны не только в военной сфере, но н в политической.

Я задавал Мило н Де Люка различные, порой неожидаииые вопросы, и все время, пока мы были вместе, старался не мешать выплывающим из глубины их созиания воспоминаниям. Они позволяли проникнуть в духовиый мир этих людей, которые в годы Сопротивления действовали с такой смелостью, пренебрегая опасностью.

После этих встреч прошло два месяца, дождливых и холодных. Наконец в последних числах апреля блед-

* КНО — Комитет национального освобождения.

ное солице смогло пробнться через облака, и тогда я выехал вместе с Карло на машнне на север страны.

...Любой город иочью пронзводит необычайиое впечатлеине, особеино стариииый город. Когда улицы пусты и освещены фонарями, а стены домов прячутся во мраке, легко вообразить себе событня, происходившие на этих улнцах. В Праге, Будапеште н Варшаве также охватывает ощущеиие причастиости к событиям, разыгравшнмся некогда иа этнх камиях, у этих стен. Но здесь, в Беллуно, словно ожило для меня то, что составляло сюжет будущей киигн.

Вот площадь Пьяцца Мартири. Слушаю объяснения Карло. Эта площадь сейчас освещена, даже слишком снльно. Карло показывает мие четыре фонариых столба, на которых были повешены Валентнно Андреаии нз Лнмана (Фрезиа), Сальваторе Качьяторе нз Агрндженто (Лнно), Друзеппе Да-Цордо (Беппе) н Джиаилеоне Пьяцца (Лиио из Беллуио). Все они прииимали участие в операции «Бальденнч». Я замечаю, что окиа, освещеииые этими самыми фоиарями и выходящие иа площадь Жертв, названную так в память о жертвах иацистов, — это окиа помещеиия MSI *, которая уиаследовала миогое от той фашистской гннлн н даже гордится этим. Мне кажется, что я слышу стои. Ои звучит как прнзыв к людям быть бдительными и ие забывать о прошлом.

Так я провел первую ночь в Беллуно. На следующий деиь утром я долго беседовал с Нероне, нз местиого муииципалитета, ои, несмотря на массу работы, оставил все и провел со миой около часа. С иим мы сиова беседовали об операции в тюрьме Бальдеиич, н ои добавнл миого мельчайших, зачастую очень интересиых подробиостей. Нашли мы н одиого из участииков операции—Бьянкн. В памятн у Бьянки сохраннлся целый «архив» сведенннй, отиосящихся к появленню в горах русских — Кузиецова, Бортникова, Орлова н других, н о первой операцнн, выполиеииой первой партизаиской группой в окрестиостях Беллуио.

* MSI — «Итальянское соцнальное двнженне» — названне неофашнстской партнн.

ЛАГЕРЬ И ЭШЕЛОН

Глава написана Сергеем Гладким по материалам и рассказам Бортникова

И. Б о р т н и к о в: Мне стыдно, что я попал в плен. Скажут, такой здоровый и тоже руки поднял. А ведь было все не так просто. Когда началась война, мне шел двадцать второй год. Молодой кадровый красноармеец артиллерийского полка должен был вот-вот увольняться в запас. Был я шофером на машине ЗИС. Стояли мы в военном городке на Украине. Около границы. Мы готовились выехать в лагеря на все лето. Об этом уже был объявлен приказ по нашему 344-му артиллерийскому гаубичному полку. В субботу, 21 июня, готовили боеприпасы, ремонтировались и проверяли свои машины. В общем, были в боевой готовности. Наутро построились по тревоге и маршем поехали, куда нам приказали. И уже на второй день войны мы вступили в бой.

Помню, артиллеристы заняли огневые позиции, а я подвозил боеприпасы на батарею. Впереди виднелась редкая роща. Только я отъехал от батареи, вижу, самолеты пикируют на рощу, штук пять, бомбят ее по очереди. И хоть мы были в трех километрах от места бомбежки, осколки долетали до нас. Однако ни гаубицы, ни люди не пострадали: батарея хорошо окопалась. А потом наши пушки открыли такой огонь, что я не успевал подвозить снаряды. Так началась моя боевая жизнь.

Все лето наша часть отходила с боями. Отходили мы к Киеву. В августе под Белой Церковью командир дивизиона старший лейтенант Шамраев, как сейчас помню, собрал нас, оставшихся в живых. Сам обросший, лицо в пыли, глаза усталые, и говорит:

— Мы окружены. Матчасть взорвем, а люди должны выходить, прорываться любой ценой к своим.

Пока был бензин, ехали на грузовике по окольным дорогам — по центральным шли колонны фашистов. Потом нарвались на немцев. Снарядом разбило мою машину. Меня ранило в левую ногу. Всех раненых снесли в конюшню. Перевязали чем могли. Кто мог держать оружие, пошли на прорыв кольца окружения. Больше я своих артиллеристов не видел. Ночью дверь конюшни распахнулась, и нас, раненных, осветили не-

мецким карманиым фонарем — у инх они почтн у всех были.

Нас продержали голоднымн два дня, потом навалом погрузили на брнчкн, запрягли в них «ходячнх» и двннулись в путь. А через несколько километров 12 бричек сцепили цугом, н эту сцепку взяла на буксир автомашина. Представляете, каково было на бричках, мчавшихся по булыжной дороге, всем нам и особеиио тяжелораненым?.. Стоиы ие прекращалнсь до самой Вниннцы.

Под Внннице́й в большом яру был лагерь военнопленных. Пытался я тогда с товарнщем бежать. Нога еще болела, а у него — артнллериста Нниколая — была перебннтоваиная рука. Нас за городом первый же патруль схватил. Бросили в карцер. Через пятиадцать дней погрузили в эшелои и повезлн в Германию. В пригороде Форлингеиа поместнли всех за колючую проволоку. Всех одели в халаты сннего цвета с крашеиыми буквами SU иа спине. Мы, помнится, их расшифровалн по-своему — «сумей удрать». Там-то я и встретился с Кузнецовым.

Потом всех нас перевезли в товариых вагонах на итальянскую границу (станция Феррара). В новом лагере бараков было мало, а пленных много. От дождя н холода под крышей смогли укрыться лншь те, что прибылн первыми. Мы укладывались спать кольцами, начнная от стен барака, при этом люди, спавшие снаружи круга, мерзли больше всех, и они по очереди перебнрались вовиутрь людской массы — отогреваться. Мы пользовались теплом собственных тел. Утром вокруг бараков топтались окоченевшие от холода людн. Тут же рядом лежалн мертвые. Каждую иочь замерзали человек десять.

Шла весна 1943 года. Наша группа — человек четырнадцать, и средн их Андрей Бабкии, Иван Кузнецов, Павел Орлов и я — решила бежать. Наш лагерь довольно часто бомбилн англичане. Одиажды взрывами бомб была разворочена зона заграждеиня, часть вышек опрокинута, многне узники убиты. Мы в тот раз не смогли воспользоваться этим обстоятельством. Охраннники быстро опомнились. Кое-кого из пленников, которые успели убежать к вокзалу, пристрелнлн.

Мы заметилн, что фашисты охраняли лагерь не так уж строго. Возможно, считалн, что мы слишком далеко в их тылу. С внешией стороны проволочной ограды

обычно расхаживали всего один-два патрульных. Этим мы и решили воспользоваться.

В ночь с субботы на воскресенье в удобном месте сделали подкоп и замаскировали его сухой травой, а на следующую ночь ушли за проволоку через этот лаз. Заранее условились не собираться большой группой вне лагеря. Близко была граница с Италией, и, конечно, нас могли быстро поймать. Чтобы сбить след, нужно было всем уходить в разных направлениях. Наша тройка — я, Иван Кузнецов и Павлик Орлов — пошла по направлению к горам. Там была в лощине железнодорожная станция. На станции огни, как будто и войны нет. А вокруг темнота... Хотя при свете луны мы все же приметили — стоит воинский эшелон. Какие-то машины, кухни и танкетки. Все покрыто брезентом. Судя по всему, эшелон должен был скоро тронуться. Охрана, как мы сообразили, могла быть в голове, где стояли крытые вагоны, и в конце эшелона. Раздалась команда, мы перескочили через ограду и метнулись к вагонам. Забрались под брезент, которым была покрыта какая-то машина. Стало теплее. Мы залезли и прислушались. Вскоре вагоны тронулись.

Мы ехали два дня. Смотрю осторожно из-под брезента; остановились на небольшой станции. Каменные массивные постройки, непохожи на русские. Где мы? Поезд вдруг затормозил, и вижу: немецкие солдаты из охраны эшелона побежали в разные стороны. В чем дело? Но тут услышали вой сирены, а затем гул пикирующих самолетов. Ну, думаю, погибнем от своих. Страха нет, а все-таки не по себе. При следующем налете решили укрыться от бомб и мы. На меня, бежавшего по высокой луговой траве, никто не обратил внимания — за мной торопились Павел и Иван. Вдоль каменного забора мы добежали до городка. Решили передохнуть, а затем идти в первую же открытую калитку. Три дня мы не ели. Сил нет. Может быть, это уже Россия? Хотя надпись на станции, я заметил, сделана латинскими буквами. Не успел только прочитать ее. Но немцы под Киевом свои таблички с названиями сел вешали — сам видел.

Идем цепочкой. Впереди я, за мной Кузнецов Иван — мой тезка. Все мы были в оборванной одежде. Оружия нет. Кто в доме, не знаем. Но голод не тетка. Я открыл дверь. Смотрю, к нам спиной сидит у камина пожилая женщина, завернутая в платок, и

вяжет что-то крючком. Я спросил: «Мамаша, что-нибудь есть перекусить? Мы пленные». Она, всплеснув, как все русские, руками, ответила: «Заходите в дом и закройте дверь. Так теплее будет. Садитесь». — Она указала на места у стола, посмотрела на нас и пошла на кухню.

Мы обрадовались. К своим попали, это здорово. Теперь ближе к фронту.

На столе появились суп и макароны. Но ложки были тяжелые, необычные. Кружки тоже. Усаживая, старушка спокойно сказала:

— Это станция Тренто в Италии.

Мы с ложками у рта, с вытянутыми лицами так и застыли. Я подумал: «Вот тебе и Россия». Но каких чудес не бывает: попали в Италию, а встретили русскую!

— Да-да, милые земляки, — назвала она нас так с едва заметным нерусским акцентом. — Я русская.

Она, оказывается, ещё в 1915 году вышла замуж за итальянца, с которым в те годы познакомилась. Я слушал и не заметил, как стол опустел, и на скатерти появилась маленькая, вырванная из итальянского учебника, карта страны. Наша землячка надела очки и карандашом показала нам дорогу не прямо на восток, а через горы, вначале к перевалам в Югославию. «А оттуда уже и Россия близко», — сказала она. А вот места, откуда мы бежали, на карте так и не нашли.

— Там югославам помогают русские, — сказала старушка. А англичане и американцы сейчас на юге Италии высадились. Уже четыре дня как открылся фронт.

Теперь нам было ясно, почему мы не доехали до России, — немцы посылали подкрепления на юг Италии.

— Но в горах трудно, — предупредила нас старушка. — Там весной лежит еще снег — заносы и почти нет дорог.

Нам ничего другого не оставалось делать, как отблагодарить хозяйку за хлеб-соль и идти дальше. Только я встал, как в окно увидел человека в форменном мундире.

— Немец!.. Схватим его! Вы станьте за дверью, — сказал я Кузнецову и Орлову, а сам сел за стол. Хозяйка застыла в испуге. Она боялась слово сказать. За укрывательство советских пленных у них казнили.

Я сел к столу, чтобы немец спокойно вошел в дом. На Ивана Кузнецова я надеялся больше. Павел был совсем юный. Дверь открылась. Вошел человек в форме, но форма его была не солдатская, слишком зеленая. Он спросил что-то хозяйку, я ничего не понял, только повернулся и встал. А Кузнецов тут же вышел из-за двери и закрыл рукой этому человеку рот. Павел быстро и ловко вытащил пистолет из-за его пояса и направил на гостя. Мы посмотрели на хозяйку.

— Нет, это не немец, это мой сын лесник, — сказала горестно старушка.

Я был в замешательстве. Старушка что-то говорила своему сыну, потом перевела слова нам; она сообщила ему, что это ее земляки — русские, не убийцы, а пробираются к своим на Родину.

Я взял пистолет у Павлика Орлова, спрятал его в карман и сказал:

— Пистолет нам будет нужнее.

Затем я извинился перед ними, попросил карту из учебника, и мы, попрощавшись, вышли. Мы шли к горам по направлению, указанному нам хозяйкой дома. Лазали по мокрым от дождя балкам и кустам. На почти безлесном фоне мы были, наверное, как черные вороны. Но кругом было тихо. В горах виднелись одинокие дома. Но они пустовали обычно до весны. Мы не знали, есть ли кто там, ведь мог кто-нибудь и остаться. Я предложил зайти в такой одиноко стоящий от дороги дом. Пробирались к нему по тропке. Признаков жизни в доме не было видно. Окна забиты, ставни на запорах. Но мало ли кто может там укрыться. Силенки наши были уже на исходе. Три дня шли голодные. Подхожу к дому. Иван Кузнецов и Павел прикрывают меня. Остановился, как будто развязался шнурок моего обшарпанного ботинка. Глазами приглядываюсь к двери. Вижу — висит замок. Уже легче. Машу рукой: «Идите ко мне». Обхожу дом, вижу возле лестницы вход в сарай. Пахнет сеном. Через стекла еле пробивается наружный свет. В сарае тепло, можно переночевать. На высоких окнах и под чердачным окном на веревке развешаны какие-то сухие фрукты, похожие на наши груши. Грызем эти сладкие приятные груши. Павел нашел банку с компотом. Выпиваем по глотку. Решаем ночевать и разыскать съестное. Мы видим еще такие же дома под самой горой. И тут я вдруг разли-

чаю дымок над одним из них, сообщаю эту невеселую новость моим друзьям. Оба переглядываются.

В дом решили не заходить. Утром при свете еще поищем, а может быть, удастся забраться в пустой соседний дом. Пусть нам простят жители, оставившие на зиму свою скромную постройку. Нам ясно, что хозяин этого дома небогат. И, видно, сам нуждается. Но что делать... нам сейчас плохо... очень плохо...

Я стоял на посту перед рассветом. Несколько раз обошел дом по вытоптанной дорожке. В горах мерцал еле видимый огонек. Мы смотрели с надеждой на восходящее из-за горы солнце. Там восток, там Родина. А прямой дороги туда нет, надо идти еще на юг. А сколько? Может, не хватит сил перебраться даже через ту, не очень высокую гору...

Когда рассвело, мы нашли в доме банку мясных консервов. Как она оказалась здесь, мы не знали. Но ни одной корки хлеба у нас не было. Я предложил банку взять с собой, а компот весь выпить. Позавтракав, мы тронулись вдоль оврага по еле обозначенной тропке. Равномерно шагая, мы решили экономить силы. Впереди была Югославия. Вот бы попасть к своим славянам. Но когда-то это будет?

К вечеру мы подошли к одинокому домишке. Мы были уверены, что немцев здесь не должно быть, но... на всякий случай я остановил своих друзей, и мы долго наблюдали за бельем, развешанным у дома, женщиной, перебегавшей из сарая в дом. Затем все замерло. Манящий запах дымка не давал мне покоя. За полчаса уже кто-нибудь из мужчин должен был выйти. Тем более с наступлением темноты военные должны были выставить пост. Ничего этого не было. Начали мерзнуть ноги, надо было просушить мокрые от дождя остатки рваных ботинок, снять мокрые пиджаки и подумать об отдыхе. А что, если пойти в этот дальний, без дыма, брошенный дом? Никого не будем тревожить. Но тепло тянуло к себе. Я предложил зайти всем троим. Пистолет держать наготове. С маленьким гарнизоном, думаем, справимся.

Кузнецов шел в центре с пистолетом. Подойдя к двери, я рванул ее на себя и шагнул в освещенную дымную комнату. На нас смотрели человек пять мужчин, сидевших в разных позах. В нерешительности остановились и мы, понимая, что сидящие в доме не

фашисты. Мы стояли молча. Люди нерешительно, но по-доброму смотрели на нас...

Оказалось, это партизаны, к которым мы и примкнули.

ТРУДНАЯ СУДЬБА ИВАНА КУЗНЕЦОВА

Глава написана по архивным материалам и воспоминаниям очевидцев Сергеем Гладким

Зенитная батарея *, в которой служил Иван Кузнецов, следовала за пехотой на тракторах НАТИ-5. Под Москвой свернули по шоссе налево и, обогнув по окраинам столицу, продолжали путь на юг — на Подольск. В лесах вокруг Подольска шла доформировка: часть получала новые зенитные пулеметные установки.

Лейтенант Иван Кузнецов, призванный на сборы незадолго до начала войны, сначала и сам любовался, а затем с восхищением смотрел на своих младших командиров, которые ощупывали, ласкали, как живые существа, новые механизмы пулеметов.

Месяца два занимались боевой учебой. Потом совершили марш к фронту, который приближался к Москве. Пришел осунувшийся за три дня марша командир полка. Объявил дальнейший маршрут движения: «Направляемся в сторону Юхнова».

510-й стрелковый полк был кадровой, хорошо обученной и полностью укомплектованной частью. Новую технику осваивали на ходу. Для таких немногих некадровых офицеров, каким был лейтенант Кузнецов, четкость работы красноармейцев была подчас удивительной. И это понятно. Здесь, в зенитной батарее, решали все доли секунды. Только об этом подумал лейтенант, как над колонной в сером рассвете пронесся незнакомый по виду самолет. Сначала решили — разведчик врага. Потом заметили на его крыльях звезды. Но это бы не «ишачок» **. Видимо, пролетел наш новый истребитель МиГ или ЛаГГ.

К утру полк остановился на привал. Выставили пост наблюдения. Слышно, как высоко в небе гудел с завыванием самолет. Это был явно самолет врага.

* Из личного дела И. Кузнецова, присланного из ГУК СА.
** В начале войны самолет И-16 называли «ишачок».

Наблюдатель подал сигнал тревоги: «Воздух!» Послышалась команда расчетам зенитных орудий и пулеметов «к бою». Машины съехали с обочины, заняли позиции. Но что это? На малой высоте, словно смерч, пронесся темно-зеленый самолет с черными крестами на фюзеляже и крыльях. Было видно, как от самолета отрывались небольшие темные капли, они летели на землю. Справа от дороги послышался взрыв. Один, второй, третий, свист осколков. Красноармейцы попадали у машин. Затем наступила тишина. Вдруг кто-то закричал. У пулемета корчился наводчик. Командир взвода побежал к нему. Втащил в кузов. Не сделав еще ни одного выстрела, едва доехав до фронта, наводчик уже был выведен из строя. Война есть война.

Слева в кустах мелькали фигуры красноармейцев с винтовками в руках и скатками через плечо. Они отходили на восток. Сразу же за ними в километре показались немецкие автоматчики. Они постреливали и что-то кричали.

— Второму! — скомандовал лейтенант Кузнецов своим пулеметчикам. — По группе автоматчиков — справа. Огонь!

Фашисты, словно услышав команду, залегли. Потом стали быстро отходить.

Наши пехотинцы, почувствовав подмогу, заняли оборону. Минут через пять бой затих. Но батальон пока не двигался. Зенитчики рыли окопы для укрытия.

Поздно вечером лейтенант получил команду: со взводом следовать за колонной стрелкового полка. На марше Кузнецов ехал на первой машине.

— Лейтенант, — позвал его комбат. — На правом фланге немцы прорвали нашу оборону и глубоко вклинились в нее. Двигайся вперед без фар. В случае чего будь готов драться и с танками...

Кузнецов спросил маршрут движения. Комбат ответил, что пока надо двигаться за пехотой.

Справа вдали поднималось зарево. Это фашисты жгли деревни. Командир зенитчиков выслал разведку вперед. Все остальные шли вслед за пехотой. Впереди каждой машины в темноте шли двое в охранении. Машины работали на пределе своих сил — дорогу после дождя сильно развезло.

Рассветало. Справа от колонны послышалась стрельба. Что это? Засада? Десант? На обочине стоял трактор с зениткой, к ним подошел лейтенант. Кузнецов

понял, что зенитку без трактора не вытащить. Мимо прошла последняя группа пехотинцев. Их командир громко крикнул: «Зенитчики, давай вперед, мы последние».

— Слушай, пехота! Обожди здесь. Сейчас пушку к другому трактору прицепим. Этот трактор немцы продырявили, — упрашивал Кузнецов лейтенанта-пехотинца.

— Поздно уже. Подрывай пушку, но не оставляй ее врагу, — советует командир прикрытия.

Раздался взрыв, и в сером рассвете ствол пушки словно расцвел железным цветком.

А вокруг, все ближе и ближе, трещали пулеметные очереди. Слышались громкие лающие немецкие команды.

...Когда немцы схватили лейтенанта Кузнецова, его пробитая нога еле волочилась. Десяток таких же раненых загнали за колючую проволоку, как скот. После двух ночей наблюдения, забинтовав получше ногу разорванной рубахой, лейтенант Кузнецов подлез под проволоку и бежал из лагеря в лес, воспользовавшись тем, что ночь была темной, а немцы на сторожевых башнях свет не включали.

Местные леса напоминали ему Присвирье. Он шел, сильно хромая, опираясь на палку, выломанную в орешнике. Орехи ел на ходу. Нужно было быстрее пробраться лесами через линию фронта. Но под Москвой, всюду это чувствовалось, немцы накапливают силы для решающего удара, в лесах густо стояли их части. А чуть южнее — курские и брянские леса, решил подаваться туда. Сколько он шел? Наверное, более месяца. Ягоды, грибы, груша-сушка были для беглеца пищей. Заживала от приложенной бересты нога...

Однажды лейтенант забрел в одно селение — нужно было раздобыть хоть кусок хлеба и картошки. Кузнецова остановил невысокий бородатый человек в черной рясе. Назвался местным священником.

Он предложил командиру, узнав его по здорово оборванной во время скитания форме, отдохнуть. Усталость взяла свое. Иван согласился и после еды уснул в доме попа. А ночью его разбудил испуганный священник. Бедняга крестился, словно попал в ад, и указал на окно. Видно, хотел, чтобы тот прыгал в него.

Пока лейтенант надевал брюки и сапоги, немцы ворвались в дом. Двое схватили беглеца, а попа оттолкнули. Офицер спрашивал Ивана — кто такой? Когда увидел гимнастерку, сразу крикнул: «Офицер!»

Кузнецова потащили в штаб, а утром, уже без командирских «кубарей», оторванных немцами, он лежал связанным в кузове грузовика. Его везли в лагерь. Привезли на окраину небольшого городка. С грузовика видны были длинные бараки и вокруг них люди — кто сидел, кто ходил по кругу. И все такие, как он: с бинтами, грязными повязками, самодельными костылями, палками. Вокруг этих шести бараков проволочный забор, у входа будка и часовой. Втолкнули лейтенанта в барак, не сказав ни слова. Пленные обступили, спрашивая, откуда, с какого фронта и всякое другое. От них лейтенант узнал, что лагерь находится возле Бердичева, здесь одни только раненые, многие тяжело. Помощи никому никакой не оказывают. В бараке стоял смрад от человеческих тел. Снег еще не шел, но в щелях была изморозь. На нарах лежали люди в рваной одежде, кто в чем. Лейтенант с трудом нашел себе место. Рядом чернявый, худой, остроносый молодой красноармеец в старой заячьей шапке, назвался Ашотом.

Наискосок на нарах лежал весь перебинтованный большелобый матрос с кустистыми бровями *. Он встал и стал расхаживать, словно что-то обдумывая. Часто подходил к окну, смотрел в степь и снова прохаживался.

На нарах чуть подальше лежали два пожилых красноармейца-«приписника», как называли их до войны. Эти не служившие в кадровой армии люди были приписанными к определенным частям. Один назвал себя Иваном, второй Гавриилом **.

Вечером Кузнецов узнал от матроса Николая, как он со своего корабля Днепровской военной флотилии попал в плен. Его «фрегат» *** подбили с берега, и он, развернувшись, встал поперек реки Пины. Потом отбивались от вражеской пехоты. Тут его и ранило...

---

* Это был матрос с монитора «Смоленск» Н. Мурашко. Он остался жив и рассказал о событиях тех лет.

** Иван Ружинский и Гавриил Бородачев тоже откликнулись на мои публикации.

*** Н. Мурашко служил на мониторе, а фрегатом он называл свой корабль в шутку.

Шли дни, недели. Рана на ноге Кузнецова затянулась. Николай Мурашко и Ашот подружились с Иваном Кузнецовым.

Однажды они все вместе лежали на нарах. Вблизи барака видны были ворота, рядом часовые. Вдруг часовые встали во фронт, пропуская входящего в лагерь офицера в черном френче с черепом на рукаве и фуражке. Рядом шел высокий, худой человек в шляпе и темно-синем длинном пальто. Они вошли в барак и остановились. Офицер махал рукой, отгоняя неприятный запах, и морщился. Гестаповец что-то сказал в сторону переводчика. Переводчик громко объявил:

— Всех вас сейчас переведут в госпиталь. Начинается погрузка на два машина. Сядут столько, сколько влезут. Понятно?

Лейтенант посмотрел на лица стоящих людей. По-разному воспринимали они это сообщение.

— Ну что я тебе говорил, дядя Николай? Сейчас будет нам госпиталь, лазарет, душевая... Понимаешь? — Ашот сказал это громко, когда дверь хлопнула и офицер удалился. Николай только поморщился. Все заговорили. Кто-то не верил и проклинал фашистов. Кто-то радовался — пришла помощь.

К лагерю на большой скорости подошли две машины. Кузнецов удивился, как проворно начали лезть покалеченные люди, стонали, кричали, но лезли. Все торопились в «госпиталь»... Машины тронулись с ревом и, не отрываясь друг от друга, скрылись вдали.

Кузнецов остался у барака, с ним матрос Николай, Ашот и два «приписника» — Ружинский и Бородачев. Кто-то закрутил из табачной пыли, которую нашел в кармане, цыгарку. Она пошла по рукам.

— Без охраны везут, черт возьми! Знают, что в госпиталь, оттуда незачем бечь, — говорил пленный с рыжей бородой. Лейтенант Кузнецов посмотрел на него в упор, тот ухмыльнулся: — Живы будем, не помрем. Немец не зверь. Образованные люди среди них тоже есть.

Матрос резко повернул голову и так посмотрел на рыжебородого оратора, что тот начал заикаться. Иван Кузнецов боялся, что матрос съездит ему по шее. Наступила тишина. Казалось, каждый думал о своем.

Снова послышался гул машин. Они, свернув с дороги, резко затормозили и развернулись. Все вышли из

барака. Переводчик выскочил из кабины. Его глаза тревожно блестели. Он крикнул: «Остальные, садись!» — и закурил сигарету.

Николай и Ашот, пропустив других пленных, сели почти у самого борта второй машины. Иван Кузнецов с Ружинским и Бородачевым протиснулись к середине. Охраны в кузове не было. Не успели заключенные опомниться, как машины взревели и понеслись на предельной скорости. Они промчались мимо одиноких сельских домов. Мальчишка, стоявший у обочины, что-то крикнул, и до пленных донесся только звук «ел... ел... ел». Но по тому, как на него набросилась мать, закрыв рот рукой и затем перекрестилась, можно было предположить, что малец крикнул что-то недоброе. Матрос посмотрел на Ашота. Лицо его было светлое, радостное. Лейтенанту показалось, что ветер проник под его гимнастерку, и он весь дрожал.

Машины свернули с шоссе, но скорость не сбавляли и на грунтовой дороге. Справа виднелся мелкий лесок. Первая, а за ней и вторая машина, сбавив скорость, поехали по полю куда-то к оврагу. На снегу виднелась протоптанная дорога, словно десятки машин проехали по следу. Из-за спины сидящего не было видно ямы, возле которой стоял гитлеровец. Машина развернулась и затормозила. Послышалась команда. Лейтенант привстал, и теперь все ясно увидел: машины остановились в двадцати метрах от ямы. Она была забита трупами. Вот, значит, что кричал парень: «расстрел... расстрел...» Николай посмотрел на эту яму, потом на пленных. Ашот в страхе прижался к матросу.

Шоферы у машин спокойно покуривали сигареты. Стоящий у ямы молодой офицер, повернувшись лицом к машине, негромко крикнул: «Шнеллер!» Второй офицер спешил к заднему борту. А между ними ходил тощий гестаповец, с припухшими веками и небольшими усиками. Он коротко отдавал какие-то распоряжения. Услышав команду, офицер с карабином быстро открыл задний борт машины. Пожилой вытащил пистолет и на глазах у всех заложил обойму с патронами. Николай посмотрел на Ашота, тот на него. Лейтенант Кузнецов тоже понял, что нужен Николаю, и вместе с Бородачевым протиснулся ближе.

Офицер у борта жестом руки указал на яму, скомандовал: «Тва!» Это, видимо, означало начало операции. Двое военнопленных слезли с машины, один

обросший, однорукий, с рыжей бородой, тот самый выступавший в бараке, второй — молодой, хромой красноармеец. Плечи опущены. Чуть впереди шел молодой, за ним, глядя на яму, — бородач. Офицер — сзади с пистолетом. «Их трое, нас много. Смять всех нужно», — подумал Кузнецов и тут увидел, как офицер поднял пистолет и прицелился в идущих к яме. Послышались выстрелы. Оба упали.

«Гады! Зверюги! — Лейтенант весь дрожал. — Что делать?» — думал он.

А пожилой офицер уже снова бежал к машине. Он торопился. И взмахом руки «пригласил» еще двоих. Матрос сжал сучковатую палку и, когда вторая пара подошла к яме, сказал лейтенанту: «Бери палку, а я брошусь на офицера».

Иван понял и молчал кивнул головой. Он зажал палку в кулаке и весь напрягся, словно пружина. Ашот громко шептал:

— Госпиталь, госпиталь... дядя Николай.

Теперь палка в руках Ивана была оружием. Его взгляд был устремлен на плечистого матроса. Николай расправил плечи, стал у борта машины, как у края жизни. Казалось, отсюда он совершит прыжок на свободу или... Лейтенант сказал матросу, что готов прыгнуть.

— Подожди, — ответил он, — надо будет, скажу.

Гитлеровец подошел, держа в руках винтовку, что-то крикнул и, встав у борта, махнул рукой: «Тва!»

Матрос яростно бросился на немца и вцепился в его оружие. Прикрываясь его телом от выстрела бегущего к машине другого немца, Николай перехватил винтовку. Секунда — и Ашот тоже решился прыгнуть на голову немца. Кузнецов крикнул: «Бей фашиста!» И в тот же миг Ашот с размаху ударил немца палкой по голове. Матрос выстрелил в бегущего офицера. Выстрел был, как сигнал. Все попрыгали из машины. Стоящий у ямы гестаповец начал палить по бегущим из пистолета. Матрос прицелился и снова выстрелил. Немец свалился в ров. Шоферы тоже побежали в поле. Кто-то крикнул:

— Матрос!.. Смотри, бегут! Вот они!

Николай прицелился в левого; выстрел — немец упал. Затем взял правее, но вместо выстрела — щелчок. Патронов больше не было. Ашот, схвативший ав-

томат гитлеровца, дал очередь, но пули не достигли цели.

— Одного не добил! — устало сказал матрос и вынул почему-то затвор.

— Бежать отсюда надо, — сказал лейтенант Николаю.

Они молча посмотрели друг на друга.

Матрос взял автомат у Ашота и сказал:

— Ну, друзья, теперь мы дважды смертники. Простите, что так получилось. Но Ашот молодец!.. Быть бы нам всем в яме.

— Николай, нужно уходить. Один убежал, значит, на ноги поднимется все гестапо.

Сказав это, лейтенант почему-то теперь только увидел бегущих по полю по два-три человека пленных.

— Хорошо, что вместе на машине были... Порознь бы погибли. Да, дела-то какие, — уже на ходу крикнул Николай.

Ашот еле успевал бежать за ними. Он все выпытывал у матроса, зачем сказали, что везут в госпиталь?

— А что понимать? Так проще. Ухлопать всех — и крышка. Никто не узнал бы, — отвечал матрос. — Только землицей и известкой притрусили бы, аккуратисты.

Все ждали погони. Лейтенант смотрел по сторонам. В автомате еще имелись патроны...

Около крайней хаты стоял дед. Он, видимо, все видел и слышал. Когда пробегали четверо беглецов, он снял свою шапку и отдал ее Николаю *. Старик сунул еще что-то завернутое в тряпку и сказал:

— Тут вас искать будут, идите через этот бугорок в дальний лес, переночуйте там и дальше.

Дед еще стоял, словно изваяние, пока они уходили все дальше по пахоте к лесу...

Шли пятые сутки. В последнем селе оставили заболевшего Бородачева. Дальше пошли втроем.

Шли, пока хватало сухарей.

Но вот припасы кончились. Трое перешли через замерзшую речку, перелезли через забор и очутились под вечер на кладбище. Все направились на огонек дома — сторожки. Слева от забора проходила дорога.

---

* Через много лет после войны состоялась встреча Николая Мурашко с дедом. И дед получил в подарок новую шапку от матроса.

— Если раздобудем еды, пойдем дальше. Ночевать будем в лесу, — сказал Николай, прнхрамывая к вечеру больше обычного.

— Колониа машин ндет слева, — сообщил Кузиецов матросу.

Трое прнгнулись за забором так, чтобы нх не было вндио.

Машины с пучкамн света куда-то сворачивалн, гдето уходнли за поворот. Беглецы сели, отдышались. За крестами разгляделн темное пятно дома.

— Возьми автомат, осторожно зайдн к сторожу и попроси достать еды... Понял меня? — сказал Нниколай и подал автомат лейтенанту.

От могнлы к могнле лейтеиант стал приближаться к сторожке. «Не напороться бы на собаку». Подошел еще блнже. Открыл дверь. Она скрнпнула. Спиной к Кузиецову сидел человек — сторож в теплом ватинке. На столе еле светнт лампа-каганец.

— Дед, дай поесть и переодеться! — тихо сказал лейтенаит н застыл в ожнданин. Сторож повернулся, оглядел пришельца с автоматом, затем кашлянул н ответил:

— Сколько работаю, не видел мертвецов с автоматом. Опустн ствол.

— Я ие мертвец еще. Нам иужно поесть, — ответил ему Кузнецов. — Я не одии.

— Немцы близко шастают. Я живу иа хуторе, с версту с гаком... Посидите тут, я мигом.

Не успели друзья войти, как хозяии проворио вышел, попросив потушить свет, и запер дверь за беглецами.

Послышались шаги. Николай сказал:

— Ловко он иас поймал.

— Кто он? Куда пошел? — спрашивал Ашот матроса, тоже понявший нелепость их положения.

— Саднсь, живьем не сдадимся. Хата сгорит вместе с намн.

Онн были словио в западие. «Обхнтрил старик», — думал каждый.

— Может быть, разбить окно и ходу, пока не привел кого? — посоветовал лейтенаит матросу.

— А сам ты как думаешь?

— Нет, не может он сделать подлость.

— Ваия, автомат на всякнй случай держи около окна. Наблюдай, — спокойно сказал матрос.

Ашот сообщил, что нашел колун. Тоже оружие. В темноте прошло минут двадцать, а казалось, что прошла вечность.

Потом послышались шаги, скрип ржавого замка. Все приготовились.

Дверь отворилась. На пороге стоял дед и держал что-то в руках. Звякнула ложка в котелке.

— Я вам старый полушубок принес, зажги свет, — потребовал хозяин, — кресало на столе.

Николай положил полушубок и высек огонь. Зажег каганец. Кузнецов взял у деда фуфайку и полушубок.

Сторож с худым лицом и глубокими темными впадинами глаз расстелил рушник и собрал ужин...

Третью неделю беглецы жили у деда Филиппа и его жены Анны Леонтьевны. Днем скрывались на кладбище в старинном генеральском склепе. Ночью переходили в сторожку и там спали. Нужно было соблюдать осторожность. Гараж немецкой воинской части размещался в пятидесяти метрах за забором.

Однажды дед Филипп принес сорванную листовку. В ней содержалась угроза: «За укрытие пленных — расстрел!» Идти вдоль деревень, в которых патрулировали немцы, это значит попасть в гестапо. Решили рискнуть и жить в склепе.

Дед снова принес листовку. В ней предлагали вознаграждение тому, кто выдаст бежавших.

Через неделю решили все же уходить. Николай пообещал деду, если все будет хорошо, встретиться после войны. Ашот молча переступал с ноги на ногу. В руках он держал котомку сухарей.

Шли лесом до самого вечера. Николай заболел. Решили его с Ашотом оставить на хуторе, где редко бывали немцы. Кузнецов пошел вечером в соседнюю деревню. Уже добыл хлеба и возвращался обратно, и вдруг услышал дикий хохот: «Рус! Капут!»

«Откуда они?» — только и успел подумать он.

...Немцы щиплют Кузнецова за бороду, думают, парик, потом повели в деревню. Люди выходили из домов и смотрели вслед. Их было мало, только бабы и дети. Все смотрят на бородатого человека. А немцы, пьяные, толкают его и хохочут. «Куда бежать? До леса с километр. Оружие бы!»

Подошли к дому с крыльцом. Полиция...

Вышли двое с повязками на рукавах. Козырнули немцам, толкнули задержанного в спину — в карцер... На другой день его отвезли в лагерь. Так Иван Кузнецов в третий раз оказался в лагере военнопленных.

Шел 1942 год. Фашисты усилили охрану лагерей, и убежать было трудно. К концу года пленных переправили в Германию, потом в Австрию. Новый побег Ивану удалось совершить только через год вместе с Бортниковым и Орловым. После долгих скитаний они встретили итальянских партизан и присоединились к ним.

ПЕРВАЯ ОПЕРАЦИЯ

Рассказ Ивана Бортникова, записанный Сергеем Гладким

Как-то утром Николотто — командир нашей группы вызвал шестерых партизан и поставил задачу — захватить грузовик. Начали искать шофера. Мне захотелось вспомнить свою солдатскую службу. Ведь я неплохой шофер, водил свой ЗИС. Об этом я сказал как мог италянцам. Они поняли. Обрадовались.

Начались сборы. Нам всем выдали оружие. Павел Орлов старательно протирает свое ружье, Ваня Кузнецов — патроны. Итальянцы же готовились к делу с шутками, как-то со стороны даже выглядело вроде не очень серьезно. Потом я узнал их характер. Они шутят, чтобы себя взбодрить. Нас на дело идет семь человек во главе с комиссаром Бьянки. Это один из тех партизан, которых мы встретили в горной избушке после побега. Тогда-то они избрали командиром группы Николотто, а комиссаром Бьянки. К их группе присоединились мы, а теперь еще десяток итальянцев.

Идем тропой вниз до развилки дороги на Беллуно и Фельтре. Я дважды упал — поскользнулся. Вот и шоссе, асфальт. За поворотом гудит машина. Мы спрятались за кустами.

Все было неожиданно. Я и не заметил, что наш партизан Тим был переодет в форму итальянского солдата, хорошо, что командир показал мне на него. Он и вышел на дорогу. Шофер притормозил. «Солдат» просит его подвезти. Водитель говорит, что не может ехать на Фельтре. Ему нужно недалеко, за ближайшую

деревню. Только он это проговорил, комиссар Бьянки вышел из кустов с пистолетом и предложил шоферу: «Машина нужна партизанам, понял?» Шофер улыбнулся и спрыгнул с подножки. Комиссар показал рукой, чтобы он шел в противоположном направлении, а мне кивнул на машину. Она работала. Я вскочил, все залезли в фургон. Начинаю переключать скорости. Не наша схема переключения. Жалею, что не оставил шофера для консультации хотя бы минуты на три. Соображаю. Вот, есть схема на щитке.

— Едем, — говорю я комиссару. — Буду тормозить мотором, так, кажется, делают в горах.

Бензина полбака. Едем не разгоняясь. Бьянки просит быстрее. Уже темнеет. Нужно засветло попасть в городок на склад оружия. Он находится в крайнем сарае.

— Здесь остановись, — показал рукой комиссар, когда мы подъехали к горе у селения. Я не глушу мотора, Бьянки инструктирует партизан. Я спокойно сижу в кабине и держу наготове автомат — мало ли как бывает в бою. Небольшой опыт, но есть.

В кабину сел итальянский солдат. Я понял, дело будет интересное. Комиссар мне показал на него и что-то сказал. Я понял — надо остановить там, где он скажет.

Дорога была узкая. Я боялся встречной машины. Это не наши широкие дороги. Вот и город. Солдат показывает вправо. Делаю резкий поворот — и чуть не въезжаю в стену дома. Осторожно огибаю угол. Выехали на небольшую площадь.

— Это, — говорит сосед, — улица Садэ. Теперь прямо, — командует он.

Я прибавляю газ. Площадь пустынна. Свет можно еще не включать. Солдат напряженно смотрит в окно. Виден часовой у ворот. Солдат показывает, что остановиться надо возле него. Даю газ и, поравнявшись с часовым, резко торможу. Часовой что-то бурчит. Мой сосед спокойно выходит и начинает разговаривать с часовым. Они говорят тихо. А в это время партизаны незаметно сходят с фургона. Пока солдат спрашивал, один партизан сзади обхватил часового за шею. Тот даже не крикнул. Я не глушу машину. Автомат держу наготове. Смотрю, партизаны побежали в караулку. Минуты три — ни звука, ни выстрелов, ничего. Может

быть, засада? Но тогда хотя бы крик был или выстрел. Потом вижу — партизаны несут какие-то ящики и грузят в кузов. Я выскочил, поставив предварительно машину на ручной тормоз, и к ним: «Помочь?» — спрашиваю. Бьянки машет — смотри, мол, вперед, если увидишь что, дай сигнал.

Через три-пять минут уже сгустились сумерки. Вижу — несут последний ящик. Бьянки садится в кабину, и мы едем. Я от азарта и успеха мчусь по улице с большой скоростью. А комиссар говорит: «Тише, ты разобьешь нас. Там в кузове люди и динамит». Плохо, что не все соображаешь по-итальянски. Сбрасываю газ, включаю фары. Впереди встречная машина шарахается от света в сторону. Вслед несется немецкая брань.

Вот и выехали за город. Едем туда, откуда приехали. Перекресток остался позади. Бьянки через полчаса показывает на дорогу, которая еле видна. Она идет в ущелье к кучам щебня. Наверное, для стройки насыпали щебень.

— Стой, — командует комиссар.

Я остановил свой фургон и вышел. Тишина, света нигде нет. В фургоне заговорили. Первым из машины выскочил ко мне Орлов. Он спросил меня: «Где мы находимся?» Я сказал: «На земле. А где — сам черт не разберет». Потом спросил его: «Вы что, весь склад забрали? А где же охрана?» Он ответил, что всех в караульном помещении связали. Оружие им оставили, так как за утерю оружия в итальянской армии положено наказание вплоть до расстрела. А так им ничего не будет. Скажут, напали партизаны и захватили динамит. Правда, мы еще ящиков пять патронов прихватили. Им на разживу оставили одни. Хватит.

— И они не сопротивлялись, когда вы их вязали? — спросил я у Кузнецова. Он стоял тут же, поправляя пилотку.

— Один даже предложил это сделать комиссару сам. Тут хитрая политика... Они фашистов ненавидят тоже. Это же оккупанты — фашисты-то. А немцы из охраны в этот вечер уехали. Наверное, у них свои дела. Грабят потихоньку итальянцев. Это они, видимо, на машине возвращались пьяные и попались нам навстречу...

— Мы с ними чуть не столкнулись, — подтвердил я

и похлопал по плечу рядом стоящего Орлова, мол, молодец и ты. «Мальчишка, навериое, первый год служил в морфлоте, а отчаяиный пареиь», — подумал я.

Ящики с дииамитом мы зарывали под щебием. Клали по два ящика в кучу через два метра. Благо, иасыпаио мнoго щебия такими «могилками». После этого Бьяики сам проверил все, сказал что-то солдату-итальяицу и скомаидовал сесть в машииу. Каждый, кто проходил к машиие, по-своему говорил мне, что я почти иастоящий водитель. Правда, одии жаловался иа шишку иа лбу и показывал ее при свете фар. Я смеялся. Как им объясиить, что когда первый раз едешь иа иезиакомой машиие, то боишься даже иажать иа рычаг скоростей.

До самого привала я ие глушил мотор, даже тогда, когда остаиавливались по иадобиости. Хорошо, хватало беизииа. Уже к часу иочи мы подъехали к селеиию и поставилн машииу в сарай. Хозяии возмущался: почему, мол, привезли пустую машииу? Комиссар Бьяики предупредил владельца: «Если завтра иемцы спросят, кто привел машииу-фургои, то им сказать, что грабители привезли несколько овец в фургоие. И козьего гороха ие забудь бросить в машииу!» — добавил ои.

В горы мы пошли другой дорогой. На следующий деиь стали сортировать взрывчатку. Мы уже закоичили работу и шли по ущелью, как вдруг прибегает связиой и говорит, что во время облавы в селеиии арестовали комиссара Бьяики. У иего иет оружия. Но его в селеиии миогие зиают. Мы спрашиваем партизаиа, можио ли спасти его, где и сколько иемцев? Партизаи еле дышит и отрицательио качает головой. Немцев миого. Положеиие безиадежиое.

Идем быстрее в горы, чтобы доложить о случившемся. Печальио все это. Сейчас бы окружить в селеиии иемцев. Но сил у иас совсем мало. А дииамит мог бы иам пригодиться.

Когда доложили комаидиру бригады, ои спокойио ответил, что рисковать ие будем. Бьяики сделает все, чтобы уйти из полиции. Но, к сожалеиию, ему это ие удалось...

ТРУДЕН ПОИСК ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ

Глава написана Джузеппе Фьюмарой

Как я узнал, Бьянки был арестован действительно случайно. Тогда облавы гитлеровцами иногда делались и с целью профилактики. Селение было оцеплено. Комиссара Бьянки узнали те, против кого он боролся. Его посадили в тюрьму Бальдеинч, и поэтому невозможно описать удивление Бьянки при его освобождении из тюремной камеры в результате проведенной партизанами операции, о которой пойдет рассказ позже. Когда я встретился с ним (через 25 лет после освобождения), он мне рассказал, что ему пришлось пробыть в заключении долгое время, в самых разных условиях тюремного режима. Сначала он двадцать дней просидел в одиночке, потом четыре месяца — в камере под постоянным наблюдением надзирателя-нациста, потом следующие два месяца — в полной изоляции, после чего Бьянки перевели в общую камеру с четырьмя товарищами.

Я спрашивал его, подвергали ли пыткам в тюрьме, но он при этом постоянно менял тему разговора. Я видел, что ему тяжело говорить об этом, и задал ему тот же вопрос лишь некоторое время спустя. Наконец он признался, что его долго и упорно мучили, причем так, что не хотелось бы вспоминать об этом. Теперь мне стало неловко за свою настойчивость, я упрекал себя за это. Продолжая наш разговор, я не мог не восхищаться его скромностью, а ведь так много было совершено им во имя общей свободы.

По совету Бьянки я решил побывать в тех районах, где действовали партизаны. Меня вызвался проводить туда Карло.

Когда установилась теплая погода, мы поехали.

По дороге в Больцано ди Беллуно Карло показал мне дом Совиллы, построенный у самого подножия неровного склона горы, омываемого бурным ручьем. Старик Совилла был верным помощником партизан.

Оказалось, Совилла теперь здесь не живет, они всей семьей переехали ближе к автостраде в маленькую квартирку в кирпичном доме. Наконец мы нашли и этот дом мужественных людей, отдавших Сопротивлению своего сына и столь много сделавших лично для успеха борьбы партизан.

С улицы идет коридор прямо в маленькую комнатку, которая одновременно и прихожая, и гостиная, и кухня.

Жена Совиллы внимательно присматривается к Карло, прежде чем узнать его, а потом раздаются возгласы удивления и радости, боевые друзья крепко обнимаются. Входит дочка Совиллы — Пупа, которая во время войны, совсем маленькой, была связной у партизан, — и новые улыбки, и новые воспоминания.

Старика нет дома, он в горном селении Казе Бартот, и жена Совиллы передает Карло ключи от внутренних дверей тюрьмы, которые считались потерянными и которые эта семья сохраняла двадцать пять лет в ожидании, что наконец их можно будет вручить тем, кто ими пользовался во время операции «Бальденич».

От дома Совиллы держим путь к Казе Бортот, однако подъехать к нему не так просто из-за очень крутой и потому трудной дороги.

Казе Бортот — это несколько старых крестьянских домишек. Во всей деревне живет не более двух-трех семей; вокруг не видно ни обработанных полей, ни стад. Совершенно пустынные места, пересекаемые на крутых откосах редкими тропинками. Глядя на эту местность, невольно думаешь о маршруте, по которому много лет назад двигались партизаны после операции и где они скрывались.

Стрелки наших часов подходили к полудню, когда мы добрались до Казе Бортот и подъехали к дому Совиллы. Постучались. Дверь открылась, и навстречу нам вышел старик...

Он с первого же взгляда узнал Карло и обнял его. Мне пришлось ждать довольно долго, прежде чем он успокоился и ввел нас внутрь.

Старик, сохранивший удивительно ясную память, рассказывая о прошлых событиях, дополняет Карло и говорит, что в ночь с 14 на 15 июня 1944 года партизан сопровождал к тюрьме не Беппо, его сын, а Нино, который впоследствии был увезен в Германию, и о нем говорили, что он пропал без вести. Припоминает, что Де Люка оставлял ему деньги, чтобы купить целого теленка на мясо и доставить его для партизан в заранее условленное место. Он прекрасно помнит то время, когда прятал Карло в старом домишке в глубине узкой долины, и даже помнит имя доктора, вызванного в связи

с тяжелым ранением, которое получил Карло, упав с моста в реку.

С сожалением старик вспоминает о своем сыне Беппо, вынужденном эмигрировать в поисках работы и остаться за границей.

Ближе к вечеру обходим места, где партизанам приходилось в боях отражать атаки нацистов. Здесь для Карло каждый поворот ручья, каждый брод, каждое дерево, каждая скала связаны с чьим-нибудь именем, каким-то событием или воспоминанием. К вечеру мы пошли к Кавиоле, где Карло с восемнадцатью товарищами отбивал атаку двух тысяч эсэсовцев. Когда кончились боеприпасы, он отдал приказ отступать в горы. Он потерял в этом бою несколько человек убитыми, зато немцы — 150. Вспоминаем, что сегодня — 25 апреля, и многие жители города решили поехать в Венецию, чтобы присутствовать на открытии памятника партизанам работы скульптора, который в прошлом сам был партизаном и носил кличку Мурер.

Был почти полдень, когда мы подошли к дому бывшего партизана Оресте. Он встретил нас сердечно и сразу же сказал, что на следующее утро он не пойдет на работу, чтобы проводить нас в те места, где смертью храбрых пал Кузнецов, и к форту Тромбнон, где когда-то партизаны совершили свою удивительную операцию.

Рано, в девять утра, мы уже были в кухне дома Оресте. Он быстро надел пиджак, и мы отправились в путь по узкой и пыльной деревенской улице.

Поднимаемся по крутому склону холма, возвышающемуся над всей долиной Чезиомаджоре. Здесь Оресте мне рассказывает о том, как 22 февраля 1945 года партизаны попали в окружение и как при этом был убит Кузнецов. Перед тем как подробно рассказать мне обо всех событиях этого трагического дня, меня проводили к месту героической гибели Кузнецова.

Оресте тщетно пытался уговорить власти поставить после освобождения памятник русскому, отдавшему жизнь за свободу Италии от фашизма. После безуспешных попыток он на партизанские и личные сбережения купил этот участок и воздвиг там маленький памятник из белого мрамора, около которого каждый год в день Первого мая появляется венок из живых цветов.

После полудня Оресте повел нас к развалинам форта Тромбнон, до последнего времени не восстановленно-

го, стены которого по-прежнему сохраняли следы страшного взрыва. Стена оборвана метров на пять.

Слушаю рассказ моего проводника о том, как тонко и чрезвычайно хитроумно был разработан план операции.

Форт Тромбнон создавал большие трудности для партизан при передвижении отрядов. Кроме того, его разрушение нанесло бы значительный ущерб нацистам. Они в нем хранили боеприпасы и взрывчатку. Долго пришлось ждать подходящего момента для диверсии, и наконец такая возможность представилась. Ему — Оресте Грису — с группой партизан удалось захватить коменданта форта. Руководители партизанского отряда решили воспользоваться этим обстоятельством и срочно провести операцию по взрыву форта. Срочно, потому что боялись, что длительное отсутствие коменданта форта—обер-лейтенанта—будет замечено, и тогда возможен провал. Выполнить операцию было поручено Брунетти с минимальным количеством людей. С ним пошли Кузнецов, Бортников и двое итальянцев.

Группа захвата форта в условленном месте, указанном Оресте, заполучила круглолицего, правда, за две ночи похудевшего обер-лейтенанта. На нем все тот же выглаженный костюм. Комендант имел вид бравого офицера.

Перед началом операции его предупредили: если он попробует что-нибудь сделать по-своему, то его «адъютант» (светловолосый Иван Кузнецов, стоявший тут же в немецкой форме) продырявит его из автомата. Переведенные слова офицер воспринял серьезно. Ему хотелось жить, и потому он поклялся переводчику сделать все, что ему скажут. Ходили слухи о том, что на Гитлера готовилось второе покушение. Фашизм трещал по всем швам и в Италии. Комендант верил и чувствовал все это. Присутствовавший при инструктаже командир бригады Карло заверил, что офицеру будет сохранена жизнь и его отпустят за границу Италии, хотя бы в Австрию.

Вместе с переданным группе гитлеровским комендантом четверо партизан во главе с Брунетти ушли среди ночи к форту. Им предстояло до взрыва разоружить весь гарнизон в составе шестидесяти трех человек и при этом не вызвать и тени подозрения. Малейшая оплошность могла всех погубить.

Коменданту придумали легенду. Если часовой задаст вопрос об охране, идущей рядом, комендант должен сообщить, что он возвращается с совещания и с ним представители гарнизона — один майор (в форму майора облачился Брунетти) и четверо унтер-офицеров.

...Темной скалой приближалась крепость, дорога была выложена брусчаткой. Далеко слышались шаги в ночной тиши. Часовой заметил движение группы людей, укрылся в башенку, которая находилась на стене, и окриком остановил незнакомцев. Комендант назвал фамилию и объяснил, кто с ним рядом. Послышался щелчок в замке, и массивная дверь открылась так, что мог зайти только один человек. Внутри форта горел огонь. Комендант медлил. Может быть, на миг ему захотелось вскочить и захлопнуть дверь, но офицер хотел жить, да и дверь не так быстро закроешь. Казалось, тянулись долгие минуты. В этот момент в открытый проем шагнул Брунетти. «Майор» двинулся на часового. Тот отошел и стал во фронт. За «майором» следовал комендант, потом Бортников своей высокой фигурой закрыл проем. Он внимательно осмотрелся и махнул остальным рукой, приглашая зайти. Быстрым движением Кузнецов стал сзади коменданта, а двое итальянцев — возле часового. Его надо было обезоружить. Но у входа за ним внимательно наблюдал другой часовой, находившийся на стене. Он еще спросил: «Кому там ночью не спится?» — хотя знал, что офицер и до этого приходил в крепость поздно ночью или даже под утро.

По плану операции Брунетти должен рукой указать, куда идти. Он промолвил что-то, затем показал рукой коменданту на дверь в высоком строении в конце небольшой площадки, где обычно проводился развод караула. Там был основной вход в форт и узкие ходы на участки средневекового замка.

Вошли в холл. Часовой ушел на пост. При входе группы дежурный унтер-офицер вскочил, застегивая на ходу френч и надевая фуражку.

Комендант посмотрел на лежащий на столе пистолет в кобуре вместе с поясом, на открытый шкаф с автоматами и карабинами дежурной команды.

По замыслу операции, комендант должен был к чему-то придраться и любой ценой заставить дежурного унтер-офицера выйти из-за своего стола: там была сигнализация. Офицер крикнул и указал на ящик с оружием. Когда унтер метнулся к шкафу, его схватили

Бортников и итальянский партизан. Связанного, с кляпом во рту дежурного офицера упрятали в шкаф.

Комендант пытался пройти к столу и сесть на стул. Может быть, он решил включить сигнализацию? Но Кузнецов, внимательно следивший за ним, подтолкнул офицера автоматом в другое направление, к стулу у окна. Комендант сел, снял фуражку.

— Где ключи от караульного помещения? — спросил Брунетти у переводчика, который стоял «телохранителем» возле коменданта.

— Все в связке на железной двери шкафа, — отвечал комендант. Брунетти уже вынимал ключи, когда на стене загорелась лампочка.

— Что это за сигнал? — спросил переводчик.

— Это идет смена. — Караул — десять человек вместе с начальником — как бы потверждал всю правоту разговора перед операцией о том, что трудно будет разоружить немецких солдат. Комендант кисло улыбнулся. Его взгляд как бы говорил: «Ну что, провели немцев?»

Однако Брунетти внешне был совершенно спокоен. «Нам нужно взорвать форт. Вот основная задача, а где она, взрывчатка? Как узнать?» — думал он.

— Где склад тротила или динамита? Что у вас тут есть? — спросил Брунетти коменданта.

— Динамит там, — перевел слова коменданта переводчик и предложил использовать караул для переноски взрывчатки: — Солдаты сами нам помогут. Все сделают, — скороговоркой проговорил партизан. Он тоже волновался.

Брунетти стал вблизи коменданта и объяснил:

— Когда войдет смена караула, прикажите им оружие срочно составить в козлы. Если начальник караула откажется, мы всех перестреляем. Прикажите им также перенести динамит сюда. Скажите, что немцы уходят и потому приказано взорвать форт. Понятно? — Не успел договорить это командир группы, как в дверь вошла смена — девять молодых, с заспанными лицами гитлеровцев. Завидев коменданта и постороннего «майора», начальник смены отдал рапорт «майору». Брунетти вытянулся. Комендант стоя тоже выслушал доклад и без промедления трагическим голосом сказал: «Пусть пока никто не знает, чтобы не было паники. Запомните, мы отступаем, форт по приказу заминируем, а потом взорвем. Оружие положите здесь, а вы, — указал он на

середину строя, где стоял длинный худой ефрейтор, — пойдите откройте склад динамита. Ключ отдайте ему, — указал он на переводчика.

То ли майор, «инспектирующий» форт, то ли властный голос, какого до этого не слышали подчиненные от коменданта форта, а может, сообщение об отходе подействовало. Потому караульные безропотно сносили ящики динамита, аккуратно укладывая их в трех местах здесь же, в помещении. Весь остальной гарнизон спал.

Когда динамит был разложен в самых уязвимых местах форта, по приказу коменданта была поднята по тревоге команда и срочно (без оружия) выведена из форта.

Охранники бежали впереди подрывников-партизан, сохраняя видимый строй. Вблизи форта находилась группа прикрытия, выставленная на всякий случай Карло. Партизаны в этот раз с помощью четвертых «унтерофицеров» взяли в плен группу гитлеровцев, 60 итальянских солдат.

Еще утренняя заря не успела осветить верхушки гор, окружавших перевал, на котором стоял форт Тромбион, а уже весь гарнизон и партизаны находились за его пределами. Раздался страшный взрыв, закончивший историю этой крепости...

Уже темнело, когда мы покинули груду развороченных глыб, разорванные арки сводов, стены, изрезанные глубокими шрамами мощного взрыва. Ночевали мы в домике Ресте.

На следующее утро, совсем рано, мы уезжали обратно, увозя с собой несколько тетрадей записок и воспоминания о сердечных, искренних и скромных людях, бывших партизанах, с которыми мне удалось познакомиться за такое короткое время, но о которых уже никогда не забуду.

ОПЕРАЦИЯ «БАЛЬДЕНИЧ»

Глава написана Джузеппе Фьюмарой по воспоминаниям командира партизанской бригады Карло

Мой отряд действовал на правом берегу реки Пьяве от Граппы де Сан-Мартино, Кастроцце и до Сугана-

Пустерии. Наша зона имела большое значение, и нам тогда удалось добиться довольно значительных успехов. В проведенных нами операциях мы уничтожили много гитлеровцев и итальянских фашистов, взорвали не один мост, уничтожили десяток грузовиков, захватили до сотни автоматов, несколько ящиков с боеприпасами, тюки с фашистским обмундированием и, что для нас в ту пору было очень и очень важно, три с половиной тонны свинины — она оказалась хорошим подспорьем для партизанской кухни: надо сказать, что мы довольно часто голодали...

Но, пожалуй, самой важной была наша операция по освобождению из тюрьмы Бальденич семидесяти трех политических заключенных, многим из которых грозил расстрел. Среди них были и наши товарищи по отряду, наши командиры.

А начиналась эта операция так.

К нам на горную базу Ай-Ронк пришел связной — молодой парнишка. Вижу — голодный, но держится хорошо.

Зову двух поваров бригады — Мегера и Галлину и спрашиваю их, что можно дать поесть только что прибывшему товарищу. Мегер, который получил свою клички за худобу, приносит большой кусок ветчины, а Галлина садится возле коровы и вскоре подает гостю большую чашку с молоком. Затем мы с пришельцем остаемся одни.

Он важно так делает мне замечание: «Командир, хорошенько почистите вашу одежду, она настолько у вас потертая и изношенная, что в поселке с первого взгляда каждый поймет, кто вы такой».

Логичное замечание. Мытье, уход за одеждой, честно говоря, давно уже стали забытыми вещами. У кого из нас могло быть время, да и возможность, чтобы следить за собой, если нам приходилось прятаться днем, а выходить на операции в ночное время, причем не только для борьбы с врагом, но и в поисках питьевой воды, хлеба, обуви, дров.

Собрались в дорогу мы вместе с Николотто, моим заместителем. Николотто был командиром батальона гарибальдийцев во время войны в Испании, несколько раз ранен. Впоследствии его выдали итальянским фашистам,

он попал в тюрьму Вентотене, откуда бежал и добрался до нас...

Через два часа, сопровождаемые связным, мы добрались до Больцано ди Беллуно и остановились в маленьком домишке. Нас встретили здесь дружескими объятиями. Тут я и узнал о цели нашей встречи: находившегося в тюрьме Бальденич нашего командира Мило могут приговорить к расстрелу. Надо его спасти. Готовим специальную операцию. «Что ты скажешь об этом?» На такой вопрос ответить сразу было нелегко...

Давно уже я думал об этой тюрьме, в которой томилось столько наших товарищей. Она была для нас как бы перевалочной станцией на пути к смерти.

Вспоминаю некоторых товарищей, попавших туда: Бьянки, Мило и Банкьери, вспоминаю и многих других товарищей, побывавших там. Мне было обидно, что такое решение оказалось принятым так поздно. Два дня назад из нее в Трентино были переведены двое наших партизан — Сильвестри и Перуцци. В Трентино их повесили.

Сильвестри—его настоящее имя Монтефорте—был одним из первых политических комиссаров партизан из Беллуно. Его биография во многом напоминает биографию Николотто: Испания, концентрационный лагерь, тюрьма, горы. Единственная разница между ними в том, что Николотто его пережил. Гибель Сильвестри была чудовищно нелепой. Ведь мы послали его в сравнительно спокойную зону, чтобы он мог там подлечиться: у него была запущенная активная форма туберкулеза, кровь шла горлом постоянно. Именно поэтому он пользовался особенной заботой партизан; многие не могли сдержать слез, когда, покидая отряд, он махал им рукой на прощание, как бы показывая, что он всегда с нами. Мы ошиблись, думая, что ему удастся вылечиться. Он просто не стал лечиться. Приехав на место, он установил связь с партизанами, действовавшими в этом районе, и продолжал идти по ранее выбранному пути, которому он не изменил вплоть до своей смерти.

Анжело Перуцци, наоборот, был чрезвычайно осторожным и недоверчивым человеком. Он работал в мастерской. Я вспоминаю, что не стал записывать его имя, а, чтобы запомнить его, нарисовал в записной книжке ангела и грушу (слово «Перуцци» созвучно со словом «пара» — «груша»).

Позже Перуцци привел меня к себе домой; у него было очень много детей. Они казались очень маленькими то ли из-за того, что старшему еще не было и двенадцати, то ли в сравнении с громадным ростом их отца. Еще внушительнее Анжело выглядел на фотографии в мундире гренадера времен первой мировой войны.

После этой встречи началось наше тесное сотрудничество. Он показал мне свой тайник, в котором держал целый арсенал оружия. Почти в тот же день с племянником Беппи они ухитрились перенести все это оружие в горы. Анжело принимал участие во многих схватках с врагом, попал в плен и вот теперь был казнен. Но перед лицом палачей партизан не склонил головы. Анжело Перуцци умер с возгласом: «Да здравствует Италия!»...

— Ну так как? — Комиссар провинции Де Люка ждал ответа в отношении моего согласия участвовать в налете на тюрьму.

— Пока я хочу участвовать в этой операции, но как ее провести, не знаю, — отвечаю я.

— Хорошо, — сказал Де Люка. Мы должны встретиться с человеком из Беллуно через час в установленном месте.

Вместе с Де Люка мы тут же отправились в путь на велосипедах. Перед отъездом я спросил Де Люка: «Можно ли передать этому человеку привет от наших партизан?» Де Люка рассмеялся и ответил: «А почему бы нет, ведь он — тюремный надзиратель».

До самого Беллуно дорога — почти наклонный спуск вниз, и все четыре километра этого спуска мне пришлось прочертить своими пятками, потому что иной возможности тормозить у меня не было.

Мы должны были увидеться с тюремным надзирателем на окраине Беллуно. Чтобы было легче узнать друг друга, у каждого из нас в петлице должно было быть по ромашке.

От Фельтре дорога стала ровнее, по сторонам ее видны домишки и пасущиеся коровы.

Впереди нас едет модно одетый человек, почти франт, высокий, стройный, лысоватый, восседающий с высокомерным видом в седле своего нового велосипеда.

«Ну, сейчас я тебе покажу, кто из нас едет быстрее», — думаю я и нажимаю на педали... Через не-

сколько метров я и Де Люка чуть не столкиулись, но, к счастью, удерживаемся на иогах.

Молодой господни перед иами останавливается, смотрит иа нас презрительио, срывает с обочины ромашку и вставляет ее в петличку пнджака, потом садится на велоснпед н быстро едет дальше.

Вот так штука, да ведь это ои! Однако наш милейший новый знакомый неплохо ездит, да и, кроме того, должен же на иас обратнть хоть немного виимання. И, фыркнув от смеха, я с новой снлой иачииаю крутнть педалн.

Мы лишь иемного отставали от иего, когда он остаиовился около деревенского трактира, ннзкого здаиня с большой дверью н двумя окнамн, выходящнмн на улицу, н кухонным окном на задний двор. Оставляем велоснпеды около дорожной тумбы. Де Люка входит в дом, а я обхожу вокруг трактира, чтобы увериться, что все спокойно. Затем открываю дверь н вижу, что Де Люка уже сидит за однни столом с нашим велоснпеднстом.

Мельком заглядываю в комиату прислугн, возвращаюсь н, вытащив нз кармаиа ромашку, вставляю ее в петлнцу: обмениваемся рукопожатнямн, выпиваем немиого внна и решаем, что надо найти другое место для разговора — пойти к железной дороге Беллуио — Падуя. Осмотревшнсь по сторонам, переходнм через улнцу, взбнраемся по склону насыпн, проходнм через железнодорожный путь и спускаемся с другой стороны иасыпн в густые заросли боярышннка.

— Итак, Карло, спрашнвай, что тебя интересует. — Проговорнв это, Де Люка предлагает последиюю сигарету (курнлн «Сералъо»).

Он собнрается выкннуть эту пустую пачку и хочет ее смять: я быстро перехватываю пачку — с бумагой плохо! Разворачиваю ее н на внутренней чнстой стороне начииаю рнсовать план тюрьмы Бальдеинч ди Беллуно по точным и подробным указанням, которые нетороплнво дает наш новый знакомый. Де Люка, вндимо, считает, что ему больше оставаться здесь нет смысла, н уходнт, сказав мие на прощаине, чтобы я все записывал как можно подробнее.

Надзнратель передает мне точные даииые о тюремном распорядке, колнчестве и временн смеи иадзирателей, чнсленности карабннеров и добавляет, что гарни-

зон, состоящий из карабинеров, иногда бывает усилен немцами. Затем подробио описывает мне внутреннее устройство тюрьмы: где располагается парикмахерская, кухня, где обычно находятся политические заключенные и где остальные, расположеиие камер-одиночек, дежурки жандармерии и конторы регистрации заключенных. Рассказывает он также и о привычках и слабостях обслуживающего персонала. Описание настолько подробное, что вопросов у меня нет.

Коиечио, очень хотелось передать товарищам в камеры привет, слова поддержки, однако из осторожности, выработавшейся у меня в течение этих долгих месяцев борьбы, отказываюсь от этой мысли. Ведь малейшая ошибка может стоить жизни и моим товарищам, и другим заключенным.

Мы прощаемся. Больше я его уже не увижу вплоть до встречи во время выполиеиия операции в тюрьме.

Чувствуя страшный голод, так как не ел с самого утра, снова сажусь на велосипед и добираюсь до Беллуио. Улицу Гарибальди решаю пройти пешком, чтобы найти аптеку, так как у меия страшно болят зубы. Вот и вывеска «Аптека доктора Форчеллини». У аптекаря немиого красноватое внимательное и добродушное лицо. Ои стоит за прилавком и ждет клиентов.

— Десять пачек аспирина (в те времена аспирин был паиацеей от многих болезией), — говорю я негромко.

— А вы ие знаете, что сейчас война? Что, у вас дома казармы? — спрашивает тихо аптекарь.

— Да почти так, — спокойно говорю я, уверенный, что он примет это за шутку, ио лекарство даст.

— Ну, тогда я должеи сказать, что вы уже второй за день такой любитель аспирина.

Я просовываю голову в окошечко и возможно вежливее говорю:

— Доктор, иу пожалуйста, дайте мне аспирин.

Накоиец ои дает мне таблетки. Я принимаю сразу две, другие оставляю для товарищей, оставшихся в горах: зубиая боль мучила иас всех, причиной чего, видимо, было сидение все время в сырости.

Слышу крик торговки: «Вишни, вишни!» — и решаю хоть немиого поесть. Недалеко от себя вижу жаидармов, и все же я захожу в переулок и покупаю кулек вишен.

В тот деиь мие везло, потому что, кроме этих вишеи,

меня накормил обедом еще один из знакомых, пригласивший посидеть с ним в кабачке на окраине города.

В Беллуно, оставив велосипед, стал подниматься по крутым склонам к нашей казарме «Ай Ронк».

Солнце палит нещадно. Наступило жаркое лето. Лес еще сохранял остатки влаги, накопившейся во время зимы, дарил немного прохлады.

Ко мне вернулось забытое желание помыться, и я окунулся в прозрачную, но очень холодную воду Ардо. Затем оделся и, сохраняя неприязнь к мостику, перебрался через него. Это был тот мостик, с которого я когда-то свалился.

Кстати, относительно мостов русские дали один очень хороший урок. В свое время, подходя к мосту, я обычно оставлял свой отряд в укромном месте и в одиночку переходил через мост. Делал я это, чтобы не подвергать риску своих товарищей. Когда это в первый раз случилось в присутствии русских, они, удерживая меня, пытались что-то объяснить жестами и мимикой, но я ничего не понял, а Кузнецов уже пересек мост и сделал мне знак рукой, что путь свободен. Лишь позднее они смогли объяснить, что мне, командиру, не следует подвергаться напрасному риску.

Очень характерная черта русских!

И вот я уже наверху и добрался до первого караульного поста; слышу пароль: «Смерть фашизму», отвечаю: «Свобода народу». Кто-то идет мне навстречу; извиняюсь перед товарищами, что не признался раньше. Мне предлагают проводника. Недавно произошел обвал, и в некоторых местах тропинка оказалась разорванной провалами по триста метров глубиной. От проводника я отказываюсь и лезу один в горы. А между тем приближается вечер, и я пытаюсь идти как можно быстрее, чтобы выиграть время и поспеть к лагерю до темноты, потому что солнце уже совсем низко.

Это мне не удается. Добираюсь до нашего лагеря, когда совсем стемнело. Единственное, что могу различить, узкую полоску света, пробивающуюся между неплотно подогнанными досками входной двери. Слышу голос Клоччияти: «Поговорим теперь о политике». Вошел тихо, чтобы не отвлекать внимание товарищей. Внутри дымно и пахнет смолой от сосновых корневищ; становится жарко. Партизаны сидят на обрубках стволов, лежат на земле, подостлав одеяла, некоторые сидят в глубине помещения, прислонившись к стенам, их еле

видно. Я сажусь и закрываю глаза, спать не хочется, но устал страшно. Подсчитываю, сколько же присутствует: сегодня особенно людно. Широко раскрываю глаза от удивления, когда Орлов и Тимофей берут слово: мне кажется почти невероятным, чтобы в такой короткий срок можно было научиться понимать и говорить по-итальянски, чтобы принимать участие в сложной беседе.

У нас немного русских — все они бежали из немецких концентрационных лагерей и долго скитались. Их зовут Орлов, Тимофей, Ванья Кузнецов, Бортников, Миша, Алешка, Василий.

Они все достаточно опытные люди, умеют хорошо подготавливать засады, переносить трудности партизанской жизни.

Разговор идет больше о будущем. Все сходятся на том, что фашистский блок не продержится и года, он рухнет под натиском союзных войск. Недавно американские и английские войска высадились во Франции.

Русские товарищи горячо доказывают, что Советский Союз смог бы теперь сокрушить фашистского зверя и без помощи союзников, уж больно поздно они спохватились со своим вторым фронтом. Он был нужен русским в 1941—1942-м, даже в 43-м. А теперь гитлеровцы бегут из России, только «пятки сверкают». Орлов так и сказал — «пятки сверкают»...

Беседу заканчиваем оживленным обсуждением практических вопросов.

Потом я беру ацетиленовый фонарь, и мы с Уго поднимаемся на бывший сеновал, который теперь служит нам великолепной спальней; ложимся в угол, прислонившись друг к другу, и растягиваемся на соломе.

Надеюсь, что усталость, накопившаяся за день, сразу же заставит меня крепко уснуть; я понимаю, что мне необходимо хорошо отдохнуть. Однако в эту ночь бессонница не покидала меня.

Я слышу, как внизу ходит часовой, зовет кого-нибудь тихим голосом, потом начинает тормошить и, разбудив, возвращается на свой пост. Разбуженный берет автомат, прислоненный к стволу, и выходит наружу, чтобы сменить часового.

Слышен короткий треск сломанных сучьев, быстрое и короткое потрескивание разгорающегося дерева, новая вспышка света, порождающая странные тени, мечущие-

ся по стенам и по черепице крыши. Треск напоминает далекие очереди автомата.

Устав от попыток уснуть, чувствуя, что все во мне горит от нетерпения начать действовать, я решаю спуститься с сеновала и направляюсь к караульному посту.

Уже скоро рассвет. Глубокой ночью вряд ли можно ожидать атаки фашистов на наш лагерь. Однако на рассвете самое опасное время, и стоит выставлять дозорных с хорошим слухом и зрением, с повышенным чувством бдительности...

Но сегодня голова моя заполнена мыслями о предстоящей операции «Бальденич». Как-то нам удастся ее осуществить?

В ТЮРЕМНОЙ КАМЕРЕ

Глава написана по рассказу Мило

Итак, прошло почти два месяца, как я отсчитываю шаги от моей камеры до комнаты, в которую меня приводят на допрос. Оттуда меня ведут в «зал для развлечений» (как иногда называют одну из более крупных камер), где немецкие чиновники допрашивают политических заключенных.

Меня удивляет, что физическим пыткам меня до сих пор не подвергают. Обычно заключенных отводили в жандармерию тюрьмы, их передавали молодчикам из СС или итальянским фашистам, а те издевались над своими жертвами в специальной камере, откуда никто не выходил живым или хотя бы на своих ногах.

Когда сейчас, спустя тридцать лет, я рассказываю об этом, мне кажется, что все это было не со мной, а с кем-то другим, что я видел это на экране как страшный фильм.

За время пребывания в тюрьме я научился узнавать каждую камеру, мимо которой проходил по коридору, привык различать скрип каждой решетки, лицо каждого тюремщика казалось мне знакомым очень давно.

Многие мои соотечественники оставили семьи и присоединились к отрядам гарибальдийцев, лишив своих близких покоя и сна. Но не такие «военные» служили в нашей тюрьме. Эти почтенные господа восседали на низеньких табуретках, к их поясным ремням были подве-

шеиы огромиые ключи от камер, их береты лихо сдвинуты на затылок; оии делали огромные усилия, чтобы ие слышать стоны подвергавшихся пыткам... Но что удивительио, даже среди этих подоиков попадались порядочные люди, которые нам помогали.

С помощью нескольких тюремных охранников почти каждую ночь мне удавалось заходить к товарищам в другие камеры, чтобы их ободрить, договориться с иими о том, что следует и чего ие следует говорить на допросах.

Дежуривший у моей камеры надсмотрщик рассказал мне, что я опозиаи, и произиес несколько сочувствениых, но совершеиио бесполезных слов.

Я почти не сомневался, что с этого дня меия постигнет участь Бандьеры, Бьяики или Бертойи, которых избивали днем и иочью до полусмерти.

Размышления мои были виезапно прерваны далеким грохотом железных дверей, скрипом петель открываемой решетки и тяжелыми, иеспешно приближающимися к моей камере шагами.

В камеру вошли двое чиновников и, сморщив нос от тяжелого, спертого воздуха, один из них торжествеино прочитал приговор, смысл которого содержался в одиом слове—«расстрел»,—затем, изобразив иа лице сострадаиие, вкрадчиво добавил:

— Впрочем, если вы назовете имена ваших сообщников, то вам будет подареиа жизнь. Вы так молоды, и иам ие хотелось бы, чтобы вы погибли иастолько бессмыслеиио.

Я хрипло выдохиул:

— Нет!

Взбешениые тюремщики покинули камеру, объявив мне, что у меня есть сорок восемь часов, чтобы подумать.

В моих ушах все еще звучали предсмертиые хрипы Бертойи, а перед глазами стоял Доригуцци, трактирщик из Фельтре. Его подвешивали за веревку, привязанную к поясу, и истязали на весу. Непрерывным мучениям подвергали и других товарищей. Я не мог понять, почему тюремщики не обращаются так же и со миой. Ведь оии увереиы в моей виновиости, ио ограничиваются лишь тем, что сообщают о предстоящей казни. Да еще предлагают мне спасти свою жизнь ценой измены.

Безусловио, положение мое было совсем иевеселое,

однако самым важным сейчас для меня был тот факт, что для расстрела приговоренного должны перевести в Больцано; не приходилось сомневаться, что на этот раз будет изменен обычный порядок, как это делалось для других заключенных.

Итак, необходимость моей перевозки и их надежда, что я выдам какие-нибудь важные данные, позволяли мне выиграть два дня, в течение которых можно попытаться хоть как-нибудь связаться с командованием в Беллуно. Я ведь тогда не знал, что товарищи уже готовят операцию по моему освобождению.

За последнее время я привык слышать разговоры о вынесении смертных приговоров и о пытках, поэтому при воспоминании о любой из казней, совершенных нацистами, я как бы отождествлял себя с теми, кому приходилось это испытывать; пытался представить себе, что чувствует человек в те последние мгновения.

Я чувствовал себя сейчас спокойным и даже ощущал внутри себя что-то напоминающее вызов судьбе; в конце концов я знал об опасностях, которым я подвергался, заранее. Меня огорчало, что теперь мне больше не придется участвовать в партизанских операциях и бороться с ненавистным фашизмом.

Досадно и то, что мне не дожить до его окончательного поражения. А в том, что оно наступит, я не сомневался.

Тюремный надзиратель, как это уже случалось и раньше, соблюдая величайшую осторожность, появился в камере лишь на минутку; он спрашивает о самочувствии, не нуждаюсь ли я в чем-нибудь, и предлагает мне сигарету. Подав ее, он зажигает спичку. Как и все заключенные, я испытываю необычайно сильное желание закурить — оно мучает нас постоянно, однако я медлю прикуривать. Проходит несколько секунд, и я решительно ломаю сигарету, табак крошится и падает на пол... Огрызком карандаша на бумажке от сигареты я пишу только три слова: «Меня приговорили к расстрелу».

Надзиратель дает мне коробок, и я прячу записку под спичками. Ему хорошо известно, что заключенных отводят на расстрел через сорок восемь часов, поэтому нет необходимости упрашивать его передать записку членам Комитета национального освобождения как можно скорее...

Примерно через час после ухода надзирателя я вдруг

услышал во внутреннем дворе тюрьмы н в корндоре какие-то новые голоса. Обычно в это время все уже молчат, однако в этот вечер пронсходило что-то необычайиое: я слышал прнветствня, произнесенные иа итальянском н иемецком языках, а это означало, что охрана усnливается подкреплением нз эсэсовцев.

Со двора послышался лающнй голос фельдфебеля, который приказывал всем караульным быть особенно бдnтельнымн сегодня и открывать огонь в любом случае, если будет пронсходnть что-лнбо подозрnтельное. Тут мне вспомннлось, что огражденне тюрьмы нз колючей проволоки и что по ней пропускается электрнческий ток, как это было прннято у немецкнх фашнстов, н это мелкое, в общем, обстоятельство, которое я совсем упустнл из внду прн своих расчетах на помощь партнзан, почти полностью подкоснло мон последнне иадежды иа спасенне.

Я знал, что некоторое время тому назад была сделана попытка нападення на казарму, чтобы освободить Бьянки — его после ареста отвелн туда вечером. Однако нападенне на тюрьму — дело гораздо более сложное, здесь значнтельная охрана, и шансов на успех очень мало.

Рассвет не прннес мне ннкакнх иовостей, н уиынне мое еще более уснлнлось. Я реально представнл, что меня со связаннымн за спиной рукамн ведут за ограждающnй тюрьму вал, тело содрогается от предрассветного холода... отрывнстые слова команды н... выстрел.

Да, не прнходнлось сомневаться, что ночь прошла, не прннеся ннкакого результата, одиако ясно, что лобовая атака тюрьмы — огромный рнск. Вполне реально, что от этого варнаита товарнщн откажутся, предпочтя ему другой — освободнть меня по дороге к месту казнн.

Хорошо подготовнв нападенне н выбрав удобное место иа каком-ннбудь отрезке шоссе Беллуно — Больцано, можно было бы легче всего добнться успехов. Едннственный иедостаток этого плана заключался в том, что меня могли не довезтн до Больцано, а просто повеснть иа любом фонаре возле тюрьмы нлн прндорожном дереве.

Уже иаступнл день, и, поскольку ннкто не прншел за мной, чтобы везтн в Больцаио, я мог надеяться, что проведу в Бальденнче еще по крайней мере двадцать

четыре часа, прежде чем меня будут перевозить для исполнения смертного приговора.

Видимо, нацисты все еще надеются выжать из меня признание. Перевозка осужденных выполнялась всегда на рассвете; начиная с наступления сумерек и до утра фашисты, как правило, оставались в казармах и в других надежно охраняемых убежищах.

Почувствовав надежду, что мне дадут остаться в тюрьме еще один день, совершенно измотанный бессонной ночью и душевным напряжением, я свалился на койку и, свернувшись калачиком, моментально уснул.

Проснулся я вполне отдохнувшим, но спокойствия мне сон не прибавил. В тюрьме явно что-то происходило: со двора слышалась громкая немецкая речь и тяжелая поступь солдат. Я понял, что взвод, прибывший прошлым вечером для присоединения к гарнизону тюрьмы, сейчас проходит мимо тюрьмы. Что это значит? Уходят? Или их сменили другие эсэсовцы?

Я решил больше не засыпать, чтобы внимательно следить за любыми звуками и голосами, доносящимися до моей камеры.

Моя камера! Вряд ли в мире есть еще хоть одно какое-нибудь место, которе было бы для меня более ненавистным, и все-таки мне приходится говорить слово «моя» каждый раз, как я думаю о ней, и даже сейчас мне не удается разделить эти два слова.

Кто знает, сколько еще людей будет ожидать своего часа в этой же камере, кто знает, сколько узников томилось здесь до меня? Мне известно, что в этой же тюрьме сидели Бандьера, Бьянки, Манара Вальмиди — профессор, известный специалист по греческому языку, Банкьери...

Часы медленно тянулись друг за другом. Я напрягал слух, стараясь понять, не прибыли ли снова немцы и нет ли чего нового, что может стать благоприятным для меня. Но не мог услышать ничего особенного. Снова стали появляться те же мысли и опасения, которые мучили меня весь прошлый день, ночью и этим утром. Снова мной овладели тревожные мысли: ведь вполне могло быть, что подобное молчание со стороны означает, что они все еще ничего не знают о моем приговоре, и это предположение могло оказаться тем более верным, что уже прошло довольно много часов, а надзиратель все еще не вернулся и ничего не сказал

ние о том, удалось ли ему благополучно передать записку.

Вполне возможно, что он испугался, поэтому решил не делать обещанного и избегает любой встречи со мной. Однако уже вскоре мне довелось убедиться, что подобные мысли были лишь необоснованным пессимизмом: ко мне заглянул столь ожидаемый мной надзиратель. Он оказался поистине неоценимым помощником, рискуя собственной жизнью, пришел сказать, что передал записку в тот же день и что Цанканаро и Тарикко уже провели разведку в окрестностях тюрьмы.

Надзиратель ушел, а я снова начал прикидывать в уме, как друзья могут меня освободить.

Тюрьма Бальденич была одной из наиболее современных, ее окружали две стены, по которым проходили провода под током высокого напряжения, внутри ее находилось 16 карабинеров и десять надзирателей, внутренний арсенал ее был огромен; кроме того, тюрьма находилась совсем рядом с городом, в котором полно немцев, живших в многочисленных казармах.

По дороге Беллуно—Лонгароне, служившей важной артерией, связывающей Италию с Австрией и Германией, непрерывным потоком шли военные колонны. При первом же выстреле к тюрьме подошли бы любые из проходящих мимо воинских частей.

Немцы особенно свободно чувствовали себя в провинции Беллуно, так как она и провинции Тренто и Больцано были аннексированы от Италии и присоединены как части национальной территории фашистской Германии.

С другой стороны, мне приходилось раздумывать и о том, что при любом исходе операции неизбежно будут применены репрессии к заключенным, в результате чего на месте будут расстреляны все политические заключенные, находящиеся в Бальдениче, поэтому, может быть, гораздо лучше, если я умру один, по крайней мере в этом случае я смогу умереть спокойно, не мучаясь тем, что стал причиной смерти моих товарищей.

Сейчас, забегая вперед, я должен сказать, что за мое освобождение заплатили жизнью Цанканаро и его сын. В тот же вечер, когда меня освободили, нацисты арестовали многих жителей Беллуно. Сын Цанканаро вышел из дома, чтобы предотвратить арест отца, но был схвачен и повешен, а отец был убит, как только переступил порог своего дома.

Между тем я лег на койку и стал думать и думать о том, что меня ожидает. Постепенно усталость взяла свое, и я задремал.

Меня разбудил какой-то шум. Во сне мне казалось, что нацисты уже разгромили все отряды Сопротивления. Горько было сознавать, что придется умирать с такими предчувствиями и сознанием полного бессилия и неспособности сделать хоть что-нибудь для этих совсем еще молодых борцов; приходилось только надеяться, что в будущем жизнь моего народа будет свободной и счастливой...

— Проснись, еда прибыла, — слышу я голос из-за двери. — Поднимайся, поднимайся.

Я нехотя встаю, достаю миску и подаю ее надзирателю.

— Если хочешь, я могу дать тебе двойную порцию. У тех, кого привели сегодня ночью, что-то нет аппетита.

— Ты хочешь сказать, что у них нет зубов?

— Чего тут жевать-то? Но зубов у них действительно осталось мало. И чего люди не сидят по домам?

— Ты бы сказал, как там другие?

— Не могу знать. Так как, дать тебе двойную?

— Если другие ребята здесь и пока еще живы, то дай лучше им, мне что-то не хочется.

— Понимаю, понимаю, для последнего раза еда, конечно, не такая уж замечательная.

— Для последнего?

— Ну, такого я тебе не говорил! Это тебе со сна.

Он уходит, оставив миску, наполненную до половины.

«Последний раз» — ясно, один день уже прошел, и меня уведут сегодня. Хотелось бы знать точнее, когда это может случиться. Сегодня же днем, этим вечером или, может быть, завтра утром? Впрочем, шестью часами раньше или шестью часами позднее, большого значения не имеет.

Возможно, конечно, что есть какая-то вероятность меня освободить при перевозке, и, может быть, друзья так и собираются сделать. Обдумав все это, решаю, что нужно сохранять силы на случай, если придется спасаться от погони. Беру миску и проглатываю ее содержимое. Потом растягиваюсь на койке таким образом,

чтобы через квадрат окна можно было видеть кусочек неба, перечеркнутый четырьмя прутьями железа.

Солнце довольно близко к горизонту. Сейчас семь, и с минуты на минуту произойдет смена караула. Мне слышны только голоса итальянцев, судя по всему, немцы для усиления гарнизона сегодня не прибыли. Теперь я совершенно уверен, что это последняя ночь, которую мне придется провести в Бальдениче. Больше всего меня угнетает сознание бессмысленности моей скорой гибели, не во время какой-нибудь операции, и не в борьбе за достижение великой цели.

Конечно, я сделал все, что мог, — на допросах я молчал, чем предотвратил возможные аресты антифашистов. И все-таки такая смерть кажется мне бессмысленной и неприемлемой, если только можно сказать, что смерть бывает приемлемой.

Легкий вечерний ветерок донес до меня бой часов с дальней башни: семь с четвертью.

Все мои мысли были направлены теперь на то, чтобы встретить конец со спокойствием человека, умирающего за свободу других.

Для нас эта истина была одна для всех — это была истина, которая открывалась каждому человеку, попавшему под гнет фашизма. Это была истина, из-за которой со спокойной уверенностью шли на смерть тысячи людей во всей Европе.

ВСТРЕЧА С НЕИЗВЕСТНЫМИ

Глава написана по рассказу Карло Джузеппе Фьюмарой

Спускаюсь с сеновала и вижу, как Мегер и Галлина кормят завтраком очередного связного.

— Что пришел сказать нам?

— В Больцано ди Беллуно ждут Карло, — коротко говорит связной.

Я беру автомат, связной допивает свой «кофе» — кипяток, настоянный на каких-то травах, — и вытирает рот тыльной стороной ладони.

Спускаемся довольно быстро с горы. Эту тропинку я знаю очень хорошо и легко передвигаюсь по ней даже ночью. Часто приходится останавливаться, связной то и дело спотыкается и, охая, присаживается на камень;

глядя на него, не могу не улыбнуться, однако обидно терять драгоценные минуты, потому что уже в полдень мы должны идти обратно, чтобы организовать привал для группы, идущей к тюрьме.

Наконец приходим в Больцано ди Беллуно; в одном из домов на окраине города около приходской церкви меня ждут двое уполномоченных.

Здороваемся, называя друг другу свои подпольные клички. Джино и Никки объясняют причины моего нового вызова сюда, в деревню. Мои предположения были совершенно правильными. Начинаем обсуждать возможности освобождения Мило — нашего командира дивизии.

У меня создается впечатление, что они оба придерживаются одного плана: довольно большая группа партизан устраивает засаду на шоссе Беллуно — Фельтре, чтобы напасть на машину, в которой Мило, как они предполагают, будут перевозить из Бальденича в Больцано. Я молча слушаю Никки, однако мысленно перебираю все факторы в пользу их плана и против него, отбрасываю одни и подбираю другие, чтобы сделать свои доводы более весомыми.

Когда оба они замолкают, я задаю им встречный вопрос: не будет ли слишком опасно держать вдоль такой оживленной магистрали десять вооруженных человек, да еще в течение нескольких часов или дней, в ожидании предполагаемой машины, в которой должны везти Мило? Фашисты могут пронюхать о засаде и устроить какую-нибудь ловушку, кроме того, не будет ли освобождение одного только Мило обидным для десятков наших товарищей, которые каждый день подвергаются ужасным пыткам в этой же тюрьме? Разве не лучше попытаться освободить всех? Но как? Вот об этом-то я давно думал и кое-что придумал.

Никки нравится моя идея, однако он считает, что, хотя предлагаемый мною план весьма реален для исполнения, пользоваться динамитом при взрыве тюрьмы слишком рискованно. Я предлагаю снова и снова различные варианты своей идеи, но никак мы не можем прийти к полному согласию. Наконец решаем так — освобождение заключенных из тюрьмы Бальденич берет на себя наша группа. В случае нашей неудачи группа Никки попытается освободить Мило по дороге в Больцано.

Я говорю, что мне пора уходить. Солнце уже поднялось совсем высоко; меня не покидает мысль о том, что именно сейчас кого-то из моих друзей пытают в этой проклятой тюрьме.

Они прощаются со мной и уходят первыми; я провожаю их взглядом, а потом выхожу на дорогу, ведущую в горы.

Единственное, что я могу теперь сделать за эти четыре часа пути, — вновь и вновь обдумывать операцию, но мои мысли зачастую сбиваются и принимают совершенно неожиданное направление.

Приходит в голову мысль о несоответствии между рекомендациями руководства партизанским движением в Италии и нашей реальной деятельностью.

В соответствии с их инструкциями мы должны заниматься лишь подготовкой людей к тем дням, когда должно будет произойти решительное наступление союзников, и вести агитацию для того, чтобы к этому времени можно было поднять всеобщее восстание; совершенно не рекомендуется устраивать вооруженные нападения на хорошо обороняемые пункты.

И тем не менее мы объединяемся в сравнительно небольшие группы для уничтожения итальянских фашистов, которые организуют частые расстрелы, вешают партизан, уничтожают мирное население. Устраиваем взрывы на дорогах для нарушения нормальной работы тыла — военных заводов и оружейных мастерских.

А как же иначе? Ждать — это погубить все движение Сопротивления.

Я уже добрался до первого часового; еще через полчаса я буду около нашей казармы. Сказав пароль, прохожу дальше. Ожидающие меня явно озабочены. Уго выходит навстречу, он, наверное, увидел меня еще тогда, когда я пересекал Ардо. Пока мы проходим последний участок пути от первого часового до нашей казармы, я рассказываю ему о несправедливом, с моей точки зрения, предложении освободить только Мило.

Партизаны встречают меня шумными приветствиями, но я вижу в глазах у каждого невысказанный вопрос; чувствуется всеобщее напряжение и тревога, но никто не решается задать прямой вопрос, о чем был разговор. Я сажусь на большой и прохладный камень белого цвета и держу в руке кусок хлеба; почему-то

именно сегодня опять страшно разболелись зубы, пожалуй, никогда еще так не болели.

Невдалеке пасется мул; я решаю, что мы возьмем его с собой, он еще молодой, и, как считают некоторые, у него мясо довольно мягкое, поэтому если не удастся его использовать для перевозок то он пригодится нам в жареном или вареном виде. Честно говоря, никогда не сказал бы, что его мясо может быть вкусным или мягким...

Зову Уго, и мы уходим с ним на сеновал. Роюсь в моем вещевом мешке, который одновременно выполняет у меня функции архива, секретера и шкафа для белья; он до отказа набит. Здесь книга по теоретической механике, веревки, краткое руководство по взрывам различных типов мостов, фотографии друзей, павших в боях или казненных в застенках, дневник, одеяло, печать бригады, несколько листов бумаги, ручка и множество других крайне необходимых вещей. В этом маленьком «складе» нахожу бережно хранимую в полном смысле драгоценность — геотопографическую крупномасштабную карту окрестностей Беллуно.

Я рассматривал ее уже столько раз, что сразу же нахожу изображение тюрьмы Бальденич и ведущие к ней улицы. Делаю отметки на перекрестке и прошу позвать Нази, партизана из Одерцо, показываю ему перекресток и говорю, что назавтра после наступления темноты он туда должен привести два больших грузовика которые мы реквизируем для своих целей. Советую ему быть предельно осторожным и предупредить владельцев грузовиков, чтобы они не заявляли в полицию о пропаже по крайней мере два дня. Нази уходит, я прошу позвать Лино. Это чрезвычайно живой и способный парень, у него хорошая интуиция и сообразительность, кроме того, в данных обстоятельствах у него еще два очень важных преимущества: он родом из Беллуно, и у него там живет невеста.

Не успел я найти на карте шоссе Беллуно — Понте, как он сам показал на вход в тюрьму, поэтому мне оставалось только дать ему два распоряжения: завтра вечером до начала операции он должен прийти туда со своей невестой и пробыть там некоторое время. Когда к нему подойдут двое наших, он должен сообщить им сведения о перемещении охраны.

— Постарайся быть как можно осторожнее. Своей

невесте скажи, что тебе это место нравится больше всего своей романтичностью, — добавил я, улыбаясь.

(Этот храбрый парень Лино был схвачен вместе с тремя другими партизанами и повешен на фонаре на площади в Беллуно, а его невесту заставили смотреть на казнь жениха...)

Теперь было самое время заняться непосредственной подготовкой к операции, однако только я собрался подняться, как ко мне подошел Николетто, мой заместитель, и заговорщицки произнес:

— Карло, в тюрьму должен пойти и я.

— Кто тебе сказал об этом?

— Никто. Я просто хочу тебе сказать, что если мы туда пойдем, то должен пойти и я. Ты ведь знаешь, кто должен туда пойти, чтобы освободить старика Банкьери и комиссара Бьянки?

— Если мы туда пойдем, то пойдем вместе!

Зову Далле Донне и приказываю ему собрать всех людей, у которых есть немецкое обмундирование. Для выполнения операции нам нужно тридцать человек с «неитальянскими» чертами лица.

И я уже решил, кто пойдет со мной, но хочу, чтобы товарищи быстро выполнили мой приказ, и делаю вид, что решать будем вместе.

Через несколько минут Далле Донне собрал около пятидесяти партизан, которые были одеты в форму немецких солдат или хотя бы имели часть обмундирования, и приказал тем, кто остается на нашей базе, отдать свою форму будущим участникам операции. Я напомнил тем, кто готовился к операции, что у них должно быть немецкое оружие. Восемь немецких мундиров, добытых во время операции около Босконы, решили взять с собой. Я тщательно осмотрел каждого из товарищей, чтобы ни одна деталь одежды не выдала их.

И вот мы уходим все дальше и дальше от нашей казармы, сопровождаемые взглядами товарищей, которые пели «Бандьераросса» и в прощальном приветствии вскинули кверху руки со сжатыми кулаками.

Честно говоря, я не пел и не поднял сжатый кулак, даже не повернулся, чтобы посмотреть на оставшихся товарищей. Тревога об исходе нашей операции уже охватила меня. Судьба моих спутников и тех, кого мы хотели освободить сейчас, во многом зависела от нашей находчивости, военной хитрости и хладнокровия.

Я старался ускорить спуск по склону, так как темнота все сгущалась, гасли последние лучи заката, в то же время мне казалось, что чем дальше мы уйдем от оставшихся товарищей, тем быстрее утихнет во мне это почти ребяческое возбуждение. Позади я часто слышал смех, сопровождавший чье-то падение, или беззлобное переругивание, если кто-либо сбивал строй, споткнувшись или зацепившись сапогом за камень.

Спустя немного времени мы оказались возле мостика через Ардо, шаткого и узкого, без всякого ограждения по бокам, а внизу уже с трудом различалась покрытая пеной поверхность воды.

Благополучно перебравшись через Ардо, мы начали подниматься по тропинке, разорванной глубокими обрывами на несколько сотен метров; эту тропинку можно было бы назвать «тропой надежды». Каждый раз, когда мы проходили по ней, кто-нибудь громко высказывал свою сокровенную мысль, относившуюся к прошлым воспоминаниям или к будущему. В этот вечер Мик, один из наших ребят, родом из Южной Африки, вслух заметил, что хорошо было бы, если бы кто-нибудь из его деревни не по рассказам, а лично познакомился бы с такой дорогой.

Николотто постоянно следил за настроением товарищей, поддерживал дух людей. Прошло еще немного времени, и мы увидели огоньки деревушки Казе Бартот.

Вся деревня была погружена в глубокую тишину, но на звук наших шагов открылись некоторые двери, и мы услышали голоса жителей, называвших наших товарищей по именам.

Не убавляя шаг, мы отвечаем на приветствия: двери одна за другой снова закрываются, и вскоре Казе Бартот остается позади. Теперь мы находимся примерно в полукилометре от центра Больцано ди Беллуно, через который проходит шоссе, ведущее в глубь долины. Мы спускаемся по небольшой дороге вроде проселка, идущей слева от шоссе, и добираемся до стоящего на ровном участке небольшого домика, почти со всех сторон опоясанного верандой.

На лай собаки, спрятавшейся в кустах около дома, появляется человек с морщинистым лицом и рыжеватыми волосами, слабо освещенный светом керосиновой лампы, и прислоняется к столбику веранды, всматриваясь в темноту, пока я не выхожу в зону света колеблющегося пламени лампы. Это и есть Совилла, он жи-

вет у скал, расположенных вдоль берега Ардо, сжимающих русло реки в узкий проток, не больше метра; камнем из этих скал обтачивают и шлифуют лезвия и различный инструмент, а также используют для всяческих поделок. У Совиллы крепкие широкие ладони с растрескавшейся мозолистой кожей. Всю жизнь он не расстается с резцом и молотком — орудиями тяжелого труда каменотеса. За пятьдесят лет кожа его стала неотличимой по цвету от цвета скал его родной земли. Он человек честный, надежный, истинный социалист.

В молчании теплой ночи, когда затихают все звуки, еще громче слышен грохот Ардо, она несется совсем рядом с домом, в этом месте образуя водопад. Совилла нисколько не удивлен нашим появлением: партизаны почти всегда заглядывали к нему по ночам, а его дом почти все время служит явочной квартирой и местом отдыха для партизанских групп. Вся семья Совиллы помогала отряду, хотя ни о подробностях, ни о цели операции ему ничего не известно.

Еще днем в этот домик зашел Де Люка, оставил старику двести лир, чтобы тот купил теленка, зарезал его у себя дома и приготовил еду. Этим должны были заняться его жена и дочка Пупа, а сын Нино этой ночью должен был привести отряд к дому, выбранному для ночлега. На следующий день Нино с помощью сестры перенес партизанам сваренное мясо. С ними пришел и Де Люка, который хотел последний раз проверить, все ли готово, и отдать приказ о начале операции.

Между тем старик предложил нам немного поесть. Наскоро перекусив, мы отправились в путь. Нино шел во главе отряда. Совилла с фонарем в поднятой руке освещал дорогу. Он остановился у начала моста над Ардо и попрощался с каждым из нас, мы перебрались на другой берег и оказались в полной темноте. На каждом шагу спотыкались, ноги скользили по намокшей глине и неровностям тропинки.

Никто не смог пройти этого участка дороги, не упав несколько раз в грязь. Затем мы начали спускаться и добрались до дна долины, топкого и грязного, покрытого зарослями боярышника, такими густыми, что, пробираясь сквозь них, основательно исцарапались. Вскоре выбрались на ровный участок дороги, свободный от кустарника. После этого двигались примерно еще около часа и наконец увидели покинутый дом. Обойдя его со всех сторон, чтобы убедиться в отсутствии засады, вхо-

дим внутрь. Этот дом меньше, чем наш «Ай Ронк», но тип постройки почти такой же. Пока Николотто назначает караульных и размещает часовых, я с остальными людьми поднимаюсь на сеновал, заваленный сеном. Прощаюсь с Нино и прошу его, чтобы он не очень тянул с доставкой продуктов.

Плотно закрываем ставни окон и включаем карманный фонарь; изосторожности почти полностью закрываем его фуражкой.

Товарищи засыпают быстро, переход был долгим, все устали, а впереди день, полный опасности...

Пока партизаны спали, я начал подбирать наиболее подходящих для операции людей, внешне максимально похожих на представителей арийской расы. Важным фактором было хладнокровие, и это, пожалуй, было одной из труднейших задач для экспансивных южан.

Выбор казался особенно трудным не только потому, что в моем распоряжении было недостаточно людей с нужными способностями, или потому, что я не знал, кому доверить исполнение наиболее трудной части операции, но скорее из-за того, что каждый из присутствующих очень хотел быть включенным в основную группу, и мне очень не хотелось разочаровывать тех, кто будет вынужден остаться.

Товарищей из Болоньи включать в состав этой группы я не собирался. Именно потому, что они были полной противоположностью немцам — типичные южане во всех смыслах.

В ожидании Де Люка, с прибытием которого мы должны были принять окончательные решения, я вызвал из шеренги советских ребят и вместе с ними Мика, парня из Южной Африки, с прекрасными зелеными глазами (спустя несколько месяцев он погибнет в стычке с фашистами).

— Миша, Леша, Орлов, Тимофей, Василий и Мик, — вызываю я их. Неожиданно из шеренги выходит Ваня Кузнецов и говорит, путая русские слова с итальянскими:

— Командир, и я с вами!

И тут же присоединяется к своим. Для меня это было совершенно неожиданным. Дело в том, что не вызвал я его только по ошибке, надо особо отметить, что почти во всех операциях он всегда был рядом со мной.

Именно по этой причине мне бы хотелось более подробно рассказать об этом партизане-интернационалисте, который, как и сотни советских граждан, готов был пойти на все жертвы ради освобождения от фашизма Италии — даже не родной для него страны.

Кузнецов был невысок. Его рост, может быть, был немного ниже среднего, но, как он говорил, это давало ему определенные преимущества в бою по сравнению с людьми высокого роста. В Италии его зачастую принимали за американца из-за цвета кожи и веснушек, которые особенно выделялись в жаркую погоду. Он лишний раз старался не говорить при незнакомых по-итальянски, опасаясь, что его примут за немецкого шпиона. Но его итальянский язык мало кто понимал. Это был добродушный человек, всегда и везде вызывающий к себе привязанность и симпатию. Мое близкое знакомство с ним существенно изменило мой взгляд на то, что только итальянцы имеют ряд характерных для них приятных душевных качеств.

Он отличался высокой принципиальностью, чувством долга и сильно развитой способностью быть честным и справедливым при любых обстоятельствах. Он никогда не старался показать лишний раз свои способности и делал это лишь в случаях крайней необходимости, что выходило у него с чрезвычайной простотой и естественностью.

Мне приходилось быть предметом его особой заботы, он никогда не оставлял меня одного в случае опасности, стремился идти вперед, чтобы опасность принять на себя. И гибель его тоже была своего рода доказательством его отличных качеств — храброго бойца и верного друга.

Кроме русских и Мика, для участия в операции я выбрал еще Барбирона, высокого и крепкого шатена с веселым и общительным характером, двадцатилетнего Альдо — пламенного антифашиста, которому мы доверяли наиболее опасные поручения (к сожалению, он погиб в одной из стычек с карательным немецким отрядом), доброго, чуткого и горячего парня Тео — одного из немногих, кому было около тридцати, во взгляде которого легко было угадать его волю. Роста он был невысокого, с черными как смоль волосами, высоким лбом, почти сросшимися бровями и густой щеткой усов — он также был убит за несколько дней до осво-

бождения страны. Вызвал я и Далле Донне — одного из наиболее сообразительных ребят в этой группе и, кстати, наиболее образованного из всех, — великолепное сложение да и высокий рост делали его заметным. Он был светлым шатеном со смуглым цветом лица. (Он так же, как и многие другие товарищи, позже был повешен нацистами).

В эту группу были включены: Марат — самый высокий и самый ловкий боец (он участвовал в многочисленных операциях в одном из отрядов группировки Эмилия — Романия, его необычная сообразительность, а также большой боевой опыт обусловили участие и в нашей операции); Эрмес — парень довольно высокого роста, прошел такую же суровую школу партизанской войны, как и Марат, впоследствии ему было доверено командование группой бригады «Грамши»; и, наконец, с нами был парнишка по имени Тим — ему было меньше девятнадцати. Необычайно подвижный и ловкий, он пролезал в самые узкие щели между скалами и мог вабираться на почти отвесные кряжи.

Все советские парни моей бригады вошли в группу для исполнения наиболее важной части операции по освобождению заключенных в тюрьме Бальденич.

Хотя для нас, итальянцев, они и были представителями мало известного нам народа, но они имели такие прекрасные личные качества, что доверить им важное и опасное дело можно было без колебаний.

Вспоминаю о появлении у нас Алексея, которого мы все звали просто Алешкой *. Он добрался к нам из лагеря пленных в горы, с огромным трудом передвигая разбитые в кровь и опухшие ноги. У нас не было ни врача, ни лекарств, он понимал это. Был Алешка совершенно беспомощным и только показывал жестами, насколько ему тяжело. Я потерял его из виду и только вечером, а вернее, ближе к ночи увидел его, сидящего на корточках у скалы. Он пытался выдавить два гнойника, образовавшихся у него на ногах у паха. Я дал ему лезвие бритвы. Вечером он сам вскрыл себе нарывы на ногах, что, конечно, было мучительно.

О Тимофее ** следует сказать, что у него была великолепно развита интуиция и отличная подготовка в ведении партизанской войны. Он был проворен и ловок.

* Фамилия Алешки пока неизвестна.

** Имеется в виду Тимофей Доценко.

Вспоминаются его прекрасные светло-русые волосы. Во время одного из отступлений наш отряд отходил с большими трудностями. Непрерывно строча из автоматов, он перебегал от камня к камню, от куста к кусту, от одного дерева к другому. Сейчас это кажется почти невероятным. Он сумел сбить немцев с толку, и они отказались от преследования, боясь западни.

Бортников Иван отличался своим поистине гигантским, почти двухметровым ростом. Лицо его очень напоминало лицо киргиза, но я не знаю, были ли у него родственники этой национальности.

Благодаря своей природной памяти и сообразительности Бортников был первым среди русских, кто научился правильно говорить на нашем языке и даже ухитрялся принимать участие в политических дискуссиях. Стоит сказать, что у него были и незаурядные организаторские способности.

Раздобыть для него обувь нужного размера было делом очень нелегким, поэтому вначале ему редко приходилось участвовать в операциях, а иногда он воевал буквально босиком и добирался до нашей базы с разбитыми в кровь ногами. Мне часто приходилось пользоваться его необычайной силой для переноски продуктов из Эрто.

Среди этих ребят Миша * также обращал на себя внимание. Однажды в Босконе он доказал свою великолепную меткость стрельбы, уложив часового, стоявшего на высокой стене.

Можно сказать, что Орлов стрелял не хуже Миши, но проявилось это несколько неожиданным образом. Нам удалось найти неведомо как попавший в наши края русский ручной пулемет с двумя ножками, который, насколько я помню, русские называли «дегтярев». Пользуясь этим оружием, Орлов ухитрялся поражать цель как одиночными выстрелами, так и короткими очередями.

Как-то раз, демонстрируя возможности своего «дегтярева», он не пожалел впустую выпустить два патрона и вдребезги разнес две бутылки с расстояния пятьдесят метров. Этот пулемет был настолько ему дорог, что он с ним никогда не расставался, стрелял же из него крайне редко, лишь тогда, когда совершенно не сомневался, что пуля дойдет до цели. Не забросил он

* Фамилия Миши также неизвестна.

его и тогда, когда запас патронов для его любимца совсем иссяк и в магазине оставалось только на два выстрела, то есть когда оружие, в сущности, стало совершенно бесполезным.

В дозоре Орлов обычно замыкал шествие, держа на плече свою «драгоценность».

О Василии *. Это был чрезвычайно серьезный парень, даже несколько угрюмый. У него было необычайно острое зрение, которое нам много раз служило свою добрую службу. Он имел также значительный опыт партизанской войны. Делал Василий все спокойно и вдумчиво. Такие качества, как спокойствие и уверенность, пригодились ему и в будущем, когда ему доверили командование батальоном Кирова (в первые дни создания батальона им командовал Бьянки). В его батальон вошли все русские, первоначально рассеянные по разным отрядам провинции Тривенето...

...Послышались обычные оклики: «Стой, кто идет». «Смерть фашизму!», «Свобода народу!». Наконец Де Люка, Нино и его сестра пришли, их с восторгом встречают все присутствующие, хотя радость эта вызвана не только их приходом, но и содержанием вещевых мешков, висящих у них за плечами.

Принесли ужин. Полуодетые, в мундирах и другой одежде, лежавшие по всем углам партизаны вдруг поднимаются и набрасываются на еду. Из рук в руки начинает переходить единственная бутылка виноградной водки.

Все шумнее становится в помещении, все оживленнее лица, крепче шутки партизан. Одна бутылка на тридцать ртов — это не больше одного-двух глотков на каждого, но этого оказалось достаточно, чтобы поднять настроение.

Мы с Де Люка отошли переговорить с Лино Пьяцца, который был послан накануне провести наблюдение за тюрьмой. Он рассказал, что в указанном месте действительно видел парня с девушкой, но что ни Нази, ни грузовиков, которые тот должен был достать, он не заметил. Это сообщение встревожило меня. Лино узнал также, что в тот вечер, когда Мило был вынесен при-

* Василий Трифонов.

говор, охрана тюрьмы была усилена немцами, но уже на следующий день все опять было обычным.

Де Люка поинтересовался, как у нас идут приготовления, и, мне кажется, я немного покривил душой, сказав, что мы уже давно его ждем для принятия окончательного решения.

— Итак, Карло, план остается неизменным? — спросил он меня со своим характерным для провинции Эмилия выговором. — Нет смысла ничего менять?

— Да! — твердо ответил я.

—Ну как, вы разобрали мундиры по размерам? — задал он вопрос снова с легким оттенком иронии.

— Как видишь, все одеты с иголочки, и, кажется, с этим вопросом разобрались.

— Ну вот и великолепно.

— Теперь остается ждать совсем немного, пусть едят спокойно. Вчера вечером в тюрьму привезли еще семнадцать товарищей и с рассвета уже начали их пытать.

— Надеюсь, что этим вечером мы несколько изменим их положение.

— Надо постараться.

— Все же подумай, какому риску мы подвергаем сразу столько товарищей!

В это время меня окликнули:

— Эй, Карло, не выпьешь с нами глоток? — Тео протянул мне бутылку с остатками виноградной водки — граппы.

— Что, все уже выпили, кому хотелось?.. А русские?

— Кое-кто из них выпил, ну а из наших-то никто не отказался.

— Что же вы, ребята, даже не попробуете, что у нас выпивают, до победы уже недалеко, вернетесь домой, в Россию и прости-прощай граппа.

— Там у нас своей водки хватает, русской.

— Что ж, как хотите! А теперь к делу. Пиканио, ты готов?

— Готов! — отвечает Пиканио. Его дело окончательно подогнать обмундирование.

Он снимает мерки, втыкает булавки, если надо что-либо изменить, потом снимает обмундирование с проходивших примерку и начинает торопливо работать иглой. Начинает священнодействовать и Барбирон, он

стрижет и бреет партизан одного за другим, так что в конце концов ребята становятся неузнаваемыми.

Тем временем уже наступил полдень. Горячее солнце первой половины дня полностью рассеяло легкий туман, стоявший в воздухе с раннего утра, вокруг чувствуется бурное пробуждение природы, деревья и кусты буйно зелены, река покрыта бесчисленными золотыми блестками, которые при каждом дуновении ветерка разбегаются в разные стороны.

На фоне широкого плеса Пьяве четко вырисовывается тюрьма. Как не хочется нарушать спокойствие и чистоту пейзажа грохотом выстрелов! Настолько мирно выглядит на фоне летнего дня очертание четырехугольника тюрьмы, что трудно представить мрачность происходящего внутри ежедневного, ежечасного мучительства патриотов.

...За окном тепло, с низин поднимается легкий туман, который ближе к вечеру доберется до коньков крыш и до верхушек деревьев.

Между тем Барбирон — наш партизанский парикмахер — быстро подстриг волосы четырем из восьми наших «немцев», а Пикано—портной—уже почти закончил свою работу. Человек десять спят на тюфяках с соломой, а другие разделились на две группы: одна занята игрой в мору *, а другая увлечена какой-то долгой беседой. Анджело все время подтрунивает над Пиканио, а тот отыгрывается на Барбироне.

Де Люка совершенно неутомим, он снова и снова осматривает оружие, мундиры, проверяет стрижку, подбадривает тех, кто выглядит подавленным, раздает свои последние сигареты, всячески пытается поднять настроение. Я ему признателен за такую невероятную активность, потому что мне необходимо собраться с мыслями, внутренне сосредоточиться. Надо отдать должное Де Люка — ведь, чтобы добраться до нас, ему пришлось пройти путь вдвое больший, чем проделали мы, и, кроме того, мы отдыхали целую ночь, а он за сутки даже не вздремнул. Ему тоже трудно. На мне лежит ответственность за тридцать человек, потом, если все будет в порядке, за сто, а ему приходится нести еще и

* Итальянская народная игра.

политическую ответственность за все события, разворачивающиеся в Тривенето.

Весь этот обширный район он не раз обошел пешком. У нас хорошо отлажена связь, и посыльные, зачастую мальчишки и девчонки, могут проникнуть куда угодно. Но они в основном сообщают и передают информацию, а для решения тех или иных вопросов нужно идти самому Де Люка, на месте составлять планы и организовывать операции совместно с командирами подразделений. Кстати, пока операция не окончится, от места действия он также не уходит.

— Карло, уже два часа, может быть, начнем подготавливаться?! — Это Де Люка подошел ко мне, чтобы напомнить о времени.

— Пускай-ка они отдохнут еще часик или два, ведь легли вчера поздно; кстати, если выйдем в семь, то к полвосьмого уже будем около тюрьмы, и еще не стемнеет.

— Хорошо, пусть так, только не хотелось бы, чтобы они устали на переходе. В Бальдениче у них еще должно быть достаточно сил и энергии. Немцы с наступлением темноты прячутся по казармам, и если мы подойдем поздно, это может вызвать подозрение.

— Да, верно, позднее не стоит.

— Итак, выходим в семь.

— Теперь, Карло, давай снова повторим то, что нам известно. В Бальдениче шестнадцать карабинеров, из них четырнадцать в жандармерии, а два дежурят на верху стены, около камер, в коридорах тюрьмы десять надзирателей, которым часто помогают неполитические, впрочем, к тому времени, когда мы подойдем к тюрьме, эти тоже должны уже сидеть по камерам.

Освобождайте только политических, постарайтесь, чтобы ни один уголовник не попал в их число. На подходе к тюрьме встретите Лино, он расскажет об изменениях, которые были в течение вчерашнего дня. Около выхода должен быть Нази с грузовиками.

— Сколько сейчас времени?

— Полтретьего. Итак, прошло еще полчаса. Почему бы тебе не попробовать немножко вздремнуть? В шесть мы тебя разбудим, а в семь выйдем.

— Сначала хотелось бы сделать общую проверку, — отвечаю я и подзываю к себе основных исполнителей: Ивана Кузнецова, Тимофея Доценко, Павла Орлова,

Мика, Тима, Василия, Алешку, Мишу — и прошу их еще раз проверить свое обмундирование.

Через четверть часа восемь партизан готовы и выглядят точь-в-точь как немецкий патруль.

Де Люка осматривает их поодиночке, от пилотки до сапог. Он вертит их из стороны в сторону, обращает внимание на стрижку волос, потом его взгляд медленно перемещается по знакам отличия, по нашивкам, перебирается на брюки, останавливается на ботинках. Быстро поворачивает осматриваемого и внимательно оглядывает его сзади. Затем наступает очередь оружия. Он разглядывает пистолеты, автоматы, а после этого и все остальное, что может иметь отношение к делу.

Теперь все восемь человек одеты по всем правилам. Миша — он немного знает немецкий язык — в роли фельдфебеля, остальные — рядовые, вооружены пистолетами и автоматами.

Все идет хорошо, пока дело не доходит до Орлова. Вижу, как на лице Де Люка появляется крайнее удивление:

— Где это ты запасся такой пушкой?

— Это мой «дягтерев», — хмуро и с совершенно неожиданным упрямством отвечает тот, прижимая к себе ручной пулемет, глаза его загораются яростным огнем.

— Ты мне лучше скажи — кто из немцев носит такую штуку?

— Это не «штука», это советский ручной пулемет «дегтярь». Понятно?

— Это-то понятно. Пусть он и советский, и «дегтярь», как ты говоришь, но сегодня с ним идти опасно, с ним идти нельзя! Карло, попробуй ты ему объяснить!

— Я думаю, что Павел сам это поймет, оставь его, — отвечаю я.

И вот прошло еще полчаса, потом еще... До тюрьмы не так далеко, весь путь можно пройти минут за тридцать не торопясь, поэтому выходить раньше семи нет смысла.

Томительно тянутся минуты. Мы ждем...

— Ты хочешь что-нибудь сказать товарищам? — обращаюсь я к Де Люка. — У нас есть еще немного времени.

Подаю команду, ребята выстраиваются, Де Люка влезает на копну сена. Тишина...

Наконец Де Люка начинет:

— Нам остается пробыть здесь еще некоторое время. Большинство из вас знает смысл нашей операции, точно представляет свои обязанности и действия в любой экстремальной ситуации. Но я все же хочу еще раз повторить, на что мы идем, объяснить тем, кто еще не посвящен до конца в то дело, которое нам предстоит выполнить.

Наша главная задача — освободить политических заключенных из тюрьмы Бальденич. Освободить всех, а не только Мило, как это раньше предполагалось... Не собираюсь говорить вам о трудностях. Сами их хорошо представляете... знаете, что это будет очень непросто. Я подробно и внимательно рассматривал все возможные способы проведения операции. Мне пришлось отбросить мысль о том, чтобы взять тюрьму штурмом. Как всем известно, Бальденич — хорошо защищенная тюрьма, в ней много боеприпасов, и она может держаться долго, даже если из охраны останется несколько человек. Понятно, что при первых же выстрелах к тюрьме будут переброшены войска, а в случае нашего поражения начнутся репрессии, будет уничтожено много заключенных. Поэтому наши действия должны основываться на военной хитрости. Да, действительно мы собрались сюда для того, чтобы вести бой, и обстоятельства нас принуждают именно к этому. Однако совсем не предполагается, что единственным средством для этого является стрельба. В партизанской борьбе военная хитрость должна играть важнейшую роль.

Восемь наших товарищей уже переоделись в немецкие мундиры, четверо других будут исполнять роль схваченных партизан — эти двенадцать человек должны без единого выстрела войти в тюрьму, разоружить карабинеров, освободить заключенных и найти удобный момент для дальнейших действий.

Мы, конечно, не знаем, подвернется ли такой удобный момент, и, видимо, создать его будет трудно; однако мне думается, что все должно пройти гладко, хотя исключить и предусмотреть все неожиданности нельзя.

Следует прямо сказать, что вся эта операция очень опасна, но другой возможности освободить наших товарищей нет. Нам многое известно: знаем расположение помещений в тюрьме, нам известно, сколько в ней охранников и обслуживающего персонала. Нам известно, что

по стенам проведены провода высокого напряжения, но нам многое и неизвестно — например, как отключить ток или какие необычные изменения в составе охраны ожидаются сегодня.

Задачей восемнадцати товарищей, остающихся за пределами тюрьмы, будет поддержка патруля, проникающего в тюрьму, на тот случай, если стычка с противником окажется неизбежной. Я должен особенно отметить тот факт, что никто из них ни в коем случае не должен первым открывать огонь; только если он начнется уже внутри тюрьмы. Поэтому каждый из вас должен сохранять предельное спокойствие. Вы должны совершенно забыть о том, что вы партизаны. Вам следует понять, что малейшая неосторожность может стоить жизни сотне наших товарищей, причем, пожалуй, наиболее доблестных. Если все пройдет хорошо, то участники основной группы проведут освобожденных к грузовикам, на которых их отвезут в заранее условленные места. Я прошу вас еще раз вдуматься в то, что я вам сказал, и запомнить основное: эта операция должна пройти так, чтобы не было ни одного выстрела. В случае удачи на свободу выйдут и будут избавлены от верной смерти семьдесят человек. Карло подробно проинструктирует вас о деталях проведения этой операции.

Де Люка спустился со своего возвышения и предоставил мне слово.

— Ребята, — начал я, — наше время подошло, и медлить больше нельзя. Я скажу вам только об основных моментах. Я, Эрмес, Николотто и Марат будем исполнять роль заключенных, и мы пойдем в окружении патруля из «немцев». Во главе патруля будет Миша, за ним с двух сторон Кузнецов и Мик, затем мы, за нами Тим и Василий, а сзади всех Алеша и Тимофей с замыкающим Орловым, у которого будет наше оружие...

Остальные восемнадцать человек должны скрыться в толпе людей около тюрьмы, чтобы поддержать нас огнем в случае неудачи или при подходе неприятеля извне. Необходимо внимательно следить за его приближением. Если это случится, то подмога немцам должна быть уничтожена прежде, чем ее обнаружат часовые на стенах тюрьмы, потому что иначе персонал тюрьмы поймет, кто мы такие. Если это все же произойдет, надо постараться как можно скорее перебить подходящих на помощь к тюрьме людей и сразу прийти на подмогу к

нам. Конечно, необходимо внимательно наблюдать за группами немцев, чтобы выяснить, идут ли они на поддержку охране или же просто проходят мимо. Если нам придется отступать, то помните — для нас удобнее всего это делать с левой стороны Бальденича, и следите за тем, чтобы не открыть огня по своим, потому что восемь наших одеты в немецкие мундиры.

Товарищи, остающиеся за пределами тюрьмы, разделяются на три группы, которыми будут командовать Бортников, Далле Донне и Отторино. Будет хорошо, если каждая группа пойдет своим путем и будет действовать на своем участке. Когда мы выйдем с освобожденными товарищами, нужно оцепить дорогу и обеспечить безопасность посадки в грузовики, а потом необходимо некоторое время удерживать эту позицию, чтобы мы смогли добраться до безопасного места.

Теперь проверьте свое оружие. В стволе ни у кого не должно быть патрона. Не обдумав ситуации, стрелять нельзя ни в коем случае. Готовы? Ну теперь подождем несколько минут на счастье и выходим.

— Командир, почему я не могу пойти с тобой? — спросил Бортников.

— Потому что ты слишком высокий, Бортников, и будешь привлекать к себе внимание. Да и на немца ты нисколько не похож.

— Командир, можно я понесу своего «дегтяря» как оружие заключенных? — спросил Павел.

— Хорошо, Орлов, бери, будем считать, что это оружие партизан. Теперь пора выходить, уже семь.

Сначала выходят «заключенные», потом нас окружают «немцы», как и положено. Все наши конвойные хорошо выбриты и пострижены, сапоги начищены до блеска и форма в полном порядке. Миша во главе патруля как фельдфебель — невысокий, розовощекий, типичный немецкий унтер.

Я, Марат, Эрмес и Николотто — грязные, с лохматыми волосами и небритыми подбородками, в оборванной одежде — окружены «немцами». Наша группа внешне весьма правдоподобна. В молчании мы выходим к склону, ведущему к Беллуно.

«Немцы» подталкивают нас дулами автоматов, и мы поневоле входим в роль.

Останавливаемся в небольшом леске возле дороги. Я вытаскиваю карту и еще раз объясняю детали опе-

рации. Показываю маршрут отступления: мимо кабинета начальника тюрьмы, выход из которого прямо на улицу. Предупреждаю русских ребят, чтобы они, и в особенности Миша, говорили только по-немецки, при этом можно создать впечатление, что немцы пытаются говорить по-итальянски, смешивая немецкие и итальянские слова.

Обнимаемся на прощание, на глазах у некоторых слезы, но тут Николотто шутливо приказывает отставить всякие сантименты.

Отряд, оставшийся на нашей базе «Ай-Ронк», наверняка уже направился к Беллуно. Он продвигается через лес и деревни, стараясь в то же время не привлекать внимания.

И вот нас снова обступают «немцы», которых теперь, пожалуй, ничем не отличишь от настоящих, а мы, «заключенные», теперь уже гораздо ближе к этому в действительности, снова трогаемся в путь. Спуск с холма был не слишком крутым. С приближением к городу лес уступал место огородам. Вместе с возвращающимися стадами проходим мимо первых домов на окраине города. Женщины встречают коров, коз и уводят их в стойла, принимаются доить.

Тропинка становится шире и превращается в проселочную дорогу. Выходим на городское шоссе. Теперь мы в логове врага. Если нас вдруг распознают или же мы допустим какую-нибудь ошибку, то выбраться отсюда будет трудно. Вокруг нас два ряда домов, цепочками растянувшихся справа и слева.

При появлении нашей группы на лицах пожилых женщин появляется страдальческое выражение, а в глазах мужчин — неприкрытая ненависть.

Детишки при топоте наших сапог, как по команде, начинают реветь.

Люди, окончившие работу и сидящие за ужином, заслышав стук наших шагов, выходят из домов на улицу и посылают проклятия немцам на своем родном языке. Они стараются подбодрить заключенных. Как только мы стали подходить к первым домам, Василий начал грубо ругаться и подталкивать прикладом Николотто, который находился к нему ближе всех. Поведение его, столь типичное для нацистов, вызвало слезы у нескольких старушек, видевших это. Послышались все более резкие выражения, предназначенные именно немцам, прохожие не скрывали своего возмущения. До тюрьмы оставалось несколько сотен метров.

Дома постепенно становились все выше и выше, сараи отступали в тень садов, в вечернем воздухе стоял сладкий аромат цветов.

Пока нам везло, на своем пути мы не встретили ни одного немца и ни одного итальянского фашиста.

Без всяких происшествий доходим до перекрестка, где нас должен ожидать Лино с невестой. Останавливаемся. Миша выходит из строя. Смотрит вокруг, но Лино нигде нет. Итак, первый пункт нашей программы не выполнен. Операция еще, в сущности, не началась, а уже что-то идет не так, как предполагалось.

Однако думать о том, чтобы вернуться обратно, уже не приходится и не только потому, что товарищам, которых мы должны освободить, угрожает смертельная опасность, но и потому, что мы теперь подвергнем опасности жизнь других людей, участвующих в операции. Слышен приглушенный бой часов, издалека принесенный первым вечерним ветерком: итак, сейчас семь с половиной.

Почти не раздумывая над возможностью осложнений, связанных с этой неожиданностью, пересекаем перекресток и вступаем на кривую улочку, ведущую к площади перед тюрьмой.

Посматриваю на своих товарищей и вижу, что их руки непроизвольно вцепились в оружие, все они напряглись, готовые к любой неожиданности.

Наверное, было бы правильнее предоставить нашим людям, проверенным в бою и обладающим огромной выдержкой, возможность стрелять первым. Но операция рассчитана на другое.

Учитывая вероятность перестрелки, Кузнецов идет впереди взвода, пропуская лишь Мишу, как фельдфебеля, Марат идет сразу за ним, а я — между Маратом и Тимом.

Часовые на стенах уже заметили нас и, верно, передали сообщение о нашем прибытии в жандармерию.

Бальденич — тюрьма совсем новая. Если человек представляет себе тюрьму как нечто похожее на средневековый замок с башенками по стенам, вроде тюрьмы в Гаето, посмотрит издали на Бальденич, то ему и в голову не придет, что это тюрьма. Стены не больше восемнадцати метров высотой, причем не почернели от времени — нигде не видно трещин, из которых торчали бы чахлые пучки травы или отдельные побеги кустар-

ника. Стены ее часто заново перекрашиваются, причем тона окраски выбираются самые жизнерадостные.

В стене, выходящей на площадь, три двери: центральная — вход в тюрьму, слева от центральной несколько меньшая по размерам — вход в караульное помещение, а третья — справа от центра — ведет в кабинет коменданта тюрьмы.

Рассматривая тюрьму с фасада, можно подумать, что перед нами просто многоквартирный дом или же здание какой-то промышленной компании. Такое впечатление изменится, если присмотреться к боковым стенам, длина которых в два раза больше фасада, там нет ни окон, ни дверей, и по ним по специальным балконам медленно ходят двое часовых.

Наша небольшая группа останавливается перед воротами тюрьмы. Миша резко стучит, и в окошечке появляется смуглое лицо карабинера:

— Я слушаю вас, фельдфебель!

На ломаном итальянском языке Миша тоном, не терпящим возражения, как и подобает нацистскому фельдфебелю, требует, чтобы открыли дверь. Карабинер уступает место унтер-офицеру, и в окошке появляется его помятое лицо. Вкрадчивым и почти робким голосом он спрашивает у Миши документы на арестованных.

— Ты что, не фитишь? Мои солдаты устали. Пистро, пистро, партизан в тюрьма, — не давая ему договорить, кричит «немец».

Оконце захлопывается, гремят ключи, и дверь открывается. Переступаем порог, и необъяснимое чувство охватывает нас: мы в тюрьме...

Рядом со входом, слева, видим цейхгауз, справа — пустое помещение. В глубине короткого коридора, который ведет к первым камерам, видны еще две комнаты, похожие на первую, где отдыхают карабинеры. Между тем дверь с решеткой открывается, из нее выходит фельдфебель и спрашивает Мишу, где и при каких обстоятельствах были пойманы партизаны. Тот, чтобы случайно не выдать себя, опять повторяет: «Пистро, пистро, партизан в тюрьма».

Как бы давая возможность проверить точность переданного нам описания тюрьмы, фельдфебель пропускает нас в эту дверь, и мы оказываемся в узком внутреннем дворике.

Оба часовых, несущих вахту иа стене, остаиовнлнсь и сталн иас рассматривать. В точиостн вспомниаю описания иадзирателя: вот оии, две лестннцы в протнвоположных коицах дворика, имеино по инм иа стену поднимаются часовые...

В несколько шагов пересекаем дворнк н подинмаемся ко второй железной дверн, облицованиой толстым железным лнстом; мы ие можем увндеть, что делается за ией. Пока фельдфебель снльио стучнт по дверн, Орлов взбнрается на иевысокую стеику, ограждающую ступенн лестинцы н сделаиную как бы нарочно для того, чтобы посильиее действовать на психику тех, кого проводят между этнми стеиами.

Марат по-своему истолковывает иазначение этой каменной ограды и устало прислоияется к ией, опнраясь на локоть и потирая вспотевшне от напряжения ладони. Такая свободиая поза была явно неподходящей для заключенного. Орлов, заметнв это, быстро возвращает его к реальиостн, крепко ударнв в спиину прнкладом. Гаркиув иа Марата по-иемецкн: «Стоять!», ои вталкнвает его в иашу группку.

Кто-то отзывается на стук н, получнв ответ, открывает дверь, в которую мы и проходнм. Часовой выжидает иесколько секунд, чтобы закрыть дверь. Тнм, Васнлнй и Тнмофей тоже собнраются войтн, ио Мнша делает нм знак, что можно этого не делать.

Итак, во дворнке остаются трое наших против шестнадцатн карабннеров. Такое соотношенне не может не вызвать у нас тревоги, одиако другого выхода нет, во всем прнходится полагаться только на иеожиданиость.

Сворачнваем по корндору иаправо и вндим, что здесь иам придется задержаться. Восемь илн девять узников-партнзаи со следами побоев стоят перед регнстраторской, ожндая заиесения нх в спнскн и распределення по камерам. Они смотрят иа иас с сочувствием н вндят такое же сочувствне в нашнх глазах. Одиако иаше положение несколько отлнчается от положеиня обычных заключеиных, и мы надеемся, что близок миг, когда все изменнтся в нашу пользу.

Сразу же после регнстрацнн первых трех партизан часовой уводнт нх, но не в однночки, которые располагаются в глубине корндора и где мы надеемся иайти Мило, а через третью железиую дверь. Часовой отпирает ее и, пропустив заключенных, сразу же запнрает, а

затем уводнт нх в боковой корндор, где находятся общне камеры. Остальные партнзаны продолжают стоять около регистраторской в ожнданин своей очередн. Слышу, как на башне в городе часы бьют семь н трн четвертн, н думаю о том, что, навериое, н Мнло следнт за временем так же внимательно, как н я.

«Вперед», — слышнм мы, н Мнша с развязным спокойствнем хозянна положення входнт в регнстраторскую, за ннм вхожу н я, потом Марат, Мнк, а за нnми Алешка н Орлов. Немного правее дверн остается Ннколотто, который сразу же смещается вправо, чтобы подойтн нли быть как можно блнже к телефону; Эрмес н Кузнецов замыкают группу.

Сндящнй внутрн чнновннк спрашнвает сразу же у Мишн документы на выполненне ареста, но слышит в ответ:

— Моя иет поннмать, партнзаиы в тюрьму.

— Но, уважаемый, для того, чтобы отвестн в тюрьму этнх людей, мне нужны бумагн, документы. Где онн у вас?

— Немецкнй фельдфебель нет поннмать токумент!

Фельдфебель нз охраны, стоящнй в комнате, пытается помочь в разговоре:

— Папнр, папнр на заключенных, ферштеен, хабен зн?

— Зольдатн велнкнй рейх поймали партнзаны, — говорнт Мнша н делает знак Орлову, чтобы он показал свой трофей.

— Хорошо, хорошо, — отвечает чнновннк, — я поннмаю, но мне надо запнсать нмена этнх людей, как нх зовут?

— Софут? Партизаны, мой нет поннмать. — Он постоянно говорнт слово «нет» по-русскн, к счастью, ннкто нз прнсутствующнх служащнх тюрьмы, вндимо, не знает нн по-русскн, нн по-немецкн.

Такой разговор продолжается несколько мннут, и у всех нас нервы на пределе. Мнша поннмает, что надо тянуть время, чтобы дождаться возвращення охраннка, который повел партнзан в камеры. Без его ключей открывать дверн будет очень сложно.

Между тем наблюдаю за Тнмофеем, Тнмом н Васнлием, которые наверняка с напряженнем ждут условного снгнала, чтобы начать операцню. Стараюсь не смотреть в сторону окна с внсящей над ннм занавеской,

боюсь, что при малейшем внешнем стимуле совершенно непроизвольно отдам условный сигнал к началу, даже, возможно, не будучи уверенным, что момент действительно наиболее благоприятный.

Воздух к вечеру становится прохладнее, но в этой проклятой комнатушке жарко. Миша то говорит спокойно, то начинает почти кричать на чиновника, для которого поведение «немца» кажется обычным, как простое нежелание сдерживаться при разговоре с подчиненными; мы же ясно видим, что Миша держится молодцом и делает все как надо, мы-то хорошо замечаем, что в промежутках между припадками «ярости» его голос звучит хладнокровно и уравновешенно.

— Как могу я отправить в тюрьму четырех человек без документов, без ордера на арест, без всяких бумаг?

— Бумага? Что значит бумага? Я нет понимать. Пистро, пистро, партизан в тюрьма!!

— Может быть, кто-нибудь из вас говорит по-итальянски, — говорит чиновник, обращаясь к другим «немцам».

Но отвечать на его вопрос уже некогда, потому что возвращается надзиратель с ключами в руке, готовый снова ими воспользоваться, Кузнецов подходит к нему сбоку, хватает и сильно толкает в спину к центру комнаты; в тот же момент я выхватываю пистолет, который был спрятан у меня под мышкой, направляю его на чиновника и тихо, но с насмешкой говорю:

— Все мы говорим по-итальянски.

Николотто тем временем хватает телефон, готовый разбить его на куски; я поворачиваюсь к двум тюремным служащим, на лицах которых написан ужас:

— Стоит вам только шевельнуться, и я вас тотчас прикончу; соединен ли сигнал тревоги с телефоном?

— Нет, не соединен, — отвечает один из них, и Николотто рывком обрывает провод.

Бегу к окну, быстро отдергиваю и снова закрываю занавеску пару раз: снаружи все спокойно.

Тим делает знак Василию, и оба они направляют свои винтовки в сторону часовых на стене. Тимофей тем временем, отвлекая внимание карабинеров, подходит к двери, рывком открывает ее и пропускает группу из пяти партизан, которые должны в случае необходимости удерживать проход от проникновения охраны.

— Господин немец, не открывайте дверь, могут войти посторонние, — все еще не понимая случившегося пробует проявить активность чиновник, но в ответ слышит только оглушительное «молчать!» по-немецки и набор совершенно неразборчивых русских слов после этого.

— Господин немец, правила не разрешают...

И снова:

— Молчать!

Засовы с двери уже сдвинуты, она полностью открыта, теперь поворачиваемся к карабинерам, которые стоят без движения, и приказываем им сложить оружие.

Одновременно с этим Тим заставляет охранников с поднятыми руками спуститься во дворик, держа их под прицелом. В основной конторе ко мне подходит начальник охраны и прерывающимся от волнения голосом объявляет мне, что он один из наших и что он всегда помогал заключенным партизанам и именно он способствовал передаче записки от Мило. Я делаю ему знак — молчи, мол, пока и помоги освободить заключенных. Несколько человек остаются в конторе, чтобы следить за двориком, я, Николотто и Кузнецов идем за двумя надзирателями, чтобы освободить Мило.

Почти бегом проскакиваем оставшуюся часть коридора, в глубине его сворачиваем налево и оказываемся еще в одном коридоре, гораздо более темном и узком, в который выходят многочисленные толстые двери с маленькими глазками в центре.

— Какая камера? — хрипло спрашиваю я у надзирателей.

Эта.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Рассказывает бывший командир дивизии итальянских партизан Мило

Я слышу, как усиливается шум шагов за дверью моей камеры, потом раздается звяканье ключей и скрип двери в петлях: от резкого толчка дверь открывается. Я готов был встретить это мгновение, однако никак не мог представить, что перед самой смертью мне устроят очную ставку, может быть, надеясь точнее установить мою причастность к партизанской деятельности.

За решеткой, которая все еще закрывает мою камеру, я увидел четырех немцев и моего приятеля из надзирателей, который сопровождал четырех партизан, среди них я вижу Карло, одиого из иаиболее нзвестиых партнзаиских комаиднров, ои уже иесколько месяцев вел борьбу с немцамн, скрываясь в горах. Вот н он схвачен! Уж лучше мне было умереть, не увндев этого. Этн мыслн мелькают в голове, словно вспышкн молннй, н вдруг, словно гром средн ясного иеба, я слышу радостный голос Карло, который кричит мне, что я свободен и что людн в иемецких муидирах — переодетые партнзаны; его голос как бы возвращает меня в мнр жнзнн.

Меня подхватывают крепкне руки друзей, и вот я лечу кверху, еще и еще раз, и каждый мой взлет сопровождается громкнм «ура!». Горячне объятня, улыбки — все это убеждает меня в реальностн пронсходящего.

Кто-то прнноснт мие одежду; кто-то вытаскнвает кусочек сладкого пнрога и дает мне часть, потом оставшееся делит, чтобы досталось всем. Карло выстраивает своих людей и перед строем с торжественностью, необходимой для такого исторнческого события, вручает мне ключи от тюрьмы.

Такая неожнданная и совершенно немыслимая перемена меня глубоко потрясает, однако почти в тот же момент Карло, пользуясь моментом всеобщего возбуждения, сам же нарушает торжественность церемониала, отправляя в рот остатки пнрога с прнбаутками н шнроко улыбаясь. Ои поедает его с такнм спокойствием, как будто находится на званом обеде.

Я рассказываю Карло о той помощн н доброжелательностн, которые проявлял ко мне н нашнм товарнщам иадзиратель, н при этом быстро переодеваюсь в свою одежду, потом беру в руки оружие, н мы ндем в главную коитору тюрьмы.

К этому времени Тим, Васнлнй и Тимофей уже почти всех разоружнли и стоят, иаблюдая, как карабннеры в кучу сваливают остатки оружия. Некоторые карабннеры делают это с большой охотой, некоторые все еще ничего ие поняли и продолжают доказывать свою предаииость велнкой Германии, Муссолини, Гитлеру. Оин с довольио жалким видом продолжают протестовать против иеожиданиого поведения «господ немцев».

Фельдфебель охраны подходит к «немецкому» колле-

ге н, повыснв тои, пытается у него выяснить, что все это означает?

Эрмес решает проблему, не теряя временн. Ои берет ключ у надзирателя н, открыв ближайшую дверь-решетку в камеру, встает около нее. Фельдфебель не заставляет себя ждать, проходнт внутрь, и дверь за ним сразу же захлопывается. Он подходит к решетке как пьяный, его лицо бледиое и пришибленное; несколько мгиовеиий он молчит, а потом, вндимо, сам сознавая неуместность этого, почти кричит иам:

— Вы погубилн мне всю мою карьеру, — после чего начинает биться о решетку и крнчать в нстерике.

Рассказывает бывший командир бригады Карло

Оставляя фельдфебеля в камере под охраиой Эрмеса, мы начниаем заключительный этап операции. Вслед за надзирателем мниуем дверь-решетку, переступаем порог камеры, в которую были проведены партнзаны, стоявшие около регистраторской. Потом идем по длииному корндору и входнм в большое круглое помещенне, от которого лучамн расходятся проходы с рядами камер. Здесь мы иаходим еще двух надзирателей: однн нз инх мие зиаком — он передавал нам ииформацию о тюрьме, другой просто онемел от ужаса.

Разделяемся иа четыре группы, чтобы действовать быстрее н уменьшить время иашего пребывання в тюрьме.

По проходу идем двумя группами, по одной с каждой стороны, н выясияем, кто сидит в камерах. В первой камере незнакомые товарнщи, ио средн них видим одиого из тех, которые стояли около регнстраторской:

— Ребята! Вы свободиы!

Проходнм к следующей камере и находим в ией Бьянки, который сразу же узиает Мнло:

— Что ты делаешь с этими людьми?

— Мы свободиы, Бьяики! Это Карло и его товарнщи, онн переодеты, ндем скорее освобождать другнх.

В первой камере иекоторые все еще не могут поиять, что же все-таки происходит, оин переспрашивают окружающих, ие веря своим глазам, потом слышины крнки восторга, и начннаются заботы в поисках подходящей

по размеру одежды и сапог. Бывшие заключенные выходят в полосатых тюремных брюках во двор, некоторые уже успели переодеться. Бьянки обнимает меня, а Кузнецов открывает третью камеру, из нее выходят наши товарищи по борьбе, тоже полуодетые, некоторые из них с явным недоумением на лице. В четвертой камере находим Банкьери, он тоже ошеломлен происходящим, но выглядит, пожалуй, спокойнее других.

Он уже одет, у него на ногах пара белых летних туфель и легкий костюм, и он даже аккуратно причесан, однако в глазах видно волнение. Он обращается к нам:

— Я уже стар, но вижу в вас, молодых, свою буйную молодость.

Однако надо торопиться. Быстро открываем другие камеры, и везде повторяются те же сцены: вначале недоверие, затем удивление и радость!

Уже через несколько минут круглое помещение почти битком набито нашими товарищами, возбужденными, чуть не плачущими от счастья, обнимающимися друг с другом; словно забыты унижения, пытки и мучения, месяцы тюремного заключения.

Хором подхватываем «Интернационал», у всех блестят глаза. Возвращаемся по коридору, дверь-решетка, отделяющая коридор от выхода во двор, заперта на случай возможного вторжения со двора, но рядом с ней стоит Эрмес, который сразу же ее открывает.

На тюремном дворе и на складе оружия освобожденные товарищи расхватывают все, что может пригодиться в бою; некоторые из них надевают военные мундиры и сапоги, но большинство об этом в спешке и суматохе забывает.

Теперь идем закрывать карабинеров и почти всех надзирателей по освободившимся камерам, двое из надзирателей сопровождают нас. Сразу же, как только мы закрываем последнюю дверь, я ощущаю, как внутри поднимается волна беспокойства и тревоги.

Громко кричу, чтобы мне передали ключи, и тут выясняется, что нет Мило. То ли он задерживается, открывая камеры других товарищей, то ли закрывает двери камер с карабинерами. У нас нет времени ждать его возвращения, потому что по плану у нас остаются считанные минуты. Закрытые ворота в тюрьму молчат, но их молчание подобно грохоту выстрела. Они вызы-

вают тревогу и почтн ужас у иаших товарищей, которым столь долго пришлось оставаться в этих мрачных стенах.

Надо выбираться отсюда, и как можио скорее. На меия иажимают со всех сторои, за миой около семидесяти человек, оии толкают меия и друг друга, им иужиа свобода. Накоиец кто-то сообщает, что иашелся Мило.

Вытаскиваю засовы и резко распахиваю ворота. В одии миг вся масса людей вырывается иаружу. Выстраиваю людей в короткую и возможио более плотиую колоииу, и сразу же, ие теряя времеии, трогаемся вдоль улицы, ведущей к шоссе Беллуио — Лоигароие. Не успели мы сделать иескольких шагов, как вдруг увидели иемцев. При виде опасиости иекоторые были готовы бежать под уклон, а иекоторые схватились за оружие. Несмотря иа то, что я сам отдал приказ проходить по улицам города в полиом молчаиии, тем не меиее мие пришлось громко объявить, что бояться ие следует, и что вышедшие из шереиги должны скорее вериуться в строй, потому что люди, появившиеся в коице улицы, хотя и иосят иемецкие пилотки, ио это иаши товарищи под комаидой Бортиикова, Далле Доиие и Отторино. Их задача — охраиять иаш путь, и оии следят за тем, чтобы не воиикло иикаких иеприятных случайиостей.

Спокойствие восстаиавливается, и через несколько мииут мы добираемся до пересечеиия этой улицы с шоссе; здесь мы задерживаемся иа иесколько секуид, чтобы убедиться, что по шоссе не идут иемецкне машииы, а потом быстро пересекаем его и вступаем иа дорогу, ведущую в горы.

Ни Нази, ии грузовиков ие видио. Это значительио усложияет и без того тяжелую операцию; в соответствии с плаиом мы иа грузовиках без особых сложиостей отправили бы освобождеиных товарищей далеко в горы, одиако теперь этим измучеииым людям придется самим карабкаться по крутым горным тропам.

Я, Бьяики, Мило, Николотто и Де Люка, который был в иепосредствеиной близости к тюрьме, иаблюдая за проведеиием операции и следя за тем, чтобы иас не застали врасплох, обмеииваемся миеииями о том, что нам иужио будет делать, если в ближайшие мииуты не появится Нази. Мы сразу же отказываемся от предло-

жения еще немного подождать в надежде, что он вскоре подъедет, и решаем начинать подъем в горы сейчас же, хотя нам ясно, что этот переход с нужной быстротой будет сделать очень трудно и что еще труднее будет обеспечить передвижение малыми группами.

Долгое время, проведенное в тюрьме, перенесенные пытки, недостаточное питание, утраченная привычка двигаться, ведь большую часть дня заключенные проводили сидя или лежа на койках, — все это подорвало здоровье и ослабило физические силы даже у молодых, а для людей старшего поколения оказалось особенно пагубным.

Итак, начинается своеобразная горная одиссея измученных, голодных и полуодетых людей. С приближением ночи холод становится все сильнее, и это тем больше ощутимо, чем выше поднимаемся мы в горы. Было трудно подгонять столь измученных людей, но нам было совершенно необходимо уйти как можно дальше от больших проезжих дорог. Кто-то предложил пропустить вперед тех, кто поздоровее, чтобы хотя бы часть отряда оказалась в наименее опасном положении. Я отказался принять такое предложение, потому что, по моему мнению, старых или больных людей, двигающихся в общем строю, поддерживает и увлекает вперед именно этот общий строй, действуют психологические факторы, которые будут утрачены. Однако приходилось опасаться, что фашисты начнут прочесывать местность в широком масштабе после такой дерзкой ночной операции.

Холод все сильнее, а чувство голода все мучительнее.

Старик Банкьери садится на камень и просит оставить его умереть здесь, потому что он идти дальше не может, а быть обузой для всех он не хочет. Подхватываем его на руки и довольно долго несем; если бы не голод и не усталость, которые подкашивают силы даже у крепких людей, то нести его было бы совсем нетрудно, настолько он высох в тюрьме.

Оглядываемся назад и видим, что Беллуно, лежащий в долине, уже освещен прожекторами, особенно сильно освещена тюрьма и близлежащие дома. Во всех направлениях носятся машины, слышны шум и грохот одиночных выстрелов, завывания сирен, которые как бы

оповещают об успешном исходе нашей операции. Над городом висят осветительные ракеты: видимо, нас ищут в городе.

Приказываю товарищам снова трогаться в путь и идти как можно скорее, потому что наша база еще далеко, а враг гораздо ближе. Все с трудом поднимаются и снова трогаются в путь; я вижу, как товарищи поддерживают особенно слабых. Непреодолимая усталость охватывает нас. В ночи слышу частые стоны и тяжелые вздохи. Уже несколько раз меня просят сделать минутную передышку, хоть на секунду остановиться. Однако, как мне и бесконечно не жаль этих измученных людей, никаких задержек или остановок быть не должно. Мы можем быть в безопасности только у нас на базе.

Радость от успешного исхода операции, переполнявшая нас, быстро сменилась унынием от усталости. Для людей, которые были в камерах многие месяцы, путь в горы был весьма труден.

Их мучения и трудности я переживал как свои собственные. В ту ночь я не ощущал леденящего холода ночи, не воспринимал уколов от иголок сосновой хвои, не слышал глухого плеска бегущей вдали Ардо, единственное, что я старался сделать, так это удержаться на ногах, не показать своей слабости. Изнемогая от усталости, я думал о своих товарищах, о тех, кого нацисты предали зверским пыткам и казни.

Шли всю ночь. Начало светать, и рассвет разбросал по зелени горного луга красноватые блики. Усталость как рукой сняло, и в нас снова проснулись радость бытия, ликование от ощущения вновь завоеванной свободы, что нет тюремных стен и зоркого глаза охраны, от возможности снова видеть зелень деревьев, усыпанных цветами, блеск родников, ощутить на коже лица тепло солнечных лучей...

Сознание того, что все живы и идем, хотя и медленно, в наш лагерь, придает силы бывшим узникам. Мы смотрим друг на друга, обнимаемся, наши щеки влажны от слез счастья. Кто-то запевает песню, мы весело перекликаемся, мы спасены...

ПОСЛЕДНИЕ БОИ ИВАНА КУЗНЕЦОВА

Глава написана Джузеппе Фьюмарой по рассказам участников событий

«На последнем этапе нашей борьбы с немецкими фашистами, — рассказывает Карло, — я получил задание руководить группами повстанцев из города Беллуно, которые должны были выйти из горного района и составить еще одну партизанскую группу.

На некоторое время мне пришлось оставить базу, и я не мог поддерживать связь со своей группой в горах: в основном мне приходилось заниматься делами в пределах городской черты. Уже вскоре Кузнецов дал мне знать, что он хочет присоединиться ко мне. Как всегда, он не хотел оставлять меня одного. Честно говоря, и мне было трудно без него.

Я передал ему, чтобы он подождал, пока не найдется удобное место, где он мог бы скрыться. С его внешностью находиться в городе было крайне опасно. Его сразу же схватили бы, приняв за немца-дезертира или же русского: в любом случае жизнь его была бы в крайней опасности.

Когда я нашел надежное место для его укрытия, то послал в горы связного, чтобы тот привел Кузнецова в Беллуно. Однако, к сожалению, связному не удалось добраться до места. Группа, в которой был Кузнецов, была атакована фашистами и вынуждена была отступить. Связной постарался найти ее и уже был близок к цели, когда группе на ее новой позиции пришлось снова принять бой и отойти к Чезиомаджоре — маленькому селению, почти деревне, где были расположены наши склады продовольствия и боеприпасов, а также были люди, хорошо знавшие данный район и которые могли помочь уйти от преследования.

Уже темнело, когда маленький отряд вышел к окраинам Чезиомаджоре. Все были измотаны непрерывными стычками с врагом, долгими ночными переходами. Поэтому было решено в этом селении пополнить запасы продуктов и боеприпасов, немного отдохнуть и подготовиться к новому маршу...

Участник боев в селении Чезиомаджоре итальянский партизан по имени Уго вспоминает далее подробности трагедии двадцатипятилетней давности, об Ванье Куз-

нецове: «В селении Чезио—так сокращенно он называл этот населенный пункт — к одиннадцати часам мы наполнили вещевые мешки боеприпасами, продуктами и сами хорошо поели. В сарае, где были сделаны грубые нары, было тепло. Мы долго не спали. Нас, итальянцев, было около десятка человек да еще трое русских. Они переговаривались, видимо, вспоминая свои далекие края, и потом рассказывали нам о своей стране, доме итальянскими словами, которые они хорошо уже знали. Потом мы крепко уснули. В поселке молчали даже собаки, словно боясь спугнуть наш сон. Я внезапно проснулся: то ли мне сон какой приснился, то ли жарко было. Я вышел из сарая. На востоке брезжил рассвет. Я сделал шаг к копне и от увиденного вдруг застыл как столб. Сразу же в полной темноте послышался рокот моторов. На тяжелых транспортных машинах фашистов вдруг ярко вспыхнули фары. Я вскочил в сарай и скомандовал «тревогу». Забросив вещевые мешки за спину, схватив оружие, мы бросили место ночевки и стали отходить в горы. Почти со всех сторон селение оказалось окруженным снопами света от фар грузовиков, слышались команды, крики немецких солдат.

Я заметил, что немцы наступали на нас тремя группами. Это стало ясно сразу же. Одна, видимо, центральная группа занялась прочесыванием домов, другие обходили селение с двух сторон, стараясь нас окружить. Уже на окраине мы столкнулись с передовым отрядом. Немцы открыли бешеный огонь. Но было еще темно, и он нам не принес вреда. Мы смогли преодолеть некоторое расстояние и приблизиться к уступам горы. Это еще не означало, что мы оказались в безопасности, что оторвались от врага и вышли из зоны огня.

Фашисты сразу же поняли наши намерения. Они прекратили прочесывание селения, и все бросились на нас, пытаясь обойти с флангов. Мы начали бой с превосходящими силами карателей. Вот здесь-то Ванья Кузнецов и решил принять огонь на себя. Он крикнул, чтобы мы уходили, но не все сразу, а группами. Мы решили оставить ему два автомата, которые нам невмоготу было нести при таком поспешном отступлении.

Видя, что немцы в лоб не идут, Ванья решился на дерзкий план. Он сказал товарищам, чтобы те попробовали стрелять из двух автоматов одновременно для создания видимости сильного непрерывного огня. Ослабление огня осталось незамеченным. Партизаны тем вре-

менем группа за группой уходили в горы. В группе прикрытия остались Ванья, Аслан из Чезио и еще один партизан. Они довольно долго сдерживали напор неприятеля, создавая видимость, что отстреливается все та же большая группа. Тем временем стало совсем светло, и их уловка теряла свой смысл. Приближались наиболее трудные для них минуты.

Мы наблюдали из-за горных укрытий, как Ванья махнул Аслану рукой, чтобы и он уходил. Но тот, видимо, не согласился. Третий партизан слышал, как Аслан громко сказал Ванье, что не русские ребята должны защищать его дом, а он сам. Однако Кузнецов настоял на своем. Он похлопал Аслана по плечу и показал на дорогу, ведущую в горы, затем снова склонился над пулеметом и начал поливать карателей непрерывными очередями. Он, Ванья, знал, что нужно подольше держать под огнем немцев, чтобы дать возможность уйти двум товарищам от карателей.

Пулеметчик Ванья считал, видимо, про себя невероятно долгие минуты и прикидывал, как далеко ушли Аслан и его товарищ. Он прикрывал огнем их отход.

Мы не могли помочь Ванье и только сверху видели, как он перенес огонь в другом направлении. И пока немцы осторожно приближались к нему, чтобы захватить, он быстро и незаметно перебрался левее селения. Эта часть была почти открыта, и с нее просматривалась вся окраина. Она не прикрывалась ни склонами холмов, ни домами и поэтому не была занята немцами. Им было ясно, что партизаны не решатся отступать в этом направлении. Ванья нашел какую-то яму и успел укрыться в ней. И почти сразу же первая группа фашистов, бешено стреляя, выскочила к тому месту, где Кузнецов был несколько минут назад. Партизана там не оказалось, автоматы умолкли, но тут же за спиной карателей раздался треск очереди, два эсэсовца упали на землю, а другие залегли.

Началась непрерывная и необычная охота за русским парнем. Мы уходили с нашими ранеными все дальше в горы, а Ванья, как опытный воин, то укрывался, то снова вскакивал и появлялся там, где его не ждали, и, посылая губительные очереди, отвлекал на себя значительную часть фашистов.

День вступал в свои права, солнце стояло совсем высоко. Предрассветный туман, делавший все очерта-

ния размытыми и служивший верным союзником партизанам, давно уже рассеялся, и теперь под лучами солнца Кузнецов остался один на один с врагом.

Борьба длилась невероятно долго. Теперь мы видели, вокруг Кузнецова стягивалось кольцо карателей. Они подбирались к нему все ближе и ближе. У Кузнецова оставался единственный способ выбраться из кольца — по дну маленького овражка, прорытому весенним потоком. Так он и сделал.

Несмотря на крутой склон и сырую почву, Ванья довольно быстро поднялся вверх и добрался до такого участка, где подъем был не очень трудным. Мы радовались за него, он уже был почти в безопасности.

Вот Ванья продвинулся еще на несколько десятков метров. Шел очень медленно. Может быть, ему лучше было бы побежать. Мы видели, как он вдруг остановился, словно от резкого толчка. Затем, держа автомат перед собой, нажал на спусковой крючок. Треск очереди его автомата смешался с грохотом автоматов карателей. Кузнецов упал. Мы, бывшие уже в безопасности, в ужасе остановились.

Через несколько часов безжизненное тело русского храбреца было привезено на центральную площадь Чезиомаджоре, где уже лежал труп Аслана — его итальянского собрата (об этом рассказал нам пришедший из деревни разведчик). Затем всех жителей поселка немцы принудили пройти мимо них, стремясь запугать и тем самым предотвратить связи с партизанами.

Жители в скорбном молчании проходили мимо двух героев, которые в течение двух часов огнем сдерживали внезапный налет батальона карателей и спасли жизнь своих товарищей.

* * *

Послесловие, написанное Сергеем Гладким

Разыскивая материалы об участниках операции «Бальденич», я обнаружил работу итальянского историка Мауро Галлени «Советские партизаны в итальянском движении Сопротивления». Эта работа была переведена на русский язык и издана в 1970 году в издательстве «Прогресс».

Есть у Галлени и описание операции «Бальденич». Правда, он утверждает, что в освобождении политзаклю-

ченных принимали участие только двое русских — Кузнецов и Бортников, однако читатель уже знает со слов командиров партизанских отрядов, руководивших операцией «Бальдеич» — Де Люка и Карло, что русских было восемь, и всех их они назвали поименно.

Мауро Галлени проделал огромную работу по сбору материалов об участии советских людей в итальянском Сопротивлении. По его данным, бок о бок с итальянскими партизанами сражался 4981 советский партизан, и 425 из них пало в бою на итальянской земле.

«Имеющиеся данные, — пишет Галлени, — свидетельствуют о том, что размеры вклада, внесенного в итальянское движение Сопротивления советскими людьми, значительно превышают общий вклад тех англичан, американцев и граждан других стран, которые, как и большинство советских партизан, были пленниками немцев».

Из 80 тысяч военнопленных различных национальностей, находившихся на территории Италии, примерно 12—13 тысяч бежали из лагерей и присоединились к итальянским партизанам, что составляет 15 процентов. Если же учитывать только советских людей, бежавших из плена и ставших в ряды итальянского Сопротивления, то этот процент увеличится в несколько раз.

В книге М. Галлени, в других публикациях — в том числе и итальянских — мы нашли множество ярких примеров активных действий советских людей в рядах итальянских партизан.

Всем хорошо известно имя Федора Полетаева (Поэтана). Он сражался в составе партизанского отряда «Франки», которым командовал Луиджи Рум (Фалько). Федор Андрианович Полетаев погиб 2 февраля 1945 года в жестоком сражении с фашистами, в лесной долине Скривия близ Канталупо провинции Лигурия. За его героический подвиг итальянское правительство наградило Полетаева Золотой медалью за воинскую доблесть. Это самая высшая награда Итальянской Республики. Федор Полетаев — единственный иностранец, удостоенный этой почести. Президиум Верховного Совета СССР присвоил Полетаеву звание Героя Советского Союза.

В бригаде «Синегалья» целая рота гарибальдийцев состояла из русских пленных, бежавших из фашистских

лагерей. Рота называлась «Красная звезда» — «Стелла росса». Командиром роты был летчик — старший лейтенант по имени Джованни (Иван). Он был сбит в воздушном бою под Сталинградом, попал в плен. Удалось бежать из плена ему только в Италии.

В этой же роте «Стелла росса» были: русский Иван Егоров (комиссар роты), армянин Сурен Кирикользян, еще двое русских — колхозники Александр Тимошин и Ефим Пейдев, украинский паренек — четырнадцатилетний Вася Цринк, угнанный немцами с Родины на Запад, а также некий Никита, по рассказам, бывший парашютист.

Эта рота во всех сражениях с фашистами показала себя крепкой, дисциплинированной и боеспособной.

Во время стычки при Пьян-д'Альберо 20 июня 1944 года храбрый командир Джованни погиб. Вот как это было.

Рано утром врагам удалось окружить дом на окраине деревни, где скрывались партизаны. Бой был жестокий и быстротечный. Партизаны русской роты группами контратаковали фашистов. Но немцы удерживали позиции благодаря численному превосходству. Используя местность, командиру русской роты «Стелла росса» удалось провести своих в обход противника и ворваться в деревню с другого ее конца. Для фашистов этот маневр был неожиданным. Они бесчинствовали здесь и издевались над местным населением.

Один фашист гнал автоматом по деревенской улице маленькую Джузеппину Кавикки. Ее дедушка лежал убитый у стены дома. Все это видели русские воины. Джованни не мог бросить гранату в гитлеровца — погибла бы маленькая итальянка. Тогда командир вступил с ним врукопашную: ударом автомата гитлеровец был повален. Тут на помощь командиру подоспели партизаны. Выстрелом в упор фашист был убит. Командир продолжал руководить боем. Джованни во главе группы партизан приближался быстрыми перебежками к дому, где засели последние уцелевшие фашисты. Здесь его смертельно ранило. Схватившись за окровавленную голову, он упал лицом вниз. Отказавшись от захвата горы Склари, фашисты медленно отступали, уводя с собой пленных итальянских и советских партизан. Кровавая стычка закончилась победой партизан *. Но фашис-

* Галлени Мауро. Советские партизаны в итальянском движении Сопротивления. М., Прогресс, 1970, с. 68.

ты отомстилн партизанам за их контратаку. Отойдя в долниу так, чтобы ее было видио с позиций партнзан, фашисты иа одной из тропинок, усаженной оливковыми деревьями, повеснли плеиников. Их было восемнадцать гарнбальдийцев. Гитлеровцы запретили местным крестьянам сннмать тела партнзаи. Чтобы устрашить ие только местное населеиие, но и всех нтальянскнх партнзан, фашисты оставнлн доску, где иапнсалн, что так будет со всемн, кто возьмется за оружие.

Но угроза гитлеровцев ие устрашила нтальянцев. Ночью, когда фашисты ушлн под охрану пулеметных точек н патрулей, партнзаны спустилнсь с гор, сняли тела н похороинли товарищей.

Гнбель партизан и командира «Стеллы росса» — Ивана (Джоваинн) еще больше спаяла нтальяиских и советских воииов.

Такое же военное братство было продемоистрировано в Монтемаджо 21 июля 1944 года, в бою, когда эсэсовцы на рассвете внезапио, при поддержке бронемашни, напалн на отдыхающих бойцов. Партнзаны прннялн бой, но силы былн иеравны, и рота стала отходить в горы. Оставшиеся в окруженнн партнзаиы более двух часов сдержнвалн озверелых фашистов, обеспечивая отход товарищей.

Коичились граиаты, патроны былн на исходе. Сурен Кнрикользяи слышал уже далеко в горах выстрелы — рота ушла и была в безопасностн. Партизан посмотрел на раиеного итальяица по клнчке Ново, подбадривая его взглядом, улыбиулся, хотя и сам Сурен был ранен в обе иоги. На щеке итальяица виднелись кровоподтеки, перебитая рука повнсла. Сурен поиял — живым отсюда не выбраться, ио в его автомате еще были патроиы. Он бнл иаверняка. Выстрел... н Суреи сразнл еще одиого фашнста. Но тут же сам был ранеи в бедро. Разорвалась вражеская граната. Оставался едниственный патрои. Еще свалился эсэсовец у порога. Больше патронов не было. Сурен видел тяжело раиеииого партизаиа Ново, тот потерял сознанне. Суреиу удалось подползтн к своему другу. Фашисты, подождав немного, ворвались в дом. Оба раненых партизана погнбли от кинжалов фашнстов.

Исключительио смело действовал отряд Андрея Гречко. Вместе с 125 итальяискнми партизанамн из 3-й гарибальднйской днвнзии «Пьемонте» ои провел в ночь на 18 августа 1944 года операцню по уничтоже-

нию крупного авиационного предприятия в окрестностях Турина. Было это так.

В течение нескольких месяцев ходили слухи, явно направленные на дезинформацию, что американская и английская авиации якобы уничтожили авиационный завод «Аэриталия» фирмы ФИАТ. Но партизаны-разведчики, действующие и работающие на самом заводе, докладывали о другом, что бомбежка проводилась не по военным целям, а завод продолжал выпускать истребители и бомбардировщики для фронта.

Партизанским разведчикам удалось раздобыть план этого завода, узнать, где находились зенитные пулеметы, склады оружия, горючего, посты охраны гарнизона и блок-поста, через который вела ветка железной дороги. По ней увозили готовую продукцию. Но этого было мало. Надо было точно знать расположение объектов внутри завода. Поэтому разведчики под видом рабочих осматривали и изучали места действия и цели, с которыми предстояла встреча. Было ясно, что от наличия точного плана, где будут указаны объекты, на которые необходимо напасть, будет зависеть успех сложной и важной операции. Поэтому план операции снова и снова выверялся в деталях.

В этой операции решались следующие задачи: надо было добыть оружие, горючее, так необходимое партизанским машинам, а также другие военные материалы и снаряжение. Одной из основных задач было уничтожение станков, готовых самолетов не только в цехах, но и на взлетной полосе.

Выполнение этих задач подтвердило возможности партизан-гарибальдийцев наносить удары по самым недоступным и охраняемым фашистами важным объектам и вообще весомо напомнило бы оккупантам о существовании движения Сопротивления в стране. Следовательно, на карту ставился престиж всей борьбы.

Для выполнения операции партизаны были разбиты на несколько групп, наиболее многочисленной из них была группа партизан 17-й бригады, в составе которой и действовал отряд А. Гречко — 35 советских бойцов.

Разработчиком плана операции был партизанский командир Пино Монфрино. Он и его помощник Гольмино с двумя группами партизан должны были снять часовых, предварительно отключив телефонную связь с городом, где размещались гарнизоны гестаповцев.

Другие две группы партизан под командованием Витторио Бландино должны проникнуть на взлетное поле с целью уничтожения готовых самолетов.

Еще одна группа под руководством Марио Кастанье должна была завладеть блок-постом, захватить казарму с 25 немецкими и местными фашистами.

Операция началась в час ночи 18 августа, и, несмотря на сложность действия в темное время, она была четко выполнена, по минутам. Завод оказался в руках партизан. С помощью рабочих они погрузили на захваченные и свои грузовики 240 пулеметов, 50 тысяч патронов, карабины и другое необходимое имущество и вооружение и вывезли его в горы. Затем началось уничтожение техники, документации, чертежей. Горели ангары и самолеты...

В 8-й гарибальдийской бригаде «Романья» был небольшой отряд, состоявший из бывших югославских, советских, а также чехословацких военнопленных. Русской ротой этого отряда командовал лейтенант С. Сорокин. Много было боев на счету этой роты. 23 февраля 1944 года отряды 8-й бригады напали на казарму полиции и карабинеров и захватили ее.

Какой-то недобитый фашист метнул в толпу гранату. Сорокин попытался отбросить ее в сторону, но не успел. Граната взорвалась у его ног. Тяжело раненного командира доставили в ближайшую больницу. Оперировал его доктор Джоржо Казалья.

Сорокин был представлен к награде медалью «За воинскую доблесть». Это представление было подписано комиссаром 8-й бригады «Романья» Антонио Карини.

Временно ротой стал командовать Николай Черноус. В первых числах апреля гитлеровцы начали наступление на гору, где закрепилась группа русских партизан. Она мужественно обороняла местечко Сан Паоло, но вынуждена была отступить к горному монастырю. 10 апреля фашисты снова атаковали русских. Но отряд оказал жестокое и упорное сопротивление. Теперь уже гитлеровцы вынуждены были отойти, оставив на поле боя много убитых и раненых. После излечения ротой снова стал командовать С. Сорокин. И она мужественно сражалась вплоть до освобождения Романьи.

Таких примеров можно привести великое множество.

* * *

Партизанское движение в Италии возникло по инициативе Итальянской коммунистической партии. Уже осенью 1943 года Миланский партийный центр во главе с Луиджи Лонго и Пьетро Секкья создал несколько партизанских отрядов и групп, носивших имя национального героя Италии Гарибальди. Гарибальдийцы совершали диверсионные акты на железных и шоссейных дорогах Пьемонта, Эмилии, Тосканы, Венето.

Зимой 1943/44 года по всей Италии действовало уже 20—30 тысяч партизан, а летом 1944-го не менее 100 тысяч.

С численным ростом партизан усилилась и их боевая активность. Они начали применять самые разные формы борьбы. От диверсий и мелких стычек с вражескими гарнизонами переходили к крупным операциям, спускались с гор и занимали отдельные населенные пункты, целые районы и даже города. Летом и осенью 1944 года в Центральной и Северной Италии было 15 освобожденных районов, которые партизаны удерживали по нескольку месяцев.

Известия о партизанской борьбе итальянских патриотов быстро и широко распространялись по всей Италии, и советские люди, волею судьбы оказавшиеся в плену врага, всеми силами стремились бежать из лагерей военнопленных и рабочих лагерей и присоединиться к партизанам.

Важное значение для расширения партизанской борьбы в Италии имело создание по инициативе компартии в июне 1944 года единого военного командования, получившего название Командования корпуса добровольцев свободы.

Партизанская борьба против гитлеровцев и местных фашистов охватила всю Италию.

Итальянская коммунистическая партия, ведя борьбу со сторонниками политики выжидания, призывала патриотов готовиться к всеобщему вооруженному восстанию. 10 апреля 1945 года руководство ИКП направило всем партийным организациям письмо, в котором призывало начать восстание по всей Италии. В ответ на этот призыв подразделения партизанской армии в первой половине апреля освободили Болонью, Модену и ряд городов Адриатического побережья. 25 апреля ра-

бочне заиялн все предприятия Милаиа, а на следующий день в город вступили отряды гарибальднйцев. В результате тяжелых боев партизаиы освободилн от гнтлеровцев Турии, а затем заставнли капитулировать немецкий гариизон в Генуе.

Такнм образом, благодаря огромной политнческой н оргаинзацнонной работе компартии в тылу врага выросшее и окрепшее партнзаиское двнжение превратнлось в грозную для захватчнков снлу н тем самым внесло большой вклад в общее дело победы над фашизмом.

СОДЕРЖАНИЕ

Бойцы Сопротивления : Пронин Н. М. Француз-
Б 77 ские тетради лейтенанта Рябова. Гладкий С. П., Фьюмара Д. Операция «Бальденич». — М. : Мол. гвардия, 1984. — 269 с., ил. — (Летопись Великой Отечественной).

65 к. 100 000 экз.

Обе повести — «Французские тетради лейтенанта Рябова» Н. Пронина и «Операция «Бальденич» С. Гладкого и Д. Фьюмары рассказывают об участии советских людей в движении Сопротивления Франции и Италии. Авторы — советский и итальянский журналисты, ученый-историк (Гладкий С.). Рассчитана на массового читателя.

Б $\frac{0505030202-232}{078(02)-84}$ 011—84

ББК 63.3(2)722.5
9(С)277

ИБ № 4177

БОЙЦЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Редактор В. Таборко
Художник А. Катин
Художественный редактор В. Федотов
Технический редактор Т. Кулагина
Корректоры И. Ларина, Н. Самойлова

Сдано в набор 27.03.84. Подписано в печать 06.08.84. А00772. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 14,28+0,84 вкл. Усл. кр.-отт. 15,72. Учетно-изд. л. 15,7. Тираж 100 000 экз. Цена 65 коп. Заказ 2274.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

СЕРИЯ КНИГ «ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ»

(выходит с 1981 года)

1981

Цупко П. Над просторами северных морей
Васин Н. Комсомольский эшелон

1982

Кассис В., Комаров В., Чичков В. Покой нам и не снился
Зайцев И. Разведчик
Сташек Н. Крутыми верстами
Чхендзе А. Записки дунайского разведчика
Омельченко В. И грянул бой...

1983

Ключарев Г. Конец «Зимней грозы»
Залесов Т. Объект 10.01
Силантьев В. Воздушные разведчики
Грищенко П. Схватка под водой
Одинцов М. Испытание огнем

1984

Тараканова Е. Если ранили друга, Магидов А. Цена милосердия
Курочкин П. Курс — пылающий лес, Сперанский М. Партизанскими тропами
Егоров А. Мы — танкисты, Шишенков Ю. Был отец рядовым

К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие наши юные читатели, дорогие ветераны войны!

К вам обращаемся мы, молодогвардейцы, с призывом принять самое активное участие во Всесоюзной поисковой экспедиции комсомольцев и молодежи, пионеров и школьников — «Летопись Великой Отечественной», которую вот уже третий год проводит ЦК ВЛКСМ в рамках Всесоюзного похода молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы Коммунистической партии и советского народа.

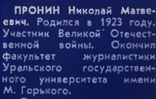
В настоящее время комсомольские и пионерские организации страны, отряды юных следопытов собирают воспоминания участников войны, их письма, документы и другие реликвии Великой Отечественной войны, с тем чтобы поместить их в своем школьном музее боевой славы или передать на государственное хранение.

Ничто не должно быть забыто, ничто не должно быть утеряно!

Память о героическом подвиге советских людей в годы Великой Отечественной войны — священна!

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

65 коп.



ПРОНИН Николай Матвеевич. Родился в 1923 году. Участник Великой Отечественной войны. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета имени М. Горького.

«Французские тетради лейтенанта Рябова» — его первая книга.

ГЛАДКИЙ Сергей Павлович. Родился в 1919 году. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Военную академию имени Фрунзе. Кандидат исторических наук. Автор книги «Русский из Дрокура» о Василии Порике — герое французского Сопротивления.

ФЬЮМАРА Джузеппе. Родился в 1934 году. Итальянский коммунист, журналист, поэт. Книга его стихов переводится на русский язык.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ